ДБ 400/
С-30

400
30

В. П. СКМЕННИКОВ

ПОЛИТИКА РОМАНОВЫХ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

ОТ АНТАНТЫ К ГЕРМАНИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

14916/

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬ

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ИЗДАНИЯ ПО ИСТОРИИ ПАДЕНИЯ МОНАРХИИ В Р

Дневник б. вел. кн. Андрея Владимир

Редакция и предисловие В. П. Семенникова.

Стр. 111. Ц. 85 к.

ЗА КУЛИСАМИ ЦА

(Архив тибетского врача Бадмаева.)

Редакция и вступительная статья В. П. Семенн

Стр. XXXIV, 175. Ц. 1 р. 40 к.

НИКОЛАЙ II и ВЕЛИКИЕ КНЯ

(Родственные письма к последнему царю.) Предисловие В. И.

Редакция и вступительная статья В. П. Семенникова

Стр. 154. Ц. 1 р.

ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖ

Стенографические отчеты допросов и показаний, данных ч
чайной Следственной Комиссии Временного Правительства (

В СЕМИ ТОМАХ.

Редакция П. Е. Щеголева.

Том I — Допросы А. Н. Хвостова, Климовича, Про
Хабалова, Васильева, Штюрмера, Бурцева, Кафафова,
кн. М. М. Андроникова. Стр. XXX, 432. Ц. 2 р. 75 к. (ра
2-е изд.)

Том II — Допросы А. Д. Протопопова, кн. М. М. Анд
А. Т. Васильева, И. Ф. Манасевича-Мануйлова, А. А. М
М. А. Беляева, кн. Н. Д. Голицына, Н. А. Добровольского, И. Г
витова. Стр. VI, 439. Ц. 2 р. 75 к.

Том III — Допросы и показания А. В. Герасимова, А.
ридовича, В. Н. Воейкова, Н. А. Маклакова, М. С. Ком
П. Г. Курлова, М. И. Трусевича, А. А. Вырубовой, С. П. Б
И. Л. Горемыкина, О. А. Лохтиной, С. Е. Виссарионова, Н.
идзе. Стр. IV, 508. Ц. 3 р.

Том IV — Записки А. Д. Протопопова и С. П. Б
Стр. 536 Ц. 3 р.

Том V — Допросы и показания Г. Е. Рейна, графа Фре
И. М. Золотарева, В. Ф. Джунковского, Б. В. Штюрмера, Н. А
кова, С. Е. Виссарионова, А. Д. Протопопова, П. Б
М. В. Челнокова, ген. Н. И. Иванова, Н. Н. Покров ого, Ф.
вина, С. Е. Крыжановского, А. А. Хвостова. Стр. 476.

ВБ
400
С 30

В. П. СЕМЕННИКОВ

9 (47) "19"

ИТИКА РОМАНОВЫХ

КАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

(ОТ АНТАНТЫ — К ГЕРМАНИИ)

ПО НОВЫМ ДОКУМЕНТАМ

3031

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ. КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 114916/8

Гэсуд. публичная историческая библиотека РСФСР
114916/8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Гиз. № 10274.
Ленинградский Гублит № 11761.
15½ л. Отпеч. 4.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

От результатов империалистической войны зависело существование царизма: поражение монархии чрезвычайно усиливало все те объективные условия, на почве которых назревала революция; наоборот — победа царской России, совместно с ее союзниками, над германско-австрийской коалицией могла на время укрепить царизм и отдалить срок его неминуемой гибели.

Когда царская власть, поддерживаемая широкими слоями буржуазии, начинала войну, то ей рисовался «победоносный мир», который казался обеспеченным, и особенно благодаря «дружбе» и «единению» с союзниками. Но прошли месяцы, истек год войны — победы не было: были лишь тяжелые поражения, все более и более расшатывавшие позиции самодержавия. Постепенно перспектива победоносного мира начала становиться сперва маловероятной, а потом и совсем невозможной, и лозунг «война до конца», хотя и употреблялся еще в официальных декларациях правительства, но фактически стал отходить в сторону; вместе с тем начали обнаруживаться признаки, дававшие основание думать, что царская власть стремится итти к сепаратному миру с Германией.

Для постановки такого вопроса был тогда, несомненно, ряд серьезных причин, — и крупнейший авторитет, В. И. Ленин, на основе анализа объективных социально-экономических условий, признавал, что, накануне своей гибели, русская монархия была близка к сепаратному миру и к союзу с Германией; складывавшуюся тогда ситуацию В. И. Ленин определял как возможность «поворота мировой политики». [1]

Настоящая книга посвящена выяснению вопроса, как относились к назревавшему повороту Романовы и поддерживавшие

[1] Взгляды В. И. Ленина будут изложены в тексте книги.

их социальные группы. Книга состоит из ряда очерков, связанных внутренним единством. Обнаруживаемые в каждом из этих очерков факты, в конце концов, приводят к выводу, что стоявшие у власти накануне падения монархии социальные группы, возглавлявшиеся Романовыми, действительно сознательно тяготели к отколу от «союзников» и к сепаратному миру,— стремление к этому я рассматриваю как руководящую линию распутинско-романовской политики.

Однако, отмеченная главная мысль книги не могла быть установлена на основании бесспорных документальных данных; для этого оказались необходимыми не только факты, но и расследования, которые могли бы приоткрыть тайные пружины романовско-распутинской политики. Стремясь к такой цели и стараясь обнаружить сознательное тяготение правящей группы к сепаратному миру с Германией, я основывался не только, собственно, на анализе фактов политики, но как на характеристике тех «сил», которые играли решающую роль в государственном аппарате, так и на оценке влияния руководящей группы в различных областях, — между прочим, и верховном командовании.

Первый очерк книги посвящен теме «Романовы и сепаратный мир»; здесь я рассматриваю вопрос о тех попытках, которые делали в этом отношении германские империалисты, и устанавливаю отношение к этим попыткам Романовых и ближайшей к ним правящей группы.

Второй очерк—«Поворотный этап царской политики»—вскрывает обстоятельства той борьбы за обладание государственным аппаратом, которая в августе 1915 г. разыгрывалась между романовской властью и либерально-империалистской буржуазией. В третьем очерке — «Банки и Распутин» — я стараюсь определить ту руководящую группу буржуазии, которая, через фактического, главу власти, Распутина, давала «пацифистское» направление царской политике; вместе с тем, при исследовании этого вопроса лишний раз, на основании строго проверенных данных, вырисовывается все то разложение, до которого дошла монархия в период своей агонии: орудование у самого «трона» мелких аферистов, назначение ими, за взятки Распутину, министров, жалкая роль самих Николая и Александры Романовых, исполнявших зачастую директивы разных банковских дельцов, — все это наглядно обнаруживается в очерке «Банки и Распутин».

Четвертый очерк посвящен теме «Распутин и верховное командование», где выясняется вопрос о вмешательстве в эту область

«божьего человека» и истинный смысл его «стратегических» советов; попутно, для обрисовки общей картины, я касаюсь и вопроса о германском шпионаже, который, повидимому, сосредоточивался где-то у руля власти.

Наконец, заключительный, пятый очерк — «От Антанты — к Германии» — имеет целью дать посильное объяснение установленным ранее фактам, наметить экономические мотивы «пацифистского» настроения поддерживавшей распутинскую политику социальной группы и определить смысл той борьбы, которая происходила перед революцией между двумя слоями буржуазии.

При работе над этой книгой я, естественно, пользовался всеми доступными мне печатными источниками, но, кроме этого, в моем пользовании был и ряд важнейших неизданных документов, в том числе и из личных бумаг Николая II. Среди них были особенно ценны для настоящей книги печатающиеся здесь впервые письма к Николаю уполномоченной австро-германцами для сношения с ним по вопросу о сепаратном мире Фрейлины Васильчиковой; ряд других документов, здесь лишь цитируемых, вместе со многими другими материалами, будет напечатан в выходящем под моей редакцией сборнике «Монархия перед крушением».

Кроме того, я имел возможность использовать все (числом 88) протоколы допросов царских сановников, произведенных в 1917 г. учрежденной Временным правительством Чрезвычайной Следственной комиссией; были просмотрены также и все письменные показания арестованных тогда лиц.[1]

Надо, однако, сказать, что этот, в общем богатый и обширный по объему, материал дал мне лишь отдельные штрихи, несмотря даже на то, что некоторые из рассматриваемых мной вопросов весьма интересовали «следственную комиссию». Эта малая содержательность всех этих показаний в данном отношении объясняется, с одной стороны, тем, что большая часть допрошенных лиц не была посвящена в эти романовские тайны, — лица же, кое-что знавшие, естественно, старались их скрывать; но, с другой стороны, надо отметить также и то, что вообще выяснению всех интересовавших комиссию вопросов только в малой степени могли служить показания этих бывших царских слуг: главное, основное надо было

---

[1] Протоколы эти печатаются теперь Ленотгизом под названием «Падение царского режима»; пока вышли пять томов. Я пользуюсь только двумя томами этого издания, — все остальные протоколы цитируются непосредственно по подлинникам.

искать не здесь, а в личных бумагах Романовых. Между тем, Временное правительство не только постеснялось забрать эти бумаги, хотя бы в качестве необходимого для той же комиссии материала, но преступно допустило уничтожение Романовыми тех документов, которые их особенно компрометировали.

При таких условиях, самым драгоценным источником для характеристики распутинской власти навсегда останется сохранившаяся личная переписка Николая и Александры Романовых: иногда буквально одна строка из их писем бесспорно разрешает многие из тех вопросов, которым посвящены десятки страниц упомянутых протоколов «следственной комиссии». [1] Понятно поэтому, что переписка Романовых использована мною здесь в широкой форме.

В заключение отмечу, что, при работе над этой книгой, мне встретилось несколько вопросов, которые хотя и связаны с моими основными темами, но, по разным причинам, не соответствовали включению их в основной текст, — эти вопросы рассмотрены в приложениях; там же даны и некоторые дополнения, основанные на документах, опубликованных во время печатания настоящей книги.

---

[1] К сожалению, во время работы над этой книгой я не имел возможности воспользоваться IV томом издаваемой Центрархивом «Переписки Н. и А. Романовых», где помещены их письма за 1916 год: этот том «Переписки» вышел в свет, когда печатание настоящей книги было уже почти закончено. Поэтому для 1916 г. мне пришлось пользоваться берлинским изданием (1922 г.) «Писем Александры Федоровны к Николаю II», хотя это издание не вполне точно и притом не заключает в себе соответствующих писем Николая II.

ПОЛИТИКА РОМАНОВЫХ

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

РОМАНОВЫ И СЕПАРАТНЫЙ МИР.

Попытки центральных держав подорвать союз их противников предпринимались уже с самых первых месяцев войны. Крушение, после боя с французами на Марне, первоначального германского военного плана слишком ясно показало всю призрачность достижения скорой победы над могущественной англо-русско-французской коалицией. И потому австро-германцы, изыскивая все стратегические возможности для ускорения победы над противником, вместе с тем вскоре же стали прилагать неофициальные дипломатические усилия, чтобы облегчить достижение цели и другим путем — отколоть от союза хотя бы одну из держав враждебной им коалиции, или, во всяком случае, тем или иным путем подорвать их союзную связь. Это был вполне понятный тактический прием, так как, в случае успеха такого откола, австро-германские империалисты могли бы освободить часть своих вооруженных сил и двинуть их против остальных противников.

В большинстве таких попыток объектом внимания австро-германцев была Россия. Это также вполне объяснимо, и прежде всего потому, что о с н о в н ы е причины мирового конфликта лежали, для руководящего империалистского слоя Г е р м а н и и, в первую очередь, не в России, а в Англии и затем во Франции. Что касается империалистов А в с т р и и, то хотя их «главным врагом» была Россия (а затем Италия), но политику Австрии направляли те же г е р м а н с к и е империалисты, и австрийским лишь оставалось итти на поводу у руководящей группы своих германских союзников.

В связи с этим первую, ближайшую задачу германско-австрийских империалистов составляло достижение главной цели,

лежавшей в сфере столкновения империалистских интересов Германии и Англии, — Россия же могла, хотя бы временно, отступить, в глазах германцев, на второе место. И это особенно потому, что сепаратный мир Германии с царской Россией был бы, в сущности, равносилен союзу этих государств.

Надо сказать вместе с тем, что Россия представлялась противной стороне и наиболее уязвимой в смысле возможности откола ее от союзников. Это свидетельствуют и сами германцы,— например, в своих воспоминаниях бывший германский министр Эрцбергер.[1] И такое мнение имело, конечно, все основания, так как русская монархия представляла собой слишком непрочное государственное здание, и потому в гораздо меньшей степени, чем союзные с ней государства, была способна вести затяжную войну.

На почве этих причин австро-германцы не раз делали попытки побудить Романовых к заключению сепаратного мира. Об этих попытках, о том, как реагировали на них Романовы и правящая группа, и как вообще относились они к возможности сепаратного мира, мы и будем говорить в настоящем очерке.

1.

Первая, известная нам, попытка австро-германцев войти в сношения с Романовыми по вопросу о сепаратном мире относится к концу февраля 1915 г., т.-е. к началу второго полугодия войны.[2] Это было время, когда русская армия наступала в Галиции (9 марта был взят Перемышль); в то же время германские войска, в виду наступательных действий русской армии, перебрасывались с западного фронта на русский.[3] При таких условиях, попытка войти в переговоры о сепаратном мире была в этот момент, с германской точки зрения, вполне своевременна, — тем более, что вскоре (в марте — апреле) перед немцами встал вопрос о сосредоточении главных своих сил именно

---

[1] М. Эрцбергер. «Германия и Антанта». Мемуары. Гос. Изд—ство. 1923 г., стр. 201.

[2] Возможно, однако, что такие попытки делались и ранее — см. приложения.

[3] Так, например, еще 8 февраля в. к. Николай Николаевич в письме к Николаю II сообщал о переброске с западного фронта на русский 3—5 корпусов (см. «Николай II и великие князья». Родственные письма к последнему царю. Гос. Изд—во. 1925 г., стр. 32).

на русском фронте, куда решено было перенести центр тяжести борьбы.

В качестве посредника для сношений с Романовыми была избрана соответствующими австро-германскими властями фрейлина русских императриц М. А. Васильчикова. Она постоянно жила в Австрии, в своем имении (под Веной), — здесь ее застало и начало войны; но Васильчикова не вернулась тогда в Россию, а, в виде особого исключения, была оставлена австрийцами в ее имении.

Васильчикова была соединена родственными отношениями с различными представителями как русской, так и австрийской аристократии, — в частности, была очень близка к кн. Лихтенштейну, бывшему австрийскому послу в Петербурге, — имела обширное знакомство в этой среде и, кроме того, была лично хорошо известна Романовым.

Благодаря всем этим обстоятельствам, австро-германские власти и решили использовать Васильчикову в качестве посредника для предварительных неофициальных сношений с Романовыми.

Переговоры с Васильчиковой вели сперва три лица (два немца и один австриец), не принадлежавшие к официальной дипломатии, но имевшие сношения с царствующими домами как Австрии, так и Германии. Эти лица приезжали в имение к Васильчиковой и вели с ней переговоры. Позднее она была вызвана из своего австрийского имения в Берлин, — и здесь с ней имел соответствующие беседы германский министр иностранных дел фон-Ягов. Он передал ей на словах несколько соображений, подготовлявших почву для постановки вопроса о мире.[1]

О тех беседах, которые имела Васильчикова с приезжавшими к ней лицами и с фон-Яговым, она сообщила в письмах (их было три) к Николаю II.

Эти письма, ниже печатаемые, воспроизводят историю этого дела в той скрытой его стадии, которая была в свое время известна только самому тесному романовскому кругу.[2]

---

[1] Заметим, что, по словам Эрцбергера, именно Ф.-Ягов, среди всех государственных деятелей Германии, «яснее других понимал настоятельность заключения мира»: с самого начала войны он «выражал мнение, что Германия должна быть довольна, если выйдет из войны только с подбитым глазом» (см. Эрцбергер, цитиров. воспоминания, стр. 198).

[2] Письма Васильчиковой воспроизводятся со всеми ее стилистическими ошибками.

Письма Васильчиковой к Николаю II.

1.

25 февраля — 10 марта 1915.

Klein Vartenstein
Gloggnitz
Nieder Oesterreich.

Ваше величество.

Сознаю всю смелость моего поступка писать вашему императорскому величеству, но только беспредельная любовь к вам, государь, и к моему отечеству побуждает меня это сделать, и умоляю ваше величество соблаговолить прочесть эти нескладные, но вылившиеся из души строки.

В настоящее грустное время я, кажется, единственная русская, имеющая доступ к вам, ваше величество, которая находится во враждебной нам стране, и к тому же, ради пребывания здесь летом семьи моего племянника Скоропадского, [1] и анонимных доносов, что я скрываю русских шпионов, нахожусь в плену, т.-е. не смею выходить из моего сада,—и ко мне сюда приехали т р о е [2] — два немца и один австриец, все трое более или менее влиятельные люди, и просили меня, если возможно, донести вашему величеству, «что теперь все в мире убедились в храбрости русских, и что пока все воюющие стоят почти в одинаковом положении, не будете ли вы, государь, властитель величайшего царства в мире, не только царем победоносной рати, но и царем М и р а.— У вас у первого явилась мысль о международном мире, и по инициативе вашего величества созван был в Гааге мирный конгресс.— Теперь одно ваше могучее слово,—и потоки, реки крови остановят свое ужасное течение. Ни здесь, в Австрии, ни в Германии нет н и к а к о й н е н а в и с т и против России, против русских; в Пруссии император, армия, флот сознают храбрость и качества нашей армии, и в этих обеих странах большая партия за мир, за прочный мир с Россией. Теперь все гибнет: гибнут люди, гибнет богатство страны, гибнет торговля, гибнет благосостояние; — а там и страшная желтая раса, — против нее степа —

---

[1] Васильчикова находилась, между прочим, в родстве с Павлом Скоропадским, который в 1918 г. был гетманом Украины, а в это время, в качестве начальника одной из русских кавалерийских дивизий, участвовал в войне.

[2] Здесь и далее набранное разрядкой подчеркнуто Васильчиковой.

одна Россия, имея во главе вас, государь. Одно ваше слово, и вы к вашим многочисленным венцам прибавите венец бессмертия».

Я была совсем изумлена, когда мне все это высказали. На мое возражение — что могу я — мне отвечали: «Теперь дипломатическим путем это невозможно, поэтому доведите вы до сведения русского царя наш разговор, — и тогда, стоит лишь сильнейшему из властителей, непобежденному, сказать слово, и, конечно, ему пойдут всячески навстречу». Я спросила — а Дарданеллы? Тут тоже сказали: «Стоит русскому царю пожелать — проход будет свободен».

Люди, которые со мною говорили, не дипломаты, но люди с положением, и которые лично знакомы и в сношениях с царственными правителями Австрии и Германии. Вспоминаю князя Лобанова — так искренно преданный вашему величеству и России, он всегда стоял за дружбу трех императоров[1] — l'Alliance des trois Empereurs.

Здесь, повторяю, нет не только ненависти, но даже настоящего враждебного чувства к России, и трое, со мной говорившие, бывали в России, ее знают и любят. Тоже к Франции и к Японии нет ожесточенности, — но, правда, ненависть огромная к Англии.

Ваше величество, я себя чувствовала не в праве не передать все вышеизложенное, которое теперь, [вследствие того][2] что ни в Германии, ни в Англии нет вашего представителя, мне пришли высказать. Молю меня простить, если ваше величество найдет, что я неправильно поступила.

Конечно, если бы вы, государь, зная вашу любовь к миру, желали бы через поверенное, близкое лицо убедиться в справедливости изложенного, эти трое, говорившие со мною, могли бы лично все высказать в одном из нейтральных государств, но эти трое — не дипломаты, а, так сказать, эхо обеих враждующих стран.

Вашего императорского величества глубоко преданная подданная

Мария Васильчикова.

---

[1] Кн. А. Б. Лобанов-Ростовский, бывший министром иностранных дел в 1895 — 1896 гг.

[2] Добавлено по смыслу.

2.

17/30 марта 1915.

Klein Vartenstein
Glogganitz
Nieder Oesterreich.

Ваше величество.

Не знаю, дошло ли до вашего величества письмо, которое осмелилась вам написать (10 марта нового стиля). С тех пор многое случилось — Пржемысль пал, наши храбрые воины отчаянно воюют в Карпатах — и вот опять ко мне приехали трое (два немца и один австриец), прося повторить написанное мною в первом письме и, может быть, не дошедшем до вашего величества, а именно — что в Германии и Австрии желают мира с Россиею, и вы, государь, возымевший святую мысль о международном мире и по желанию которого был созван в Гааге мирный конгресс, вы, властитель величайшей страны в мире, вы один — тот, который, как победитель, можете первый произнести слово мир, — и реки крови иссякнут и страшное теперешнее горе превратится в радость.

Меня просят довести до сведения вашего величества, что из с е к р е т н е й ш е г о источника известно, что Англия намерена себе оставить Константинополь и создать на Дарданеллах новый Гибралтар, и что теперь ведутся т а й н ы е переговоры Англии с Японией, чтобы отдать последней Манчжурию. Люди, которые мне это говорят, не дипломаты, но искренно любят свое отечество, и они — э х о народного желания, и говорят — мы просим русского государя, не побежденного, а победителя, и в качестве такового произнести слово мир, и ему пойдут всячески навстречу, и вопрос о Дарданеллах будет решен, конечно, не в пользу Англии, а России.

Опять прошу прощения, что смею все это писать, — но моя русская кровь возрадовалась, услыхав все то, что э т и т р о е, которые знают хорошо Россию, говорят. Они, повторяю, не дипломаты, но имеют сношения с царственными домами обеих стран, находящихся в вражде с Россиею.

Мое первое письмо послала через ее величество, — а это беру смелость прямо послать вам, государь!

О, если бы пасхальный звон возвестил бы и мир! — Христос воскресе, дай вам бог, ваше величество, государыне императрице и вашим августейшим детям всего светлого и радостного.

Вашего императорского величества глубоко преданная подданная

Мария Васильчикова.

Если ваше величество желали бы прислать доверенное лицо в одно из нейтральных государств, чтобы убедиться, здесь устроят, что меня из плена освободят, и я могла бы представить этих трех лиц вашему доверенному лицу.

3.

Берлин. 27/14 мая 1915.

Ваше величество.

Осмеливаюсь еще раз писать вам, государь, и этот раз из Берлина, куда меня просили приехать, или, вернее, за мной приехали в Klein Vartenstein, под предлогом, что я могу в Германии видеть моего племянника, который находится здесь в плену, а в сущности, чтобы я могла передать вашему величеству разговоры, которые тут имела.

Вашему величеству известно, что с августа месяца я в Klein Vartenstein более или менее в плену — мне запрещено выходить из моего сада. Здесь же, в Берлине, я пользуюсь полной свободой, и мне даны всяческие права, которыми никто из иностранцев, теперь живущих в Берлине и Германии, не пользуется, — и это с ведома императора Вильгельма, который знает благосклонное и милостивое отношение вашего величества и государыни императрицы ко мне.

Я горько раскаиваюсь, что покинула Россию, и теперь, в эти тяжелые времена, не могу быть полезной, но, может, воля всевышнего так решила, и далеко от родины я все же могу ей служить; поэтому и дерзаю передать все слышанное.

Уже с конца февраля ко мне в Klein Vartenstein приезжали говорить о мире, — как писала вашему величеству. Теперь, хотя, конечно, неофициально, но из всех разговоров можно ясно понять, что желание мира с Россией очень усилилось. Тут многие ко мне приезжали, и министр иностранных дел von-Jagow, которого давно знаю, был у меня несколько раз и долго говорил о теперешнем положении,—скажу больше, с его желания и ведома передаю наши разговоры. Так как они велись на французском языке, стараюсь дословно их передать на том же языке, и вы усмотрите, что Германия искренно желает прекратить войну

как можно скорее и сделаться не врагом, а другом и союзником России. [1]

«Все здесь держатся того мнения, что мир между Германией и Россией — вопрос жизни и смерти для обеих стран, которые связаны между собою столькими торговыми интересами и в действительности ни в чем не расходятся в своей внешней политике. Само собой понятно, что в этот мир должна быть включена и Австрия, ибо Германия не может и не хочет покинуть Австрию, которая, во всяком случае, выйдет из этой войны ослабленной.

«Необходимо прекратить бойню именно теперь, когда, несмотря на большие потери с одной и с другой стороны, ни одна из воюющих стран не разбита. Россия выиграет гораздо больше, если она заключит выгодный мир с Германией, даже и в вопросе о Дарданеллах, который Германия рассматривает как вопрос, имеющий первостепенное значение для России. Здесь убеждены, что Англия захочет и будет настаивать на том, чтобы иметь полную свободу в Черном море, — другими словами, она пожелает там господствовать, ибо называет себя «владычицей морей». А для России, в случае, если ей придется когда-либо воевать с Англией, такое положение будет чревато великими опасностями. Мне указали на то, что Англия никогда не была истинным другом союзников — она любит, чтобы другие вынимали для нее каштаны из огня. Англия стремится к преобладающему влиянию в Константинополе, и несмотря на все свои обещания, она никогда не позволит России захватить этот город или оставить его во власти России, если бы последней удалось его занять.

«Германия нуждается в России сильной и монархической и оба соседние царствующие дома должны поддерживать свои старые монархические и дружественные традиции. Продолжение войны считают здесь опасностью для династии. Здесь отлично понимают, что Россия не хочет покинуть Францию, но и в этом вопросе — вопросе чести для России — Германия понимает ее положение и не будет ставить ни малейших препятствий к справедливому соглашению.

«Здесь и не помышляют о создании нового Царства Польского, которое явилось бы источником раздоров, а кроме того, не имея свободного выхода к морю, было бы, в конце концов,

---

[1] Следующий далее французский текст даем в русском переводе. Подлинный французский текст см. в приложениях.

задушено соседями, ибо ни Россия, ни Германия и не подумают пожертвовать ради Польши ни одним из их портов в северном море.

«Здесь понимают также, что обезопасить Европу от желтой расы может только сильная Россия. Впрочем, завещание Бисмарка было оставить России свободную политику в Азии.

«Война с Италией здесь никого не пугает. [1] Начиная с осени, весь южный Тироль наводнен австрийскими войсками, а несколько времени тому назад и германцы направили туда часть своих сил. Эта война, по сведениям из верного источника, ведется на английские деньги, и политические заправилы, франкмасоны, радикалы и tutti quanti, истинная цель которых низвергать троны, заработали несколько миллионов лир. Здесь полагают, впрочем, что ваше величество были против того, чтобы Италия вмешалась в эту войну. И самым категорическим образом мне повторяли неоднократно, что в стране нет ни малейшей ненависти к России.

«Мне говорили также о дурном обращении с германскими гражданскими пленными в России, и мне рассказывали, что ваше величество, узнав об этом, соблаговолили собственноручно начертать об улучшении обращения с ними, на что в военном министерстве к вашим словам прибавили: «только с пленными славянского происхождения». В Петрограде гражданские пленные еще не очень жалуются, но один из секретарей здешнего американского посольства написал, что обращение с пленными в провинции «is a scandal», и с гражданскими пленными более, чем с военнопленными. Тяжелое впечатление производит также судьба германского консула в Ковно, барона Лерхенфельда, который, вот уже девять месяцев, сидит в Петропавловской крепости по обвинению в том, что у него нашли карты, напечатанные в военной типографии. Не понимают здесь также причин присуждения к смертной казни двух офицеров-летчиков, господ Кнобельсдорфа и де-Бюбиля, смертный приговор которым, милостью вашего величества, был заменен каторжными работами. Они будто бы сбрасывали прокламации, т.-е. прибегли к обычному военному маневру, которым пользуются, кажется, во всех армиях.

---

[1] Это — самый свежий отклик на только-что происшедшее объявление Италией войны Австро-Венгрии: Васильчикова пишет 14—27 мая, а Италия объявила войну за три дня до этого — 11/24 мая 1915 г.

«Вообще, из всех этих разговоров ясно видно, что Англия — не истинный друг России, и что в Германии никто не уди вится, если через несколько лет она предложит Германии исполь зовать ее силы против России, — но Германия желае прочного мира с Россией». [1]

Из вышеизложенного ваше величество усмотрите, чт первая попытка о сближении с Россией, хотя не официальная но все же исходит из Германии. Здесь говорят, что в послед нее время в. к. Николай Николаевич делает ошибку за ошибко и что он совсем не жалеет солдат,— это говорят и ранены русские, и пленные — «жизнь солдата ему ни по чем». По 2- или 3-е мая нового стиля в Германии числилось пленных русски

офицеров	5 500
солдат	520 000

Теперь, после последних сражений в Карпатах, число значи тельно увеличилось. Офицеры находятся в 25 лагерях, а солдаты в 9 (точные сведения из военного министерства). В Австрии за после нее время было перевезено по железным дорогам 194 000, а сколь вообще находится русских пленных в Австрии, мне неизвестно...

Мой племянник Милорадович, сын моей сестры, перевед теперь со всеми офицерами, которые были в Burg, в Mai и я получила позволение его видеть во Франкфурте, куда е привезли на автомобиле в General Commando,— где я его 2 ча видела без свидетелей. Конечно, он очень скучает, и ему боль что именно теперь он не может служить своему дорогому отеч ству. Вместе с ним в Mainz много англичан, французов, бел гийцев. Он говорит, что англичане симпатичнее других, прямо, не стесняясь, говорят — как только будет мир, м немедленно заключим союз с Германией, чтоб напасть на Россию!!! Да, недаром Хомяков говорил п Англию — «коварный Альбион».

Великий герцог гессенский, узнав, что я во Франкфурт немедля телефонировал приехать завтракать в Volfsgarten. Лишн говорить, с какою любовью он говорил про вас и императри и как искренно он желает мира и как радовался, что v.-Jago решился со мной высказаться.

---

[1] Далее по-русски.

[2] После этого Васильчикова описывает посещение ею лагеря воен пленных около Берлина. Опускаем здесь это описание, как не относяще к нашей теме; выпущенная часть письма напечатана в приложениях.

Это письмо будет доставлено в Царское Село и передано дежурному флигель-адъютанту для передачи в собственные руки вашего величества. Смею просить приказать мне дать ответ, который могу передать von-Jagow. Я буду его здесь ждать, а потом, увы, должна вернуться в Klein Vartenstein, который до окончания войны не имею права покинуть. Если ваше величество решит с высоты вашего престола произнести слово мир, вы решите судьбу народов всего мира, и если вы пришлете доверенное лицо, одновременно такое же лицо будет послано отсюда для первых переговоров.

Вашего императорского величества с чувством глубочайшей преданности верноподданная

Мария Васильчикова.

Если бы ваше величество пожелали, чтобы я лично передала все слышанное и все, что видела здесь и в Германии, мне всячески облегчат путешествие в Царское Село,— но я должна все же вернуться в Австрию до окончания войны.

Таковы были первые, переданные через Васильчикову, обращения австро-германцев к Николаю. Из этих писем ясно видно, что Васильчикова действовала по поручению высших германско-австрийских правящих кругов, во главе с Вильгельмом II. При таких условиях миссия Васильчиковой имела, конечно, особо авторитетный характер. Но разговоры приезжавших к Васильчиковой австро-германских уполномоченных и беседа с ней германского министра иностранных дел фон-Ягова, предназначенная для передачи Николаю, были, собственно, только предварительным зондированием почвы, при котором, как и всегда в подобных случаях, взгляды высказываются лишь в более или менее общих словах.

Тем не менее основная цель высказана вполне ясно: «необходимо прекратить бойню именно теперь», необходимо России заключить сепаратный мир с Германией и Австрией, — а после этого Германия, — как поясняет Васпльчикова, — должна «сделаться не врагом, а другом и союзником России».

Возбуждая этот вопрос, германские империалисты, и в частности фон-Ягов, старались, прежде всего, воздействовать на Романовых угрозой будущей революции — указанием, что продолжение войны является «опасностью для династии». В связи с этим указанием стоит и мысль о необходимости «сильной монархической России», которая должна быть в дружественной связи

с монархической Германией; это — повторение обычных мыслей Вильгельма, не раз развиваемых им и в переписке его с Николаем. Столь же обычно и указание на грядущую опасность от желтой расы, от которой может избавить Европу только сильная Россия; германские империалисты постоянно толкали царскую Россию на Дальний Восток, чтобы самим обеспечить свободу действий на Ближнем Востоке, и даже в данных письмах не упустили случая намекнуть, будто бы в то время шли секретные переговоры Англии с Японией относительно того, чтобы отдать последней Манчжурию.

Подготовляя почву для сепаратного мира, австро-германцы, естественно, должны были обратить, вместе с тем, внимание Романовых на ненадежность их союзников, — и стремление возбудить недоверие к последним, и в частности к Англии, выражается в письмах Васильчиковой достаточно ярко.

В связи с этим, Ягов указывает Романовым на основной для русских империалистов вопрос — о Константинополе, утверждая (и не без основания), что «несмотря на все свои обещания» Англия «никогда не позволит России захватить этот город, или оставить его во власти России, если бы последней удалось его занять». И, помимо Ягова, другие приезжавшие к Васильчиковой австро-германские уполномоченные сообщали ей, для передачи Романовым, из «секретнейшего источника», что Англия не только намерена оставить себе Константинополь, но и предполагает создать в Дарданеллах новый Гибралтар.

Этим указанием германцы довольно метко затрагивали весьма чувствительное место: в руководящих русских военных кругах и без того с недоверием смотрели на предпринятые «союзниками» военные действия в Дарданеллах; так, например (правда, позднее), на союзной конференции в Шантильи, когда был, уже после неудачи дарданелльской операции, поставлен вопрос о том, надлежит ли совершенно очистить Галлиполи, или оставить небольшой английский отряд на южной конечности полуострова, представитель русского командования ген. Жилинский высказывался за полное очищение Дарданелл, — и скрытым мотивом этого было сознание опасности «создания постоянного английского поста — нового Гибралтара при выходе в Средиземное море».

Надо к этому прибавить, что и помимо германских указаний, сами Романовы могли вскоре убедиться в характере той «дружбы»

---

[1] См. секретную телеграмму Жилинского ген. Алексееву от 27 ноября 1915 г. — Валентинов. «Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 гг.». М. 1920 г.; стр. 55—56.

которую проявили «союзники», согласившись на «уступку» царской России Константинополя. Несмотря на всю его притягательность для русской буржуазии, соглашение об этой уступке имело и обратную сторону: оно, в сущности, совершенно подчиняло политику царской России на Балканах указке союзной дипломатии, и когда русское правительство пыталось изредка противиться тем требованиям, которые стали предъявлять союзники (например, в вопросе о территориальных компенсациях за выступление Румынии), то последние шантажировали царское правительство угрозой пересмотра и отмены этого соглашения.[1]

Но все это стало обнаруживаться позднее. А в то время, когда германцы делали через Васильчикову свои предложения Романовым, последних, повидимому, не могли охладить германские уверения относительно ненадежности обещаний Англии, — и прежде всего потому, что как раз перед теми днями, когда были получены от Васильчиковой предложения германцев, к Романовым только-что пришло первое сообщение, что Англия, при известных условиях, соглашается предоставить России Константинополь и проливы. Это согласие было дано 27 февраля (12 марта н. ст.) 1915 г.,[2] а первое письмо Васильчиковой получено Романовыми 9 марта (ст. ст.).

Таким образом, в это время в руках Романовых был тот аванс, благодаря которому они могли не польститься на заверения германцев.

В своей беседе Ф.-Ягов касается также вопроса о Польше: оказывается, германцы «даже и не помышляют» о создании Царства Польского. Это, конечно, противоречит истине. Можно в этом отношении сослаться хотя бы на того же Эрцбергера: он с самого начала войны настаивал, что «Берлин и Вена должны заключить соглашение и короновать польского короля в Кракове у исторических гробниц».[3] «В первое время по завоевании Варшавы, в 1915 г., — говорит Эрцбергер, — германское правительство

---

[1] См., например, секретную телеграмму русского посла в Париже Извольского от 29 сентября/12 октября 1915 г. в издании Нар. Комисс. Иностр. Дел. «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны». Под ред. и со вступ. статьей Е. А. Адамова. М. 1921 г., стр. 18.

[2] См. «Европейские державы и Турция во время мировой войны. Раздел Азиатской Турции». По секретным документам б. министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова. Издание Нар. Комисс. Иностр. Дел. М. 1924 г., стр. 124 — памятная записка великобрит. посольства Сазонову.

[3] Эрцбергер. «Германия и Антанта», стр. 146.

склонялось к тому, чтобы конгрессовая Польша, соединенная с Галицией, вошла в состав Австрии, при чем император австрийский был бы в то же время королем польским». Но потом в Германии утвердились на мысли создать из конгрессовой Польши самостоятельное государство.[1] Как известно, позднее — в 1916 г., 5 ноября (н. ст.) — австро-германцы издали акт об образовании польского государства с наследственным монархическим правлением, но в то время, когда германцы делали через Васильчикову свои предложения, они, видимо, соглашались оставить этот вопрос в таком положении, в каком он был до войны, — на это и намекалось словами, что они «не помышляют» и т. д.

В письмах Васильчиковой повторяется на все лады: в Германии «нет ни малейшей ненависти к России»; а так как Константинополя России все равно от Англии не получить, то ради чего тогда воевать? Отсюда следует вывод, что Россия «выиграет гораздо больше, если она заключит выгодный мир с Германией».

Так говорили Романовым германские и действовавшие совместно с ними австрийские империалисты.

Далее мы покажем, как отнеслись к этим предложениям Романовы. Но ранее надо отметить, что, сомневаясь, видимо, в удачном результате действий Васильчиковой, германцы сделали в то же время еще и другую попытку повлиять на Романовых — путем непосредственного обращения к Александре Федоровне брата ее, великого герцога гессенского Эрнста-Людвига (имя которого упоминалось и в последнем письме Васильчиковой). Об этом мы узнаем из опубликованной теперь переписки Романовых;[2] эта же переписка дает возможность получить и некоторые данные об отношении Романовых к рассматриваемой нами первой попытке сепаратного мира.

Из писем Романовых видно, что первое письмо Васильчиковой было получено в Царском Селе в те дни, когда Николай находился в ставке; 9 марта А. Ф. пересылала это письмо Николаю (как было видно из слов самой Васильчиковой, ее первое обращение и было сделано «через ее величество», т.-е. через Александру Федоровну). Отправляя 9 марта (как раз в день взятия русскими войсками Перемышля) это письмо своему мужу, А. Ф. писала:

---

[1] Эрцбергер. «Германия и Антанта», стр. 147.

[2] «Переписка Николая и Александры Романовых». 1914—1915 гг. Том III. С предисловием М. Н. Покровского. Госуд. Изд—ство. П. 1923. — При дальнейших цитатах обозначаем эту книгу сокращенно — «Переписка».

«Посылаю тебе письмо от Маши (из Австрии), которое ее просили тебе написать в пользу мира. Я, конечно, более не отвечаю на ее письма».[1]

В последней фразе надо обратить внимание на это «б о л е е н е о т в е ч а ю». Что это означает? Видимо только то, что Васильчикова и ранее писала Александре Федоровне, — и последняя отвечала на эти письма. Но теперь, когда Васильчикова прямо выступила с предложением сепаратного мира, А. Ф., зная, что Николай смотрит на этот вопрос отрицательно,[2] не могла не заявить и о своем несочувственном к этому отношении. В чем состояла переписка Васильчиковой с А. Ф. ранее — мы не знаем, но можно думать, что эта переписка и подготовила ту почву, основываясь на которой Васильчикова решила обратиться к Николаю с германскими предложениями.

На первое свое письмо Васильчикова ответа, по крайней мере в течение трех недель, не получила: это видно из ее второго письма, посланного на этот раз уже непосредственно самому Николаю. Это второе письмо, отправленное 17 марта, Николай должен был получить в то время, когда он находился в Царском (в ставку он выехал 4 апреля), и у нас нет данных судить о том, как реагировали Романовы и на это второе письмо.[3]

Третье письмо Васильчиковой было отправлено уже из Берлина 14 мая 1915 г., — почти через два месяца после второго письма; но и о нем в переписке Романовых каких-либо данных мы не находим.[4]

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 140. — Очевидно, А. Ф. придавала этому делу особое значение, так как, хотя и знала, что Николай меньше чем через двое суток вернется в Царское, она все-таки сочла нужным переслать ему это письмо в ставку.

[2] См. ниже.

[3] Впрочем, в дневнике генерала Сухомлинова, напечатанном в журнале «Дела и Дни» 1920 г., кн. 1-я, есть, под 24 марта (на стр. 220), такая запись: «Его величеству уже закидывает удочки Вильгельм, через лиц, находящихся за границей и близких государю. Его величество выразил твердую решимость довести дело до конца и не поддаваться ни на какие уступки». Очевидно, это относится к письмам Васильчиковой и, в частности, к письму, отправленному 17 марта.

[4] Надо заметить, что Васильчикову, о которой мы говорим, звали Мария Александровна (она не имела княжеского титула); в переписке Романовых она фигурирует под именем «Маши Васильчиковой». Ее не надо смешивать с другой Васильчиковой, также упоминаемой в переписке, — Марией Николаевной — княгиней, женой генерал-адъютанта кн. С. И. Васильчикова (в переписке она обычно называется «Мария Васильчикова»). Так, несомненно, как раз об этой М. Н. Васильчиковой

Но зато ранее — в письме от 17 апреля 1915 г. — мы имеем очень ценное указание. В этот день Александра Федоровна сообщала своему мужу о полученном ею письме от брата ее, герцога гессенского:

«Я получила,—пишет А. Ф.,—длинное, милое письмо от Эрни,[1] я тебе его покажу по твоем возвращении. Он пишет: «если кто-нибудь может понять его (тебя) и знает, что он переживает, — то это я»[2] и крепко тебя целует. Он стремится найти выход из этой дилеммы и полагает, что кто-нибудь должен был бы начать строить мост для переговоров.— У него возник план послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое встретилось бы там с человеком, посланным от тебя (частным образом), и они могли бы помочь уладить многие временные затруднения. План его основан на том, что в Германии нет настоящей ненависти к России».

Оказывается, что «Эрни», не дожидаясь ответа, уже послал в Стокгольм доверенного человека. А. Ф. сообщает об этом далее:

«Э. послал уже туда к 28-му (2 дня тому назад, а я узнала об этом только сегодня) одно лицо, которое может пробыть там только неделю. — Я немедленно написала ответ (все через Дэзи)[3] и послала этому господину, сказав ему, что ты еще не возвращался, и чтобы он не ждал, и что, хотя все и жаждут мира, но время еще не настало».

Непосредственно за этим А. Ф. прибавляет еще несколько замечаний:

«Я хотела, — пишет она, — кончить с этим делом до твоего возвращения, так как знала, что тебе это было бы неприятно. В.,[4] конечно, ничего абсолютно об этом не знает. Эрни пишет, что они стоят твердой стеной во Франции и, по словам его друзей, также на юге и в Карпатах.—Они думают, что у них 500 000 наших

говорится в письме от 14 июня 1915 г. на стр. 212—213 III тома «Переписки», где идет речь о ее слежке за Распутиным. В письмах Романовых упоминается и еще одна Васильчикова — София Николаевна (княгиня), известная тем, что в 1916 г. она послала Николаю письмо, направленное против А. Ф., за что и подверглась, вместе с мужем, членом Госуд. Совета кн. Б. А. Васильчиковым, высылке из столицы.

[1] Семейное имя герцога гессенского.

[2] Подчеркнуто А. Ф.

[3] «Дэзи» — это, вероятно, наследная шведская принцесса Маргарита, урожденная принцесса английская (указано в примечании при тексте письма в «Переписке Н. и А. Романовых», том III, стр. 174).

[4] Т.-е. Вильгельм II.

ленных. — Все письмо очень милое и любящее. Оно меня очень обрадовало, хотя, конечно, вопрос о господине, который там ждет, а тебя здесь нет, был очень сложным. Э. будет разочарован».[1]

Итак, как ни грустно было Александре Федоровне «разочаровывать» своего брата, вопрос не мог стать на какую-либо практическую почву уже прежде всего потому, что Николая не было в это время в Царском Селе, да и самое предложение запоздало, так как посланное герцогом гессенским лицо, еще за два дня до получения А. Ф. письма, прибыло в Стокгольм и могло ждать там «только неделю».

Из напечатанного здесь третьего письма Васильчиковой видно, что она, приехав в Германию, имела свидание с герцогом гессенским («Эрни»). Таким образом, действия этих двух лиц — герцога гессенского Эрнста-Людвига и фрейлины Васильчиковой (по крайней мере, что касается ее третьего письма) — стоят в самой тесной взаимной связи.

Как это можно было и раньше предполагать (это и было высказано М. Н. Покровским),[2] за спиной герцога гессенского действовал сам Вильгельм II. Теперь, относительно выступавшей совместно с герцогом гессенским Васильчиковой, это устанавливается документально — на основании собственных ее слов, что в Берлине она пользуется «полной свободой» и имеет «всяческие права» — все это «с ведома императора Вильгельма». Если же, — как мы видели, — Эрнст-Людвиг в письме к А. Ф. счел нужным подчеркнуть, что Вильгельм совершенно непричастен к предложению сепаратного мира (он «ничего абсолютно об этом не знает»), то эта ложь была нужна, конечно, только для того, чтобы не особенно пугать Николая; жена последнего с той же целью сделала вид, что поверила этому утверждению «Эрни». Таким образом, всему этому делу придавался добрый семейный характер.

Несмотря на то, что эти выступления в пользу сепаратного мира держались в строжайшем секрете, и имя Васильчиковой в это время нигде обнаружено не было, слухи о мирных предложениях Германии стали распространяться как раз тогда (после получения третьего письма Васильчиковой). В связи с этим можно отметить один эпизод из той же переписки Романовых.

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 174.

[2] В предисловии к «Переписке Н. и А. Романовых», стр. XXII.

Возникшими слухами взволновался прежде всего юркий представитель французских империалистов в России — Палеолог. Желая разведать дело, он обратился к дяде Николая II, в. к. Павлу Александровичу. Последний же решил разузнать все в первоисточнике — у Александры Федоровны. Об этом свидании с в. к. Павлом она, 14 июня 1915 г., писала своему мужу:

«Недавно у него (Павла Александровича) обедал Палеолог и имел с ним долгую интимную беседу, во время которой он очень хитро старался выведать у Павла, не имеешь ли ты намерения заключить сепаратный мир с Германией, так как он слыхал об этом здесь, и во Франции распространился об этом слух; они же будут сражаться до конца. Павел отвечал, что он уверен, что это неправда, тем более, что при начале войны мы решили с нашими союзниками, что мир может быть подписан только вместе, ни в каком случае сепаратно.

«Затем я сказала Павлу, — продолжает А. Ф., — что до тебя дошли такие же слухи насчет Франции. Он перекрестился, когда я сказала ему, что ты и не помышляешь о мире и знаешь, что это вызвало бы революцию у нас, — потому-то немцы и стараются раздувать эти слухи. Он сказал, что слышал, будто немцы предложили нам условия перемирия. Я предупредила его, что в следующий раз он услышит, будто я желаю заключения мира...».[1]

Николай в ответном письме похвалил жену за то, что она «давала совершенно правильные ответы по вопросу о мире». «Это, — прибавлял Николай, — как раз главный пункт моего рескрипта старому Горемыкину, который будет опубликован».[2]

В приведенной выше цитате из письма А. Ф. особенно заслуживает быть отмеченной одна мысль, это — что заключение сепаратного мира «вызвало бы революцию». Это был в данном вопросе сильнейший аргумент, основанный на чувстве самосохранения: нельзя заключать мира прежде всего потому, что в таком случае будет революция. Этот взгляд, как видно из слов А. Ф., был в это время усвоен и Николаем.

Но откуда же ждали они этой революции, как последствия разрыва с союзниками? При всей политической наивности Романовых, трудно допустить, чтобы они, на основе этой причины, могли ждать революции от народных масс, которых

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 211.
[2] Там же, стр. 223.

они насильно гнали в бой,—и тем более, что именно благодаря своей крайней наивности, Романовы были убеждены в глубокой преданности и любви к себе угнетаемого ими народа. Очевидно, в глазах Романовых, угроза революции от сепаратного мира виднелась в стороне тогдашней воинствующей «общественности»: Дума, «союзы», кадеты, «мерзкий Родзянко» и т. п. — вот откуда Романовы, по их пониманию, могли ждать революции, как последствия разрыва с союзниками. И в этом мнении они тогда были не одиноки: в таком же духе думал, или хотел показать, что так думает, например, французский посол Палеолог. [1]

Но существовал и другой взгляд, его, как мы видели, указывали Романовым из Германии: «продолжение войны считают здесь опасностью для династии» — так писала Васильчикова. Однако, все значение этого указания в то время, как видно, еще не было понято Романовыми.

Но, если теперь мы допустим, что в романовском кругу, действительно, стала вскоре созревать мысль о необходимости сепаратного мира, то в таком случае первой предпосылкой для такой возможности являлась бы, вследствие усвоенного ими вышеотмеченного взгляда, решительная борьба с теми слоями буржуазии, которые были особенно воинственно настроены. В связи с этим, при возможности постановки вопроса о мире, эта борьба должна была принять особенно живой, актуальный характер. И что руководящее ядро позднее могло именно так рассуждать, подтверждается наблюдением над ходом правительственной политики, которая с особенно резкой реакционностью стала проводиться во второй половине 1915 г.

К этому можно прибавить, что сама А. Ф. дала указание, подтверждающее это наше предположение: 31 декабря 1915 г., при новогодних пожеланиях, она писала мужу:

«А для внутреннего спокойствия необходимо подавить те мятежные элементы, что стараются разорить страну и втянуть тебя

---

[1] В своих мемуарах Палеолог приводит (5 февраля 1915 г.) свою беседу с различными, преимущественно кадетскими, депутатами: «Они меня убеждают, — пишет Палеолог, — что война глубоко взволновала народное сознание, и что русский народ возмутился бы против мира, который бы не был победоносным, который бы не дал России Константинополя». С своей стороны Палеолог также находил тогда, что в этих словах довольно точно передается то, «что думает русский народ в своих самых здоровых частях» («Царская Россия во время мировой войны». 1923 г., стр. 210).

в бесконечную борьбу».[1] Подавить надо было не потому, что эти элементы были так уже опасны своей «мятежностью», а потому, что они воинственно, шовинистически настроены, и вследствие этого втягивают Романовых в «бесконечную борьбу».

Теперь мы отклонимся несколько в сторону и от Романовых, и от Васильчиковой, и остановимся на двух вопросах, имеющих общую связь с первыми германскими шагами к сепаратному миру.

Как мы видели, при тех попытках, для которых была использована Васильчикова, германские и австрийские империалисты действовали совместно, как союзники. Но почти в то же время, весной 1915 г., в штабе австрийского главного командования, точнее — у руководителя его, генерала Гетцендорфа, возник проект откола от Германии и заключения независимо от последней сепаратного мира с Россией. Этот план, связанный, видимо, с успехами русского наступления в Галиции, был основан на таких условиях: России предполагалось предложить Галицию, вплоть до реки Сана, и признать «сферой влияния» России Румынию и Болгарию; вместе с тем выражалось согласие на то, чтобы главенство над проливами принадлежало России. С другой стороны, согласно этому проекту, Австрия получала «право» приобрести Сербию, Албанию и Черногорию.[2] Успехи германцев на востоке привели к тому, что план об отколе Австрии от Германии заглох; однако позднее—в конце 1916 г.—в австрийском правящем кругу были предприняты попытки к отколу от Германии, — но здесь имелся в виду уже не сепаратный мир с Россией, а вообще с союзниками.[3]

Перейдем к другому вопросу.

В письме А. Ф., от 14 июня 1915 г., которое мы раньше цитировали, упоминалось о том, что до Николая дошли слухи относительно сделанных германцами попыток к сепаратному миру с Францией.

Такие попытки, действительно, были предприняты в это же время. Так, об этом говорит, например, в своих мемуарах Эрцбергер. Вот его слова:

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 511.

[2] Об этом говорится в книге von-Cramon. «Unser Oesterreich-ungarischer Bundesgenosse im Weltkriege». Berlin. 1920. Краткое изложение книги дано в журнале «Анналы» 1924 г., № IV, стр. 293 — 295, в статье С. Сигрист «Австрия в эпоху мировой войны».

[3] Об этом см. ниже, глава 3-я.

«Весною 1915 г. некоторое время казалось, что известные круги Франции склонны завязать необязывающие переговоры о мирных возможностях, несмотря на резкую меру генерала Галиени, который снова воскресил закон, изданный сто лет назад, присуждающий к расстрелу всякого француза, ведущего переговоры с враждебной державой. Но дальше этих необязывающих переговоров не пошли; они продолжались и после отставки Делькассэ».[1]

По всей вероятности, известия о попытках германцев завязать сношения с французами относятся, главным образом, к личности Кайо, на поддержку которого в этом деле рассчитывали в Германии, основываясь прежде всего на том, что Кайо, будучи в 1911 г. премьер-министром, прилагал все усилия к тому, чтобы договориться с Германией путем соглашения о разделе сфер влияния в колониях.

В начале мировой войны Кайо находился во Франции, а потом был отправлен со специальной миссией в южную Америку; возвратившись оттуда в начале 1915 г., Кайо принимал все меры к тому, чтобы вести пацифистскую кампанию. Между прочим, при возвращении из Америки, Кайо имел свидание с венгерскими представителями, действовавшими в интересах Германии, которые предлагали Кайо вступить в переговоры (неофициальные, конечно) о сепаратном мире. Таким образом, появившиеся весной 1915 г. известия о мирных предложениях, сделанных Германией Франции, повидимому, так или иначе связаны с деятельностью в этом направлении Кайо.

Здесь можно, кстати, отметить еще один из путей, посредством которых некоторые германские круги рассчитывали искать примирения с Францией: это так называемый «святой престол» и «восседавший» на нем римский папа, у которого весной 1915 г. побывал упоминавшийся нами Эрцбергер, вождь католической партии центра, — видимо, пащупывавший почву о возможностях мира. Любопытно отметить, что римский папа уже тогда находил, что «если война протянется долго, то будет социальная революция, какой еще свет не видал».[2] Этот мотив страха перед социалистической революцией был одной из причин того «пацифизма», который, по мере продолжения войны, стал обнаруживаться все более и более в некоторых слоях буржуазии всех воюющих стран.

---

[1] Эрцбергер. «Германия и Антанта», стр. 220.

[2] Там же, стр. 54.

Все эти планы о мире относились, как мы видели, к весне и лету 1915 г. Надо сказать, что распространявшиеся в то время слухи о возможности сепаратного мира России с Германией были довольно настойчивы. Между прочим, в начале августа в Гос. Думе в одной из речей также указывалось, что в стране ходят упорные слухи о заключении мира, по которому Прибалтийский край должен отойти от России и компенсироваться Галицией. Мир этот, как здесь сообщалось, «пропагандируется во влиятельных петроградских салонах».[1]

В связи со всеми такими слухами, правительство не раз тогда их опровергало. Так, 9 августа Сазонов заявлял, что «попытки наших врагов возбудить переговоры о сепаратном мире встречены во Франции и у нас совершенно отрицательно». [2] Немного спустя такое же заявление Сазонова было помещено в английском «Times». Наконец, 17 ноября (ст. ст.) в Лондоне была подписана представителями России, Великобритании, Франции, Италии и Японии декларация, которая подтверждала «лондонское соглашение» 1914 г. о том, чтобы не заключать сепаратного мира в настоящей войне. Однако, мы теперь можем видеть, что эта декларация явилась не признаком укрепления «дружбы» между союзниками, а лишь ответом на возникавшие между ними взаимные подозрения.

Но вернемся снова к Васильчиковой. Приведенные выше данные освещают, хотя и очень важную, но только первую стадию посреднических ее попыток. Продолжение этого дела было значительно позже — через 6—7 месяцев. По крайней мере, именно тогда Васильчикова снова себя обнаруживает, и на этот раз ее выступление получает шумную огласку.

В самом начале декабря 1915 г. Васильчикова проникает из Германии в расположение русской армии, на северном фронте, и является в штаб VI армии. Об этом начальник штаба северного фронта генерал Бонч-Бруевич телеграфно сообщает (6 декабря) начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву.

Приводим полностью телеграмму Бонч-Бруевича, отправленную 6 декабря:

---

[1] «Стенографический отчет Государственной Думы». 1915 г., заседание 4 августа, речь кн. Мансырева.

[2] Это было заявлено представителям печати (см., например, «Речь», № 9 августа 1915 г.).

«2 декабря в штаб VI армии явилась для допроса прибывшая из Австрии фрейлина государынь императриц Мария Александровна Васильчикова. По ее словам, она имеет около Вены, у станции Клейн-Вартенштейн, имение Глогниц, где и была задержана с начала войны. Получивши из России известие о смерти матери, Васильчикова добилась, при содействии великого герцога гессенского и за его поручительством, разрешения выехать в Россию сроком на три недели, с тем, что в случае, если она не вернется, то ее имение будет конфисковано; предполагает обратно выехать через 15 — 20 дней. Прошу указаний, надлежит ли допустить Васильчикову выехать за границу и, в утвердительном случае, можно ли ее подвергнуть при выезде самому тщательному опросу и досмотру». [1]

Алексеевым этот вопрос был разрешен такой резолюцией:

«Пропустить можно. Опрос учинить можно, а досмотр только при сомнениях. Нет надобности наносить лишнее унижение, если в этом не будет надобности».

Васильчикова была пропущена и через некоторое время появилась в Петрограде.

Но возникает вопрос: мог ли ген. Алексеев, начальник штаба Николая, разрешить этот вопрос самостоятельно, на свою ответственность? Это крайне сомнительно, и даже более — совсем невероятно. Ведь вопрос был, по военным обстоятельствам, серьезный: фрейлина русских императриц Васильчикова пробиралась из Германии в Россию при посредстве герцога гессенского. Это должно было вызвать особые сомнения Алексеева, тем более в виду той остроты, с которой ставился тогда вопрос о германской агентуре.

Но точный ответ на поставленный вопрос затруднен. Дело в том, что Николай как раз 3 декабря выехал из ставки на юг, а 6 декабря, прервав поездку, [2] приехал в Царское Село. Таким образом, там, в ставке, Алексеев никакого личного указания Николая получить не мог (если не предположить, что о приезде Васильчиковой стало в ставке известно ранее — в штаб VI армии Васильчикова явилась 2 декабря). Но даже, несмотря на то, что Николая не было в ставке 6 декабря, вполне возможно, что Алексеев по прямому проводу спесся с Царским Селом (может-быть, и не с самим

---

[1] Эта телеграмма и приведенная резолюция на ней Алексеева напечатаны в книге М. Лемке «250 дней в царской ставке». (П., 1920 г., Госуд. Изд — ство, стр. 281.)

[2] Поездка эта была прервана вследствие болезни наследника Алексея.

Николаем) по вопросу о возможности пропуска фрейлины Васильчиковой. И особая предупредительность к ней ген. Алексеева («нет надобности наносить лишнее унижение», досмотр произвести «только при сомнениях») как-будто тоже указывает на полученное свыше авторитетное указание. А. Ф., конечно, могла его дать относительно своей фрейлины «Маши Васильчиковой», которая, к тому же, как было известно А. Ф., действовала в полном контакте с ее братом, герцогом гессенским.

Можно к этому прибавить, что командировке Васильчиковой из Германии в Россию предшествовал еще один германский шаг, также, повидимому, связанный с этой командировкой. Палеолог в записи от 27-го (т.-е. по ст. ст. 14-го) декабря 1915 г., сообщает о том, что недели за три до этого министр двора граф Фредерикс получил от обер-гофмаршала берлинского двора графа Эйленбурга письмо по вопросу о мире. В письме указывалось, что долг обоих этих лиц сделать все зависящее, чтобы вызвать между русским и германским императорами сближение, «которое позволило бы их правительствам вслед затем найти основания для почетного мира». Сазонов разъяснил Николаю, что такое письмо могло быть написано только по особому приказанию Вильгельма, при чем Николай поручил Сазонову написать ответ; в составленном проекте ответа указывалось, что если Эйленбург, действительно, хочет работать над восстановлением мира, то он должен убедить Вильгельма обратиться одновременно с одним и тем же предложением ко всем союзникам. Однако, в конце концов, Николай решил не давать никакого ответа на письмо. [1]

Письмо Эйленбурга было получено, видимо, за несколько дней до появления в России Васильчиковой и, очевидно, подготовляло почву для ее приема.

Существовали разные версии о том, в чем выразились действия Васильчиковой в Петрограде. Нам наиболее достоверным по этому вопросу сообщением представляется показание, данное об этом в Следственной комиссии Временного правительства министром внутренних дел А. Н. Хвостовым (который и арестовал Васильчикову). [2]

---

[1] Палеолог. «Царская Россия во время мировой войны», стр. 307 — 309.

[2] «Падение царского режима». Редакция П. Е. Щеголева. Том I, стр. 30.

По словам Хвостова, Васильчикова прибыла в Петроград с письмами от гессенских и от голштинских принцесс — к Александре Федоровне и в. к. Марии Павловне. Узнав о приезде Васильчиковой, Хвостов отправился в Царское Село к Николаю и доложил, что ее необходимо арестовать. Николай, — как говорит Хвостов, — «дал мне право поступить с ней, как мне заблагорассудится». Вследствие этого Хвостов лично произвел обыск у Васильчиковой и отобрал привезенные письма, копии с которых были сняты в министерстве внутренних дел (а подлинники, надо думать, представлены адресатам). По словам Хвостова, «ничего серьезного эти письма не представляли»: «говорилось о том, что необходимо помнить, что всему виною Англия, что мы так любим друг друга: русские — немцев, а немцы — русских, что бедная Германия стонет от этой войны, что, если бы не Англия, то мы бы давно примирились...» и т. п. К этому надо, однако, прибавить, что письма были не только от «принцесс», но и от самого герцога гессенского,—об этом говорит Палеолог; он же указывает, что, помимо писем на имя Романовых, герцог гессенский дал Васильчиковой записку, предназначенную для осведомления Сазонова.[1]

Но, несмотря на принятые Хвостовым меры, Васильчиковой удалось побывать в Царском Селе у Романовых; это видно из слов того же Хвостова: «Несколько раз, — сообщает он в своих показаниях, — пробовал я говорить с Васильчиковой о Распутине: она тоже была в ужасе и говорила мне, что она больше о Распутине говорить не может, потому, будто бы, что ей грубо в Царском сказали, чтобы она не смела вмешиваться».[2]

После доклада Хвостова Николаю, Васильчикова была выслана в имение сестры, в Черниговскую губ.; но так как Васильчикова, по словам Хвостова, продолжала «действовать», то ее оттуда переправили в Вологодскую губ.

Доклад Хвостова Николаю был сделан не позже 12 декабря, так как в этот день он выехал в ставку. Таким образом, «действия» в Петрограде Васильчиковой могли продолжаться не больше недели. А 18 декабря Николай уже сообщал жене, что у него был с докладом Белецкий[3] и рассказал, «как вела себя Маша В.[4]

---

[1] Палеолог. «Царская Россия во время мировой войны», стр. 312.
[2] «Падение царского режима», т. I, стр. 39.
[3] Товарищ министра внутренних дел.
[4] Т.-е. Мария Васильчикова.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

ранее и после отъезда из города, и как она была принята в имении своей сестры».[1]

В печати сообщения о Васильчиковой появились уже только после ее высылки. На поверхность это дело всплыло вследствие разоблачений, сделанных в думской бюджетной комиссии председателем Думы Родзянко. По его словам, о приезде Васильчиковой в Петроград министерство внутренних дел было осведомлено за несколько дней до этого, и цель ее приезда в общих чертах была хорошо известна департаменту полиции, который ожидал лишь каких-либо определенных действий с ее стороны. На второй день по приезде Васильчикова обратилась «к одному видному члену кабинета» (Сазонову) с просьбою принять ее в возможно скором времени по весьма важному делу; но свидания с министром ей добиться не удалось, так как последний был предупрежден о цели ее приезда в Россию. Вследствие этого остались безуспешными и другие ее попытки добиться приема у членов кабинета. Тогда Васильчикова обратилась к писанию писем разным высокопоставленным лицам. Когда после этого был произведен у Васильчиковой обыск, то «были обнаружены документы, не оставляющие сомнений о цели ее приезда в Россию».[2]

Из других сообщений видно, что Васильчикова обращалась, между прочим, с письмом и к упомянутому председателю Думы Родзянко,[3] который состоял с нею в каком-то родстве.

Некоторые сведения о Васильчиковой сообщает в своих мемуарах французский посол Палеолог;[4] по его словам, он знает подробности этого дела из рассказа министра иностранных дел Сазонова. Но некоторые неточности, допущенные Палеологом, заставляют критически отнестись к этому его сообщению, как, впрочем, и к его мемуарам вообще. В рассказе Палеолога изображается, между прочим, мелодраматическая сцена того гнева, с каким Николай принял будто бы известие о приезде Васильчиковой. Это мало похоже на правду, тем более, что если бы Николай был действительно так разгневан на Васильчикову, то едва ли бы она осталась для него и после этой истории «Машей» (а так именно называет он ее в своем письме к А. Ф.).

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 499.

[2] «Русские Ведомости», № от 22 декабря 1915 г. — «К аресту Васильчиковой».

[3] «Русское Слово», 19 декабря 1915 г.

[4] Палеолог. «Царская Россия во время мировой войны». 1923 г., стр. 310 — 14.

Правда, Васильчикова была выслана из Петрограда и несколько позднее (1 января 1916 г.) лишена фрейлинского звания. Но по этим фактам еще нельзя судить об отношении Романовых к вопросу о сепаратном мире. Васильчикова допустила ряд действий неумных, каковы все эти обращения с письмами к Родзянко и к министрам; при таких условиях, когда дело получило огласку, не принять против Васильчиковой репрессивных мер Романовы не могли, чтобы явно не скомпрометировать себя и не подтвердить носившихся в воздухе подозрений об «измене».

Отношение А. Ф. к действиям Васильчиковой особенно заметно выявилось после того, как она была лишена звания фрейлины. Эта последняя мера вызвала резкое осуждение со стороны А. Ф.

«Мне грустно, — писала она Николаю 3 января 1916 г., — что у Маши отнимают шифр; [1] но раз это сделано, нужно сказать, что тут есть господа, которые позволяют себе говорить вещи, за которые их вышитые золотом мундиры и аксельбанты на будущее время также придется от них отнимать. Дай Максимовичу [2] приказание прислушиваться к разговору в клубе». [3] В этих последних словах А. Ф. указывает на тех великосветских «либералов», которые осмеливались осуждать ее и Распутина.

Через два дня (5 января) А. Ф. снова возвращается к вопросу о Васильчиковой.

«Мита́ Бенкендорф, [4] — пишет она Николаю, — рассказывал у Павла, [5] что Маша привезла письма от Эрни. Аня [6] сказала, что она ничего об этом не знает, а Павел сказал, что это правда; кто ему сказал? Они все нашли правильным, что у нее отняли шифр. Я лично нахожу, что С. Ив. Т. [7] и Лили, [8] которые так гадко себя вели и были притом моими придворными дамами, гораздо более заслуживали бы наказания (и другие мужчины также). Повидимому, было напечатано письмо какой-то

---

[1] Фрейлинский.
[2] Генерал-адъютант.
[3] «Письма А. Ф.», т. I, стр. 350.
[4] Д. А. Бенкендорф, член совета Русского для внешней торговли банка; вращался при дворе.
[5] В. к. Павел Александрович.
[6] Вырубова.
[7] С. И. Тютчева, фрейлина, противница Распутина.
[8] Повидимому, говорится о некоей «Лили» Нарышкиной.

княгини Голицыной, обвиняющее[1] ее в том, что она шпионка, хотя я продолжаю не верить этому, несмотря на то, что она действовала очень неправильно по глупости и, я боюсь, по жадности к деньгам».[2]

А. Ф., как видно из этой цитаты, осталась недовольна тем, что все это дело вскрылось: как смел в. к. Павел говорить о привезенных письмах («кто ему сказал?»). Таким образом, в курсе дела могла быть только чета Романовых, и если бы Васильчикова действовала «правильно», то, быть может, был бы и другой результат.

Недовольство А. Ф. той репрессией, которой подверглась Васильчикова, конечно, понятно: «Эрни» уже был разочарован, когда не удалось послать представителя от Романовых в Стокгольм для переговоров, — теперь «Эрни» был так любезен, что сам командировал для этой цели к Романовым Васильчикову — и вдруг, из-за того, что дело получило огласку, пришлось не только выслать эту фрейлину, но и лишить ее придворного звания.

Это было тем более досадно, что «Эрни» мог иметь от самой А. Ф. обещания о том, что Васильчикова будет встречена благоприятно. Герцог гессенский постоянно переписывался со своей сестрой, Александрой Федоровной; так, 10 сентября 1915 г. она сообщала Николаю о полученном ею от «Эрни» письме: оказывается, он «много думает» о Николае — «он, — говорит А. Ф., — ничего не просит, только полон любви к нам»;[3] 12 сентября А. Ф. сообщает Николаю, что «Эрни» в письме своем просит об обмене какого-то пленного князя Бентгейма, — при этом «Эрни» сообщает, что он «возмущен газами» (т.-е. тем, что германцы применяют это средство), но ссылается на то, что это же делают и англичане.[4]

При той непрерывной переписке, которая была у А. Ф. с «Эрни» и разными германскими принцами и принцессами, вполне, повторяем, вероятно, что герцог гессенский успел заручиться согласием своей сестры на благосклонный прием Васильчиковой, и таким образом могла бы быть объяснена и загадочная история с пропуском ее в Россию.

---

[1] Васильчикову.
[2] «Письма А. Ф.», т. I, стр. 354.
[3] «Переписка», т. III, стр. 332.
[4] Там же, стр. 342.

Все приведенные данные вскрывают, в известной степени, те попытки сепаратного мира, которые были предприняты в 1915 году германцами при посредстве Васильчиковой. Мы видим, таким образом, что это дело имело две стадии, из которых первая только здесь впервые выясняется. При этих попытках германцы действовали совместно с австрийцами, при чем руководящая роль принадлежала, конечно, Вильгельму II. Для мирного посредничества здесь были использованы родственные связи царствующих домов России и Германии, но, несмотря на видимое сочувствие к этим германским шагам Александры Федоровны, Романовы не могли пойти на переговоры хотя бы уже потому, что только-что перед тем они были подкуплены «союзниками» обещанием Константинополя, и, кроме того, они опасались, что сепаратный мир может вызвать революцию.

2.

В предыдущей главе мы упоминали о том, как герцог гессенский Эрнст-Людвиг в письме к сестре своей А. Ф. Романовой (17 апреля 1915 г.) выдвигал предложение о желательности устроить в Стокгольме встречу «доверенного лица», командированного германцами, с таким же лицом, посланным от Романовых. О желательности подобной встречи почти в то же время писала Романовым и уполномоченная германцами русская фрейлина Васильчикова: она говорила об этом в своем первом письме (25 февраля 1915 г.), где указывала на желательность посылки «поверенного, близкого лица» для переговоров с германскими представителями «в одном из нейтральных государств»; во втором своем письме (от 17 марта 1915 г.) она повторяла это предложение, и в следующем, третьем письме (от 14 мая) это предложение о посылке уполномоченного «для первых переговоров» поддерживалось вновь.

Тогда этот план не осуществился, и, видимо, отчаявшись в том, что Николай пошлет своего представителя для переговоров о сепаратном мире, германцы поспешили отправить в Россию фрейлину Васильчикову. Однако, ее миссия результата не дала. После этого, хотя значительно позже, в июле 1916 г., как раз в Стокгольме состоялось свидание германского представителя Варбурга с товарищем председателя Государственной Думы (позднее министром) Протопоповым. Это было

более чем через год после первых предложений о таком свидании, сделанных через герцога гессенского и через Васильчикову, но, тем не менее, есть основания думать, что между этими первыми проектами и «стокгольмской беседой» Протопопова с Варбургом имеется некоторая связь.

Среди попыток к сепаратному миру это свидание занимает определенное место, а потому мы уделим внимание этой «стокгольмской беседе»; пользуясь теми данными, которые представляются нам наиболее достоверными, мы попытаемся восстановить обстоятельства этой встречи.

Протопопов имел эту беседу в то время, когда возвращался в Россию из Англии, куда он ездил в составе так называемой «парламентской делегации». Свидание с германским представителем состоялось в Стокгольме в самом начале июля 1916 г. [1]

Сведения относительно этой беседы мы приведем из сообщения самого Протопопова, сделанного 29 августа 1916 г. в Москве, на собрании губернских предводителей дворянства. Здесь все изложено обстоятельнее, чем в позднейших показаниях Протопопова в Следственной комиссии. [2]

Относительно обстоятельств, при которых произошла эта беседа, Протопопов сообщал тогда следующее.

«В Стокгольме проживал, — говорил Протопопов, — крупный банкир и биржевой делец Ашберг. Вот этот Ашберг явился ко мне и сообщил, что со мной очень желал бы видеться германский посланник в Швеции. Посоветовавшись по этому поводу с нашим посланником Неклюдовым, который просил меня не отказываться, я согласился на свидание»...

---

[1] Парламентская делегация вернулась в Петроград 17 июня. Протопопов же несколько позже, так как он, по просьбе Барка, задержался в Лондоне для переговоров о займе. Точная дата «стокгольмского свидания», которую нам было бы важно установить, неизвестна; указывая, что «свидание» состоялось в самых первых числах июля, мы основываемся, между прочим, на нескольких данных, имеющихся в показаниях ген. Беляева («Падение царского режима», т. II, стр. 161) и в показаниях Шингарева.

[2] В допросах Следственной комиссии, снятых с Протопопова, разбросаны различные данные об этом деле, но всё отрывочные и несистематичные. Доклад Протопопова, сделанный на съезде предводителей дворянства, был в январе 1917 г. напечатан, по стенограмме, в газетах. Цитируем по «Русскому Слову», 1917 г., 19 января, № 15. Письмо, по этому же поводу, другого члена делегации гр. Д. А. Олсуфьева к московскому губернскому предводителю дворянства Базилевскому напечатано при стенограмме доклада Протопопова.

При этом Протопопов выставил условия, чтобы ему было прислано германским посланником письменное сообщение о желании с ним видеться, чтобы свидание это состоялось не у германского посланника, а где-либо на нейтральной почве, и затем, чтобы при свидании присутствовали хозяева дома, где оно произойдет, и кто-либо из товарищей Протопопова по парламентской делегации. Эти условия были приняты, и свидание состоялось в номере гостиницы, снятом для этой цели Ашбергом. Но, вследствие болезни, германский посланник фон-Люциус явиться не мог, и вместо него прибыл командированный им Варбург.[1]

Беседа происходила в присутствии другого участника «парламентской делегации», члена государственного совета гр. Д. А. Олсуфьева, Ашберга[2] и некоего По́ляка.

О содержании беседы Протопопов сообщал следующее:

«Наша беседа с Варбургом, — говорил Протопопов, — началась с его заявления, что моя статья, помещенная в английских газетах, о том, что державы «согласия» приобрели нового мощного союзника в факте недостатка провианта в Германии, не соответствует истине. Действительно, в Германии выдача пищевых продуктов ограничена, но это ограничение не является следствием недостатка припасов, а принудительной мерой, которая дает Германии возможность вести войну в течение долгого времени...

«Далее Варбург доказывал, что дальнейшее продолжение и развитие войны бесцельно: оно повлечет за собой только новые жертвы, прольет еще потоки крови, но ни к каким практическим результатам не приведет, так как общее очертание пограничных линий останется и будет закреплено в том виде, как оно находится в данное время.

«Эту мировую войну, — говорил Варбург, — вызвала Англия, и она одна повинна в миллионах человеческих жертв. Если бы Англия сразу сказала, что она выступит с державами согласия, то войны не было бы. Дружба с Англией невыгодна России: Англия всегда вела лживую политику и обманывала своих союзников. Дружба с Германией дала бы России больше, чем союз с Англией. Неужели Россия забыла 1878 год, забыла, как всё напряжение государства, все блестящие победы ее войск были

---

[1] По словам Протопопова, это был старший советник посольства, но это не совсем так — см. ниже.

[2] Согласно показанию гр. Д. А. Олсуфьева, присутствовал не Ашберг, а некто Гуревич — «русский, живущий по торговым делам в Стокгольме».

сведены к нулю, как только английский флот появился в Мраморном море? Теперь Англия также обманывает своих союзников, и она одна извлечет выгоды из войны».

В ответ на это Протопопов указал, что Англия в то время выполняла то, что было предусмотрено ее договором с Австрией, хотя последняя и не выполнила тогда своих обязательств о выставлении 200-тысячной армии на границе России в случае появления русских войск у Константинополя. Вместе с тем Протопопов отметил, что, хотя мир с Германией в течение полутора столетий, действительно, не нарушался, но он обходился России слишком дорого; при этом Протопопов, по его словам, обратил внимание на то, какой ценой был куплен нейтралитет Германии во время русско-японской войны.

«Варбург, не отвечая на сделанные ему возражения, продолжал настаивать на бесцельности дальнейшей войны и указал, что обвинения Германии в завоевательных стремлениях ошибочны. Немцы совсем не желают новых приобретений. Они только хотят справедливого исправления границ. Курляндия должна принадлежать Германии, а не России, к которой она привязана искусственно. На вопрос — как же латыши? — Варбург заметил, что о латышах говорить не стоит — это мелочь. Польша, — продолжал Варбург, — должна составить особое государство, и почин государя в этом отношении как нельзя более соответствует гуманным начинаниям и пожеланиям польского народа. Восстановление Польши в ее границах будет только выполнением долга справедливости».

На вопрос Протопопова, какие же должны быть границы Польши — географические или этнографические, Варбург ответил: «конечно, этнографические».

Протопопов в ответ на это напомнил Варбургу про то, что, если Польша будет восстановлена в ее этнографических границах, то в состав этого будущего государства должна войти и часть Польши, отошедшая по разделу к Германии.

«На это Варбург возразил, что в Германии нет поляков: поляки только в России и Австрии; в Германии каждый поляк, по национальности и по убеждениям, — такой же немец, как и он, если не больше.

«Что касается бывших французских владений, — продолжал Варбург, — Эльзаса и Лотарингии, то Германия сознает допущенную ею после франко-прусской войны крупнейшую политическую ошибку. В то время Германия могла взять лишних 10 мил-

лионов контрибуции, но не должна была увечить государство. Она приобрела из-за этого непримиримого врага в лице Франции, и ей за ошибку приходится платиться. Лотарингия могла бы быть Франции возвращена; что касается Эльзаса, то он отнят у Франции еще при Людовике XIV, и о нем сейчас не может быть никакой речи.

«Коснувшись вопроса о Бельгии, Варбург сказал, что Бельгию им очень жалко: бельгийцы — хороший и трудолюбивый народ, но у них был секретный договор с Англией,—за это Бельгия поплатилась. На аннексию Германия не покушается, и Бельгию она восстановит, при условии обеспечения границ Германии. Сербия сейчас в ужасном положении. Она истекает кровью, но что делать — это результат войны. Против посягательства России на захват Галиции, Буковины и проливов, если союзникам удастся ими овладеть, Германия ничего не имеет и лишь твердо стоит за незыблемость границ на западе России в том виде, как они определились в данное время.

«Варбург прибавил, что Англия хочет господства и связывает волю русского государя, запрещая ему заключить сепаратный мир».

В дальнейшем разговор не имел ничего интересного и, — по словам Протопопова, — был закончен им самим, несмотря на желание Варбурга продолжать беседу.

Участник беседы гр. Д. А. Олсуфьев в письме к московскому губернскому предводителю дворянства дал некоторые объяснения по поводу этого сообщения Протопопова и внес кое-какие свои поправки.[1]

По возвращении Протопопова в Петроград, о «стокгольмской беседе» стало известно (со слов самого Протопопова) в думском кругу, и даже промелькнуло об этом сообщение в печати. Но тогда на это свидание особого внимания обращено не было.[2]

---

[1] Между прочим, Олсуфьев отрицал, что было какое-либо упоминание о Курляндии, Галиции, Буковине и Эльзасе; но надо заметить, что Протопопов говорил по свежей памяти, а Олсуфьев — уже через полгода после беседы. Относительно предварительных сношений Протопопова (через Ашберга) с Люцифусом, Олсуфьев, — по его словам, — ничего не подозревал и, когда это было обнаружено, Олсуфьев считал, что он «жестоко мистифицирован».

[2] В печати появилось об этом известие в газете «Утро России». В связи с этим, вследствие письма члена Думы Бубликова к Родзянке, было созвано в Петрограде частное думское совещание; здесь Протопопов осведомил присутствовавших о своей беседе с Варбургом. Сообщая об этом письмом в редакции газет, Родзянко писал: «Излишне объяснять, как отнесся к этим заявлениям А. Д. Протопопов», и проч. («Речь», 4 августа 1916 г.)

Только впоследствии, когда Протопопов был назначен министром и вполне обнаружил свою ультра-реакционную позицию и свою связь с Распутиным, на «стокгольмскую беседу» взглянули как на сознательную попытку нащупать почву для переговоров о сепаратном мире. В это время, в ответ на поднятую против Протопопова травлю, он старался придать обстоятельствам своей встречи с представителем Германии несколько иной характер. Вместе с тем Протопопов упорно подчеркивал, что беседа происходила «по просьбе» русского посланника в Швеции Неклюдова.[1] Однако, это тогда же было опровергнуто Милюковым, которому Неклюдов подтвердил, что никакой просьбы с его стороны не было.[2]

Таким образом, Протопопов уже этим обнаружил, что «стокгольмская беседа» произошла при условиях далеко не таких простых, как это казалось с первого взгляда.[3]

Теперь, как мы уже отметили, есть основания думать, что эта беседа явилась выполнением плана, предлагавшегося в свое время герцогом гессенским и Васильчиковой. Но, ставя это в связь, нужно обратить внимание также и на состав участников этой «беседы».

Прежде всего укажем, кто такой был этот Варбург.

По словам Протопопова, это — «старший советник германского посольства»; по, по указанию германского министра Эрцбергера, «доктор» Варбург, из Гамбурга, был только «прикомандированным к германскому посольству».[4] По словам же члена делегации гр. Олсуфьева, Варбург был «банкиром из Гамбурга», часто ездившим по торговым делам в Швецию и имевшим до войны торговые сношения с Россией. Это последнее указание совершенно справедливо: Варбург был владельцем (или совладельцем) крупнейшей банковской фирмы в Гамбурге «M. M. Warburg & C°». Этот банк имел финансовые сношения с Россией и, в частности, обслуживал интересы германских акционеров Русско-

---

[1] «Речь», 28 ноября 1916 г., письмо в редакцию Протопопова.

[2] «Речь», 29 ноября 1916 г., статья П. Милюкова: «Г. Протопопов и русская дипломатия».

[3] Заметим кстати, что заведующий заграничной агентурой департамента полиции Красильников получил при Протопопове, — по словам Белецкого, — чин действ. статского советника «за раскрытие шпионской организации в Стокгольме», а, в действительности, как сообщает Белецкий, «за затушевание обстоятельств стокгольмского свидания» (письменные показания Белецкого в Следств. комиссии).

[4] Эрцбергер. «Германия и Антанта», стр. 202.

Азиатского банка (правление которого помещалось в Петрограде).[1] Это, конечно, нисколько не мешает тому, что Варбург в то же время мог выполнять и поручение германского правительства.

Что касается Протопопова, то, отправляясь в составе парламентской делегации в Европу, он был не только товарищем председателя Государственной Думы, но, в то же время, одним из видней-ших деятелей, и даже председателем «совета съездов металлообрабатывающей промышленности»; самый съезд состоялся в Петрограде 29 февраля 1916 г., и тогда же был организован постоянный «совет». Через металлургическую промышленность Протопопов был связан с банковскими кругами.[2] Вместе с тем Протопопов, уже давно находившийся в близких отношениях с Распутиным и Бадмаевым, выдвигался этими лицами кандидатом в министры еще до своей поездки, в составе парламентской делегации, за границу.[3]

Можно указать также, кто такие были другие организаторы и участники этой «беседы». Ашберг — «крупный банкир» (стокгольмский) был в тесной связи с русскими банками и, по поручению синдиката последних, ездил (в 1916 г.) в Америку для проведения там русского займа.[4] По́ляк, по определению Протопопова — «крупный финансист», «нефтепромышленник»; это, несомненно, Л. С. По́ляк, директор правления нефтепромышленного общества «Кавказ» и директор Московского отделения нефтепромышленного общества «Мазут».[5]

К этому надо прибавить, что позднее (в письменных показаниях, данных в Следственной комиссии) Протопопов сообщал еще такую черту о роли этого По́ляка.

«После моего возвращения из путешествия за границу в Петроград, — писал Протопопов, — ко мне приехал Л. С.[6] По́ляк

---

[1] См., например, книгу П. В. О л я «Иностранные капиталы в России». Изд. Института Экон. Исследов. Н. К. Ф. П. 1922 г., стр. 79.

[2] Обо всем этом подробно говорится далее в очерке «Банки и Распутин».

[3] Это прямо видно из показаний самого Протопопова в Следственной комиссии — см. «Падение царского режима», т. I, стр. 114—115.

[4] Письменные показания Протопопова в Следств. комиссии, от 27 июля 1917 г.

[5] В своих письменных показаниях (от 27 июля 1917 г.) Протопопов называет это лицо Л. М. По́ляком (а не «Л. С.»), но По́ляка с такими инициалами нет ни во «Всем Петрограде» ни во «Всей Москве». Очевидно, у Протопопова ошибка. Другой По́ляк, С. Г., также крупный нефтепромышленник, директор общества «Мазут», был вместе с тем членом совета Азовско-Донского Коммерческого банка.

[6] У Протопопова ошибочно указано: Л. М. По́ляк.

и привез мне для исправления наш разговор с Варбургом (по-немецки). Я плохо знаю этот язык и прочесть его не мог. Пóляк предложил мне сделать перевод и принес его на следующий день. Я отказался его исправлять, обратил его внимание, что ему иметь какие-либо сношения с Варбургом не годится и что я категорически отказываюсь от этого; перевод остался у него. Про этот случай я не говорил до сих пор, не желая кидать тень на него за легкомысленный его поступок».[1]

Все эти данные относительно участников беседы мы привели для того, чтобы показать, что для обсуждения вопроса о сепаратном мире между Россией и Германией сошлись *представители некоторых банковских групп обеих стран*. Это, конечно, имеет свой смысл. Вместе с тем это нисколько не колеблет нашего предположения о связи этой «беседы» с предложениями Вильгельма и герцога гессенского, в виду тех взаимоотношений, которые существуют везде между правящей властью и представителями банковского капитала. Во всяком случае, на этом небольшом факте мы видим симптом крупного явления, о котором, по отношению к Романовым, будем говорить в отдельном очерке.

Как же отнеслись к «стокгольмскому свиданию» сами Романовы и, в частности, Николай?

Вскоре по возвращении из-за границы Протопопову была «устроена» возможность представиться Николаю II. Когда перед этим Протопопов рассказывал о стокгольмской встрече Милюкову и сообщал ему, что собирается передать об этом и царю, Милюков, по его собственным словам, «испугался и думал, как бы это предложение (Варбурга) не было принято серьезно»; Милюков убеждал Протопопова «не приписывать особого значения» этому делу, смотреть на него «как на случайный эпизод туриста, и в этой форме изложить» (Николаю). Но Протопопов знал, что это свидание для него — большой козырь, и Милюков должен был позднее сознать свою ошибку: «потом, — говорит он, — я убедился, что он (Протопопов) сделал как раз обратное (совету Милюкова); придал этому очень большое значение, и на этом выиграл в мнении государя».[2]

---

[1] Письменные показания в Следственной комиссии, от 27 июля 1917 г.

[2] 2-е показание Милюкова в Следственной комиссии. — Это признает и сам Протопопов в своих письменных показаниях (от 19 августа 1917 г.), говоря: «Я чувствовал, что он (Николай) остался очень доволен моим докладом».

Таким образом, на этом эпизоде, и в особенности на состоявшемся вскоре назначении Протопопова министром, уже намечается некоторый поворот в отношении к вопросу о сепаратном мире и самого Николая.

Вместе с тем надо указать на то, что весной 1916 г. (т.-е. незадолго до «стокгольмского свидания») Романовы имели какие-то основания для уверенности, что война окончится осенью этого (1916) года. Так, 17 марта А. Ф. писала Николаю относительно Гос. Думы:

«Не прикажешь ли ты Штюрмеру послать за Родзянко (мерзавцем) и очень твердо сказать ему, что ты требуешь, чтобы бюджет был окончен до пасхи, так как в таком случае не придется их всех сзывать до тех пор, пока, с божьей помощью, все не станет лучше: осенью — после войны. Они хотят все тянуть, так, чтобы вернуться летом со всеми своими отвратительными либеральными предложениями. Многие того же мнения и просят тебя настоять, чтобы они теперь закончили. И ты не должен делать послаблений, ответственного министерства и т. д. — всего, чего они хотят. Это должна быть твоя война и твой мир и ни в каком случае не Думы. Они не имеют права сказать хотя бы одно слово в этих вопросах».[1]

Отсутствие в этот момент Думы [2] было необходимо потому, что, как мы отмечали выше, со стороны возглавляемой Думой господствующей буржуазии Романовы ожидали революции, в случае заключения сепаратного мира.

Однако, через некоторое время уверенность Романовых в скором прекращении войны была чем-то поколеблена. По крайней мере, 20 июля (т.-е. уже после «стокгольмского свидания») А. Ф. писала Николаю относительно той самоуверенности, с которой относится Воейков к вопросу об окончании войны: «он, — говорила А. Ф., — абсолютно уверен, что война кончится к ноябрю, и теперь, в августе, будет начало конца, — он меня раздражает.

---

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 53. Нелишне отметить, что в этом же письме А. Ф. есть такие слова: «Это рассказал сын Альберта Граши — по крайней мере мне так сказали, — вот хоть один честно сказал, что начали немцы». Граши - это одно из лиц, близких к гессенскому двору. Несомненно, и в этой фразе имеются в виду какие-то разговоры на тему о мире.

[2] Гос. Дума была распущена 20 июня, а созвана после этого 1 ноября.

Я ему сказала, что бог единый знает, когда наступит конец, и что многие говорили, будто это произойдет в ноябре, но я сомневаюсь».[1]

Мы не знаем, что нарушило первоначальную уверенность Романовых, но есть некоторые основания думать, что существовавшие надежды были связаны у них с решением пойти на предлагавшиеся германцами переговоры; попытка к этому могла осуществляться «стокгольмской беседой». Однако, германцы, в лице Варбурга, высказали такие принципы, заключить на основе которых мир Романовы не могли. Это не исключало, конечно, возможности возобновления переговоров, — и тогда Протопопов, как уже показавший свою к ним готовность, мог бы быть снова полезен.

Протопопов был назначен министром внутренних дел 16 сентября 1916 г. После сказанного, имеет значение выяснить те условия, при которых состоялось это назначение, — таким путем еще яснее обнаружатся те лица, которые стремились к сепаратному миру.

Мысль о назначении Протопопова министром внутренних дел (на место А. А. Хвостова) была внушена Романовым Распутиным. Первое упоминание об этом в переписке Романовых (7 сентября 1916 г.) носит такой характер:

«Теперь Штюрмер хочет предложить в качестве министра внутренних дел этого князя Оболенского из Курска-Харькова (до того он был в старой ставке с Николашей!!),[2] теперь он работает по продовольственному вопросу, но Григорий[3] убедительно просит тебя назначить на эту должность Протопопова. Ты его знаешь, и он на тебя произвел такое хорошее впечатление, — к тому же так пришлось, что он член Думы (не из левых), и, таким образом, он будет знать, как к ним относиться».[4]

Все это было писано непосредственно после беседы А. Ф. с Распутиным. Дальше А. Ф. прибавляет:

«Я думаю, что лучше всего было бы назначить его... Он в дружбе с нашим Другом[5] уже по крайней мере четыре года, и это очень много говорит за него, — а этот Оболенский, наверное

---

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 146.
[2] В. к. Николай Николаевич.
[3] Распутин.
[4] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 172.
[5] Распутиным.

будет в другом лагере. Я его (т.-е. Протопопова) не знаю, но верю в мудрость и советы нашего Друга».[1]

Этих двух указаний А. Ф., со ссылкой на выбор Распутина, было достаточно для того, чтобы Протопопов (которого сама А. Ф. еще ни разу не видела) был назначен министром внутренних дел. 14 сентября А. Ф. уже благословляла мужа за это назначение: «Да благословит господь твой новый выбор Протопопова, — писала она, — наш Друг говорит, что ты очень мудро поступил, назначив его».[2]

Таким образом мы и здесь, при вопросе о сепаратном мире, приходим к имени Распутина. Это, конечно, не случайно. Известно, что Распутин был против того, чтобы Романовы начинали войну: он (находившийся при начале войны в Тобольской губ.) посылал в этом смысле телеграммы Романовым и надеялся на «мирный покой», — он находил, что «большое злодеяние затевают».[3]

Это отрицательное отношение Распутина к самому факту объявления войны видно и из переписки Романовых:

«Наш Друг, — писала А. Ф. Николаю 1 ноября 1915 г., — был всегда против войны и говорил, что Балканы не стóят того, чтобы весь мир из-за них воевал, и что Сербия окажется такой же неблагодарной, как и Болгария».[4]

В связи с этим можно указать и на то, что если Николай II не ввязался ранее в балканскую войну, то, повидимому, в этом отношении сыграли некоторую роль советы Распутина.[5] Отметим также, что в течение 1912, 1913 и 1914 гг. (до войны) Распутин не раз высказывал свои «мирные» взгляды в «беседах» с сотрудниками различных газет.[6]

Было бы естественно ждать, что, признавая войну ненужной, Распутин, по мере своих сил, постарается «умиротворить» Николая.

---

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 173.

[2] Там же, стр. 179.

[3] См. «Переписка Н. и А. Романовых», т. III, предисловие М. Н. Покровского, стр. XIX, и приложение III к этой книге.

[4] Там же, стр. 423.

[5] «Воспоминания» А. П. Извольского (б. министра иностр. дел). П. 1924 г., стр. 95. — То же утверждает в своих воспоминаниях Вырубова. Она пишет, что, когда в. к. Николай Николаевич уговаривал Николая II принять участие в войне, тогда Распутин «чуть ли не на коленях перед государем умолял его этого не делать, говоря, что враги России только и ждут того, чтобы Россия ввязалась в эту войну, и что Россию постигнет неминуемое несчастье» («Страницы из моей жизни», стр. 90).

[6] Об этом см. в приложениях.

Но прямых указаний на то, чтобы Распутин давал в этом отношении какие-либо советы, переписка Романовых не дает.

Нелишне, однако, отметить, что пацифистское настроение Распутина учитывалось некоторыми влиятельными лицами еще до начала войны. Так, гр. С. Ю. Витте летом 1914 г., перед самым началом военного кризиса, высказывал мнение, что «есть один лишь человек, который мог бы помочь в данное время и распутать сложную политическую обстановку»; по мнению Витте, таким человеком был Распутин. [1] Конечно, в этом отзыве находившегося не у дел сановника более всего говорит голос самолюбия, оскорбленного тем, что не он, Витте, «распутывает» завязавшиеся узлы. Но с иронией Витте, видимо, могла уживаться и та мысль, что Распутин, если бы его в это время послушали, помог бы предотвратить войну.

Здесь мы подходим к той пацифистской группе, которая существовала накануне войны в среде русской бюрократии и имела несомненно, известную опору в некоторых слоях буржуазии и помещичьего класса. Подобные группы, отрицательно относившиеся к надвигавшейся войне с Германией, существовали, как известно, и во Франции, и в Англии, и в Италии. Что касается собственно цитированного нами Витте, то он также был противником возможности войны с Германией и выдвигал, в противовес соглашению России с Англией, теоретическую идею франко-русско-германского союза. Когда началась война, то Витте с нею не примирился и открыто высказывал мысли о необходимости «ликвидировать эту нелепую авантюру».[2]

Ряд других крупных бюрократов также отрицательно относился к перспективам войны с Германией. Одним из крупнейших представителей этой группы надо считать П. Н. Дурново, который высказал свои взгляды в особой записке, поданной им Николаю II в феврале 1914 г. и отличающейся замечательной проницательностью. Не имея возможности подробно останавливаться на содержании этой записки, мы отметим только один из мотивов того, почему известный слой буржуазии придерживался пацифистской позиции. В основе этого пацифизма лежал *страх перед возможностью революции*.

---

[1] См. «Дневник б. великого князя Андрея Владимировича». Л. 1925 г. Гос. Изд—ство, стр. 87.

[2] См. М. Н. Покровский. «Царская Россия и война». М. 1924 г. Госуд. Изд—ство, стр. 28.

Приведем одно, весьма в этом отношении характерное, место из этой записки:

«Как бы печально ни складывались экономические перспективы, открывающиеся нам, как результат союза с Англией, — следовательно, и войны с Германией, — они все же отступают на второй план перед политическими последствиями этого, по существу своему противоестественного, союза. Не следует упускать из вида, что Россия и Германия являются представительницами консервативного начала в цивилизованном мире, противоположного началу демократическому, воплощаемому Англией и в несравненно меньшей степени Францией. Как это ни странно, Англия, до мозга костей монархическая и консервативная дома, всегда во внешних своих сношениях выступала в качестве покровительницы самых демагогических стремлений, неизменно потворствуя всем народным движениям, направленным к свержению монархий и законного строя. С этой точки зрения, борьба между Германией и Россией, независимо от ее исхода, глубоко нежелательна для обеих сторон, как несомненно сводящаяся к ослаблению мирового консервативного начала, единственным надежным оплотом которого являются названные две великие державы. Более того—нельзя не предвидеть, что, при исключительных условиях надвигающейся мировой войны, таковая, опять-таки независимо от ее исхода, представит смертельную опасность и для России и для Германии. По глубокому убеждению, основанному на тщательном изучении всех современных противогосударственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая сплою вещей перекинется и в страну-победительницу» . . .

В дальнейшем тексте Дурново утверждал, что «политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно выродится в социалистическое».[1]

Так думал Дурново; но от этих его взглядов были далеки широкие слои русской буржуазии: рассчитывая, что война даст им новые экономические выгоды, они совсем не сознавали той политической опасности, которая была связана с войной.

---

[1] Записка напечатана в журнале «Красная Новь», 1922 г., книга 6. С предисловием М. Павловича. — В сокращении помещена в журнале «Былое», 1922 г., № 19, стр. 161 — 176.

К группе бюрократов, разделявших взгляды Дурново, принадлежал и Штюрмер, назначенный, по рекомендации того же Распутина, 20 января 1916 г. председателем совета министров. Весьма симптоматичным является призвание к власти именно этих двух лиц — Штюрмера и Протопопова. Если Протопопов произвел благоприятное впечатление на Николая своей «стокгольмской беседой» (т.-е. фактом, с точки зрения буржуазной «общественности», крайне предосудительным), то председатель совета министров Штюрмер уже и ранее пользовался такой определенной репутацией «германофила», что назначение его и в Европе и здесь было понято, как торжество «немецкой партии» и как намек на возможный откол России от связи с союзниками. Романовым была хорошо известна такая репутация Штюрмера: сам Николай находил, что это назначение произведет впечатление «громового удара». [1] И, проводя здесь параллель с мотивами назначения Протопопова, можно считать несомненным, что именно «пацифистские» стремления правящей группы послужили главным поводом для избрания Штюрмера в председатели совета министров.

Таким путем Романовы становились на «мирные» позиции. Это, в известной мере, объясняется тем, что к данному времени в некоторых слоях буржуазии и помещичьего класса, а также отчасти и самими Романовыми, было понято, что война вызывает такое усиление революционного движения, которое в конце концов может подвергнуть опасности самое существование монархии. В частности, германцы, как до войны, так и во время ее неоднократно указывали Романовым на эту опасность войны как для Русской, так и для Германской монархий; теперь стали выявляться признаки справедливости этих указаний.

Таким образом, пред лицом этой грозной опасности русские помещики волей-неволей делались «германофилами»: самые настоящие «патриоты», в духе «союза русского народа», теперь более чем раньше, логически приходили к германофильству. Протопопов говорил про Штюрмера, что «он был более русский, чем всякий русский, — он, если можно так выразиться, на дыбах ходил». [3] И, тем не менее, это «хождение на дыбах» привело в сторону монархической Германии. Для этого, конечно

---

[1] «Письма А. Ф.», т. I, стр. 368, письмо от 10 января 1916 г.
[2] См., наприм., здесь стр. 16, письмо Васильчиковой.
[3] Показания в Следств. комиссии.

не надо было быть ни «шпионом» ни «изменником»; наоборот, это ориентирование на монархически-юнкерскую Германию, подсказываемое чувством классового самосохранения, должно было стать теперь самым «искренним убеждением» всякого «истинно-русского» патриота.

Наступили «тяжкие времена»: Саблин «дрожит» за Николая и Александру Романовых [1] — вот неприкрытое проявление того, основанного на классовой опасности, мотива для сепаратного мира, о котором мы говорим. Романовы стали «дрожать», потому что чувствовали, как затянувшаяся война создает все бóльшую и бóльшую угрозу для монархии, для помещиков, для самих царей.

«Династия переживает тяжелые испытания», — 26 марта 1916 г. писала Николаю А. Ф. [2] И потом, когда он решил было однажды уволить Протопопова, А. Ф. умоляла мужа: «Вспомни, что дело не в человеке (Протопопове), или X, У, Z, но вопрос идет о монархии [3] и о твоем престиже, который не должен быть подорван» (письмо от 12 ноября 1916 г.).[4]

«Если бы у нас не было бы Его (Распутина), все было бы давно кончено, — я в этом совершенно уверена», — утверждала А. Ф. 4 ноября 1916 года. [5] Значит — не будь Распутина, — монархии, по мнению А. Ф., в это время уже не существовало бы. Только он, этот великий пророк и святой, поддерживал бренное тело монархии. А когда Распутин умер, что же могло сохранить ее? Неужели одни его загробные молитвы?

Итак, правящая группа начала понимать серьезность положения, — и это было одной из причин ее стремления к миру.

В то же время на своих съездах «правые» настаивали на усугублении реакционного курса. Но наиболее ответственные представители этих помещичьих и бюрократических кругов, как Щегловитов, Маклаков и т. п., вращавшиеся на придворной арене и рассчитывавшие вновь получить министерские посты, не смели, однако, из боязни «общественности», раскрыть свои карты и гласно заявить о необходимости сепаратного мира, который был, тем не менее, логическим завершением рекомендуемой ими политики.

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 378, — письмо А. Ф. от 20 сентября 1915. Саблин — контр-адмирал, командир царской яхты «Штандарт», «личный друг» Романовых.

[2] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 55.

[3] Подчеркнуто А. Ф.

[4] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 240.

[5] Там же, стр. 228.

Только другие, менее дипломатически развитые, реакционеры договаривали свою мысль до конца.

Вот, например, выдержка из одной резолюции группы «правых», приведенная в Г. Думе еще 1 марта 1916 г. депутатом Савенко.

«Мы долго обсуждали поставленный выше вопрос о разумности продолжения войны и не можем со спокойной совестью сказать, что народ хочет дальнейшей борьбы. Страна далека от мысли покорного согласия к выполнению немецких требований, но она и не отвергает возможности полюбовно прийти к соглашению, если таковое необходимо. Мы верим в Россию, но не верим в искренность недавних внешних и внутренних врагов ее, сознаем опасность, назревшую от экономических тягот, видим, как углубляется рознь между имущими и бедными классами населения. Мы знаем также, что враг утомлен, ослаблен, как манны небесной хочет примирения с сильнейшим противником своим. Нам известны также и предложения, сделанные им; они свидетельствуют об истощении немецких империй. Когда судьбы родины зависят от силы меча, то только разумом, а не сердцем, можно решать вопросы государственной важности, каким является вопрос о заключении мира. Если нет неоспоримых доказательств в близости исчерпывающей победы, то долг государственных людей не подвергать дальнейшему испытанию народное терпение, ибо оно слишком напряжено».[1]

Все это, естественно, выражено в осторожных формах; но побудительный мотив, в виде классовой опасности, усиливающейся от продолжения войны, и здесь выскакивает наружу: это — «углубление розни между имущими и бедными классами населения». И, для предотвращения грозящей опасности, рекомендуется поставить на очередь вопрос о мире.

Но предпринимали ли Романовы, после «стокгольмского свидания» Протопопова — Варбурга какие-либо шаги к примирению с Германией — этот вопрос (по крайней мере в отношении 1916 г.) мы принуждены, за отсутствием документальных данных, оставить открытым. Однако, надо отметить, что именно к октябрю-ноябрю 1916 г., т.-е. к тому времени, когда у власти находились и Протопопов и Штюрмер, относятся самые упорные сообщения о том, что русское правительство ведет сепаратные переговоры с Германией; нам остается только указать на самую вероятность этих сообщений.

---

[1] «Стенографический отчет Гос. Думы», от 1 марта 1916 г.

Известия о сепаратных переговорах, распространявшиеся тогда в европейской и русской печати, шли из Швейцарии. В швейцарской газете «Berner Tagewacht» (интернационалистский орган Р. Гримма) были даже напечатаны тогда пункты мирных условий, предложенных Германией России; при этом воспроизведены портреты Штюрмера и фон-Ягова. Вероятно, на эту же газету ссылается и В. И. Ленин в своей статье «О сепаратном мире» (написана 6 ноября 1916 г.), при чем Ленин указывает, что когда русское посольство в Берне выступило с официальным опровержением этого, то «социалистическая газета отказалась придать какое бы то ни было значение опровержению», при чем, в подтверждение своего заявления, газета ссылалась, между прочим, на тот факт, что в торговых кругах Швейцарии имеются об этом «положительные сведения из торговых кругов России». [1]

Германские авторы, касаясь вопроса о мире с Россией, хотя и признают, что назначение Штюрмера было понято как признак желания начать переговоры, но уверяют, что к ним все-таки приступлено не было.

Так, германский кронпринц в своих мемуарах высказывается об этом в следующих словах:

«Благоприятная минута для заключения мира с Россией представилась в конце лета 1916 г., когда военное положение России было очень плохо. Царь как раз тогда назначил Штюрмера главой министерства, а этот человек был, несомненно, расположен к нам. Я даже видел в этом назначении неоспоримый признак желания начать переговоры с нами о мире. Убежденный, что это клонится к нашему благополучию, я всячески доказывал нашим правителям, что необходимо как можно скорее схватиться за протянутую руку. Летом и в начале осени наши дипломаты вели об этом частые переговоры между собой и с главной квартирой, но к практическому осуществлению так и не пришли. Вместо того, чтобы попробовать вступить в переговоры со Штюрмером, дело ограничивалось тем, что стали разливаться в бесполезных жалобах на невозможность сношений с иностранными дипломатами по условиям военного времени»... [2]

Германский канцлер Бетман-Гольвег в своих «Размышлениях о мировой войне», касаясь этого вопроса, говорит, что он лично,

---

[1] Г. Зиновьев и Н. Ленин. «Против течения». П., 1923 г., стр. 368.

[2] «Записки германского кронпринца». С предисловием В. Кряжина. Госуд. Изд—ство. 1923 г., стр. 130—131.

после всех сделанных германцами попыток, не верил (в конце 1916 г.) в возможность сепаратного мира с Россией. Он упоминает вместе с тем, что какие-то «неясные надежды» на мир существовали ранее — в июле-августе 1916 г.; повидимому, это последнее указание касается переговоров с Протопоповым, о которых здесь же вскользь он упоминает.

Но вместе с тем Бетман-Гольвег указывает, что в то время было распространено в Германии и другое мнение, которое рассматривало сепаратный мир с Россией «как дело само собой разумеющееся», и упустить эту возможность, согласно этому взгляду, «могла только самая бездарная дипломатия».[1]

К числу лиц, придерживавшихся, повидимому, именно такого взгляда, принадлежал, между прочим, и один из столпов германского империализма, «создатель морской мощи Германии», известный Тирпиц. В написанных им мемуарах есть также упоминания о каких-то «беседах», которые он имел осенью 1916 г. по вопросу о сепаратном мире с некоторыми русскими, — однако, эти упоминания, как увидим ниже, весьма смутны; гораздо важнее, что Тирпиц изложил при этом ту примерную программу, которая по взгляду его и, очевидно, лиц его группы могла бы быть положена в основу сепаратного мира с Россией, ставшего тогда для немцев, — по мнению Тирпица, — «вопросом жизни и смерти». Приведем соответствующее место из мемуаров Тирпица:

«Осенью 1916 г., — пишет он, — я имел случай беседовать с некоторыми русскими, дружески расположенными к Германии, и из этих бесед, в связи с другими признаками, я заключаю, что существовала возможность заключить мир с Россией. Конечно, я не мог и теперь не могу иметь полного представления, на каких условиях был достижим подобный мир. Однако, в качестве основы для переговоров, имеющей вероятность успеха, можно представить себе следующие условия: мы должны были бы пойти навстречу для удовлетворительного разрешения сербского вопроса, признав десять, также и царем принятых в 1914 г., пунктов ультиматума[2] и назначив арбитраж для решения остальных двух пунктов, так что в общем Россия достигла бы успеха без поражения Австрии. Мы могли бы потребовать продвижения нашей границы до Нарева, дабы обеспечить Восточную Пруссию от повторения

---

[1] Th. von Bethmann Hollveg. «Betrachtungen zum Weltkriege» 2-ter Theil, Seite 94—96, 300. Berlin, 1922.

[2] Австрийский ультиматум Сербии.

испытанного ею нашествия, а взамен предложить ей соответствующую часть Восточной Галиции, за что Австрия, в случае надобности, могла бы быть вознаграждена в Новобазарском санджаке и Албании. Мы выхлопотали бы России право прохода военных судов через Дарданеллы и, если бы она согласилась заключить с нами союз, предоставили бы ей один из островов в Эгейском море. Мы отказались бы от Багдадской железной дороги, или допустили бы русских к участию в ней. Мы предоставили бы России Персию и взяли бы на себя русские долги Франции. Если бы России удалось устроить мир между нами и Японией, то за это можно было бы предложить ей еще более благоприятные условия. Что касается Константинополя, то русские должны были бы согласиться с тем, что мы не можем допустить уничтожения Турции. Однако, мы дали бы обещание постепенно преобразовать нашу турецкую политику. Можно было бы также позаботиться о личном вознаграждении великих князей [1] и проч.».

Далее Тирпиц говорит, что Австрию можно было бы склонить к принятию таких условий, а, в этом случае, Италия также принуждена была бы пойти на соглашение; затем Тирпиц намечает условия примирения с Японией, рассчитывая и на возможность союза с ней.

«Все сказанное, — пишет он, — должно лишь приблизительно показать, на какой почве можно было бы попытаться притти к соглашению с Россией и Японией. При этом главным для нас оставалась враждебная Англии ориентация нашей общей политики. Русско-японское сближение в 1916 г. давало основу для этого последнего великого союза, направленного против англо-саксов».

Затем Тирпиц, видимо, размечтавшись, рисует еще более далекие горизонты:

«Сверх того, — пишет он, — открывались более широкие и далекие перспективы, как, например, пересмотр Ыражского договора на тот случай, если бы Дания вслед за Россией вступила в более тесное общение с нами, в соответствии с ее интересами и географическим положением по отношению к России и Германии.

[1] Несколько неясно, про какое «вознаграждение» говорит здесь Тирпиц: ведь великие князья получали «вознаграждение» из русской казны. Может быть речь идет о взятках за содействие к заключению сепаратного мира?

«При посредничестве царя, мы могли бы побудить французов к миру уступкой им чего-либо в роде занятой ими маленькой части Эльзаса, что было бы для них приемлемо, при их тогдашнем положении.

«Весь мир континента, — утверждает Тирпиц, — должен был бы и мог бы быть выполнен при посредстве Петербурга».[1]

Так пишет Тирпиц, который, вопреки другой группе германских империалистов, настаивавших на необходимости в первую очередь сокрушить Россию, считал «главным врагом» Англию. Эта последняя позиция разделялась гораздо более широкими слоями империалистов Германии, и, хотя они, как Тирпиц, находили необходимым итти на прочное соглашение и даже на союз с Россией, условия, намечаемые Тирпицем, кажутся нам слишком малоприемлемыми для германских империалистов. Не преувеличивает ли Тирпиц по каким-либо соображениям своей «программы»? Может-быть, он желает задним числом уязвить тех своих политических противников, которые не могли добиться сепаратного мира с Россией, и указать теперь русским и германским монархистам, что ради их общих целей надо было тогда итти на всё?

Все приведенные данные не представляют, однако, ответа на вопрос, велись ли в это время (при Штюрмере) сепаратные переговоры между агентами царской России и Германией. Но, в сущности, вопрос о том, были эти переговоры или нет, не так уж и важен, — важнее, что Романовы г о т о в и л и с ь к этим переговорам, они «п р о т я г и в а л и р у к у» (говоря словами кронпринца) Германии. И эта подготовка, вне всякого сомнения, отразилась как на общем направлении политики правительства, так и на решении отдельных вопросов, которые ставились тогда на очередь. Общая линия внутренней политики, тяготевшей все более и более к крайней реакции и упразднению Государственной Думы, вполне соответствовала стремлению к сепаратному миру, ибо, борясь с империалистской буржуазией, Романовы пытались парализовать ту силу, которая, по их представлению, угрожала революцией в случае, если бы сепаратный мир был заключен.

---

[1] А. Т и р п и ц. «Из воспоминаний». Перевод с нем. Д. П. Кончаловского. С предисловием В. Гурко-Кряжина. Ленгиз, 1925 г., стр. 149—150.

Что касается отдельных вопросов, на отношении к которым выявляется тяготение правящей группы к сепаратному миру, то, в связи с этим, заслуживает особого внимания образ действий Романовых относительно «польского вопроса».

Царское правительство, дав в начале войны различные обещания полякам, не предприняло, однако, в течение двух лет никаких шагов для реализации этих обещаний; только в апреле 1916 г. было обращено внимание на этот вопрос. Сазоновым был выработан в это время проект польской «автономии». Но этот проект, с которым согласился и Николай, встретил противодействие со стороны Штюрмера. Сазонов был уволен в отставку, но вопроса об автономии, тем не менее, не снял с очереди и ставший министром иностранных дел Штюрмер, который предполагал опубликовать подобный акт, хотя и в значительно урезанной, по сравнению с проектом Сазонова, форме. В основу акта были Штюрмером положены начала «областной автономии». 18 июля этот акт был закончен обсуждением в совете министров и представлен Николаю. Но затем дело приняло совершенно иной оборот благодаря настоянию А. Ф. Романовой: подготовив соответствующую почву в письмах к Николаю, она 22 июля обратилась к нему с просьбой «задержать разрешение польского вопроса»[1] до ее приезда в ставку. Затем, при докладе по этому вопросу Николаю II Штюрмера (21 августа), он не получил определенного ответа, но при следующем докладе (10 сентября) Николай высказал ему уже свое окончательное решение, что он предполагает опубликовать этот акт «только по вступлении русских войск в занятые неприятелем пределы Польши». Таким образом, вопрос этот был снят с очереди.

Какую же цель преследовала настаивавшая на этом А. Ф. Романова, то-есть та распутинская группа, агентом которой она являлась? По всей вероятности, цель была именно в том, чтобы, в виду подготовки сепаратного мира с Германией, не обострять вопроса о Польше такими обещаниями, которые, в известной степени, связывали бы русскую политику. Французский посол Палеолог, не без основания, видел в тактике распутинской группы относительно Польши «ловкий ход для примирения с Германией».[2]

---

[1] Об этом Штюрмером, по приказанию А. Ф., была отправлена телеграмма Николаю, находившемуся в ставке. Подробнее весь этот вопрос изложен в нашем сборнике «Монархия перед крушением».

[2] «Царская Россия накануне революции», стр. 67.

Между тем, правящая милитаристская группа Германии, воспользовавшись тем, что царское правительство отказалось от мысли опубликовать этот акт, 22 октября (5 ноября н. ст.) возвестила об организации польского королевства, под германским главенством. Это было сделано по инициативе военного командования, — однако, более умеренно настроенные австро-германские круги находили этот акт крупнейшей политической ошибкой.

Вот что, например, пишет об этом Эрцбергер:

«Положительно политической катастрофой для центральных держав оказалось действие этой прокламации[1] в России, где влиятельные круги в то время были готовы заключить всеобщий мир или, в случае его отклонения, сепаратный мир с центральными державами. Для этой цели специально было поручено Штюрмеру руководство делами».[2] Это было ошибкой потому, что таким актом, по взгляду Эрцбергера, австро-германцы «глубоко подсекли единственную возможность мира».[3]

Таким образом, хотя непосредственно руководившие Николаем А. Ф. Романова и Распутин, готовясь к сепаратному миру, создали, вопреки настояниям Сазонова, благоприятную для германцев позицию в «польском вопросе», но австро-германские империалисты не оценили этих усилий.

В связи с подготовкой к сепаратному миру, вставал, конечно, чрезвычайно острый вопрос о «союзниках». Правительство Романовых в официальных с ними сношениях не скупилось, как и раньше, на выражение им своей «любви» и «преданности». Но в интимной личной переписке Романовых стали теперь проскальзывать иногда тона, показывающие совсем другие настроения. Это видно, например, из отношения — Александры Федоровны и Распутина к Англии.

«Я предвижу, — пишет А. Ф. 2 ноября 1915 г. Николаю, — ужасные осложнения по окончании войны, когда надо будет разрешить вопрос о балканских государствах, и опасаюсь, что эгоистическая политика Англии резко столкнется с нашей».[4]

Это — пока еще только недоверчивость (и притом разумная). Но приведем другой отзыв — позднейший.

---

[1] То-есть австро-германского акта о Польше.

[2] Подчеркнуто нами.

[3] Эрцбергер. «Германия и Антанта», стр. 150. — Так же смотрел на это и Тирпиц (см. «Из воспоминаний», стр. 151).

[4] «Переписка», т. III, стр. 424.

Погибает английский фельдмаршал Китченер,[1] имя которого было окружено таким ореолом у английских империалистов. И вот как реагирует на эту смерть учитель Романовых, Распутин:

«Для нас хорошо, что Китченер погиб, так как позже он бы наделал России вреда, и это не жалко, что с ним погибли документы», — таково было мнение Распутина.

А. Ф., в письме от 5 июня 1916 г., сообщала этот взгляд «божьего человека» Николаю. «Видишь ли, — объясняла она при этом, — он (Распутин) всегда боится роли Англии после окончания войны, когда начнутся мирные переговоры».[2]

Суждение Распутина о том, что Англия помешает русским империалистам урвать некоторые намеченные ими лакомые куски, имеет, несомненно, свои основания, но каково это трогательное, христианское отношение к гибели вождя «доблестных союзников»! Полуприкрытая обычно вражда к ним здесь выступает наглядно и отчетливо.

Торжествуя при известии о гибели Китченера и вместе с тем сочувствуя разным «страданиям» герцога гессенского,[3] А. Ф. невольно повторяет иногда те слова, которые говорил последний, предлагая возбудить негласные переговоры о сепаратном мире. «В Германии нет настоящей ненависти к России»,— писал Александре Федоровне «Эрни» (то же писала и Васильчикова, это же говорил и Варбург, беседовавший с Протопоповым). И А. Ф. выдвигает этот же мотив: «Их (германцев), — пишет она Николаю еще 7 сентября 1915 г., — самая сильная ненависть прошла».[4] А «наша»? Наша искусственно поддерживается «Новым Временем». Все просто и ясно: надо только закрыть эту, гнусно растравлявшую шовинистические страсти, газету, и тогда не будет повода для того, чтобы воевать.

Симптоматично, что в этом же письме А. Ф. указывает на необходимость уволить Сазонова, усердная преданность которого англо-французским империалистам, служила некоторым препятствием для попыток примирения с Германией.

Так как все, что мы говорили в этой главе, относится к 1916 г., то мы здесь же упомянем, хотя это и не имеет прямого отношения к вопросу о сепаратном мире, о последовавшем

---

[1] Китченер погиб 24 мая 1916 г. на пути в Россию, на крейсере, взорванном германской подводной лодкой.

[2] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 109.

[3] См., например, «Письма» А. Ф., т. II, стр. 24.

[4] «Переписка», т. III, стр. 314—315.

29-го ноября (ст. ст.) этого года общем германском предложении ко всем противникам приступить к переговорам о мире. Державы «согласия», как известно, ответили на это общим отказом.

Надо сказать, что Штюрмер, на которого возлагались надежды, как на сторонника сепаратного мира, был уволен от своих должностей незадолго до этого германского предложения — 12 ноября 1916 г. Вместе с тем, еще раньше, 22 октября (ст. ст.) германское правительство опубликовало уже отмеченный нами акт об организации особого польского государства. Эти хронологические данные показывают, что если Романовыми велись переговоры с Германией, то они должны относиться к промежутку времени между 16 сентября (назначение Протопопова) и, вероятно, 22 октября (германский акт о Польше). После же этого, видимо, выяснилась неудача надежд на возможность сепаратного мира, и германские империалисты были вынуждены сделать общее предложение о мире.

3.

Австрийский министр иностранных дел Чернин в своих мемуарах сообщает весьма любопытный эпизод, тесно связанный с рассматриваемым нами вопросом.[1] Речь идет о попытке правящей русской группы вступить в сепаратные переговоры о мире уже непосредственно перед революцией.

Приводим полностью все то, что Чернин говорит по этому вопросу:

«В последние дни февраля 1917 года произошло любопытное событие: 26 февраля ко мне явился один господин, представивший мне доказательство, свидетельствующее, что он является полноправным представителем одной нейтральной державы. Он сообщил мне, что ему поручено дать мне знать, что воюющие с нами державы, или во всяком случае одна из них, готовы заключить с нами мир, и что условия этого мира будут для нас благоприятны. Он особенно подчеркивал, что об отпадении Венгрии или Чехии от двуединой империи не будет больше и речи. Мне было предложено, в случае готовности пойти навстречу этому предложению, немедленно сообщить мои условия тем же путем, при чем мне было предложено иметь в виду, что это предложение враждебной державы потеряет вся-

[1] О. Чернин. «В дни мировой войны». Мемуары. С предисловием М. Павловича. II., 1923 г., стр. 156—158.

кое значение, если только оно станет известным третьей державе, дружественной нам или той.[1]

«Мой собеседник не мог сказать ничего больше, но из последних слов следовало, что предложение исходит от одной из неприятельских держав без ведома других.

«Я ни минуты не сомневался в том, что дело идет о Россіи, и мой собеседник подкрепил мое предположение, хотя определенно подчеркнул, что утверждать этого он не может. Пользуясь посредничеством одной нейтральной державы, я немедленно, т.-е. 27-го февраля, ответил по телеграфу, что Австро-Венгрия, конечно, готова тотчас же прекратить дальнейшее кровопролитие, и что она не желает извлекать из мира никакой выгоды, потому что, как мы уже не раз подчеркивали, мы ведем лишь оборонительную войну. Я обращал при этом внимание на то, что несколько неясная формулировка запроса не позволяет понять, обращается ли данная неприятельская держава только к нам или ко всем союзным с нами державам, при чем я особенно подчеркнул, что мы от них неотделимы. Я прибавлял, что готов, однако, предложить свои услуги в качестве посредника в том случае, если держава, обращающаяся к нам, согласна вступить в переговоры со всеми нами. Я гарантировал соблюдение тайны, заявив, что нахожу излишним оповещать наших союзников о полученном предложении до разрешения моего недоумения. Момент для этого наступит тогда, когда положение выяснится.

«9-го марта на это последовал дальнейший ответ, в котором наша точка зрения, повидимому, принималась, но на вопрос о том, идет ли речь о мире с нами только или также и с нашими союзниками, прямого ответа дано не было. Желая как можно скорее добиться полной ясности и не терять ни минуты времени, я немедленно ответил, что я прошу неприятельскую державу командировать доверенное лицо в нейтральное государство, куда я со своей стороны тотчас же направлю нашего представителя, при чем прибавил, что надеюсь, что эта встреча приведет к благотворным результатам.

«На эту вторую телеграмму я уже больше ответа не получал. Семь дней спустя, 7-го марта,[2] царь был свержен с престола.

---

[1] Подчеркнуто Черниным. — «Той» надо, очевидно, понимать: дружественной той, которая делала это предложение.

[2] Здесь очевидная ошибка в дате: семь дней спустя после 9 марта н. ст. было 16-е число (по ст. ст. 3-е); в этот день было опубликовано отречение Николая II.

Очевидно, с его стороны дело шло о последней попытке спастись, и вполне возможно, если бы она имела место на несколько недель раньше, то судьба не только России, но и всего мира приняла бы другой оборот».

Австрийский министр говорит об этом так осторожно и с такими подробностями, что нет оснований заподозрить правильность его сообщения, тем более что Чернин вообще очень добросовестно относится к изложению других подобных фактов.[1]

Справедливость сообщения Чернина о попытке Романовых накануне революции заключить сепаратный мир может найти себе подтверждение также и в анализе тех мероприятий, которые именно в это время предпринимались для борьбы с революцией правящей русской группой, — но об этом мы будем говорить ниже; ранее возникает вопрос: почему это русское предложение было обращено в Австрию, а не в Германию?

Это, надо думать, объясняется тем, что мир между Австрией и Россией, логически ставил вопрос и о русско-германском мире, так как примирение России и Австрии уже самим этим фактом ликвидировало бы тот конфликт между этими государствами, который был формальным поводом вступления в войну Германии. Между тем, возможно, что в русских «сферах» рассчитывали добиться в Вене бо́льшей, чем в Берлине, уступчивости: в ноябре 1916 г. во главе австро-венгерской монархии стал император Карл,[2] который с самых первых дней своего царствования считал необходимым, под влиянием тяжелого положения монархии, искать мира.

Теперь нам надо рассмотреть еще один довольно важный эпизод, касающийся происходивших в это же время, в начале 1917 г., сепаратных переговоров Австрии с Францией: их необ-

---

[1] Так, например, говоря здесь же о попытке к сепаратному миру Италии, переданной одним «частным лицом» через посредство «дружественной державы», Чернин замечает: «Дать верную оценку таких выступлений, разумеется, чрезвычайно трудно. Возможно, конечно, что какое-либо правительство пользуется услугами частного лица для того, чтобы пойти на первый шаг — да раз оно решается на такие переговоры, то оно обязательно так и сделает,—но не менее вероятно, что какое-нибудь лицо, не получившее на это никакого полномочия и без ведома своего правительства, предпринимает такой шаг самолично». («В дни мировой войны», стр. 155.) Об интересующей нас попытке Чернин говорит совсем в ином тоне, не допуская здесь, видимо, возможности какой-либо мистификации.

[2] Его предшественник, Франц-Иосиф, умер 21 ноября 1916 г. (н. ст.).

ходимо сопоставить с тем русским предложением, о котором говорит Чернин.

В то время как часть австрийских империалистов, действовавшая в полном контакте с германскими, предпринимала шаги к отколу России от «союзников» и к заключению с ней сепаратного мира, в другой части правящего класса Австрии вставал иной вопрос — об отколе от Германии и о заключении сепаратного, по отношению к ней, мира с «союзниками».

Некоторые попытки в этом отношении были сделаны сразу же по воцарении Карла, при чем главными действующими лицами в этом деле был некий принц Сикст Бурбон-Пармский, его брат, а также мать этих принцев, герцогиня Пармская (постоянно жившая в Шварцау, в Нижней Австрии). Император Карл был женат на сестре этих принцев, Зите,—это и обеспечило пути для начала сепаратных австро-французских переговоров. [1]

Свидание австрийского представителя с принцами, уполномоченными на это официально, состоялось 13 февраля (н. ст.) 1917 г. в Невшателе. О тех условиях мира, которые выдвигала французская сторона, император австрийский знал до этого от герцогини Пармской. В свою очередь, император Карл уполномочил своего делегата передать те основные пункты, которые он считал могущими лечь в основу мирных переговоров; в число этих пунктов входило, между прочим, заключение «секретного перемирия с Россией, ценою отказа Австро-Венгрии от всяких притязаний на Константинополь». [2]

Об этих переговорах было известно только самому тесному кругу лиц: во Франции — президенту Пуанкарэ, дипломатам Камбону и Мартэну; со стороны Австрии знали об этом император, императрица (сестра принца Сикста) и герцогиня Пармская (мать Сикста); графу Чернину (с 23 декабря 1916 г. австрийскому министру иностранных дел) было известно лишь что императору удалось открыть путь к завязке переговоров, однако вскоре Чернин был введен в курс дела.

После упомянутого свидания австрийский посланец (граф Ф.-Эрдели) отправился в Австрию для доклада императору, — и затем, 21 февраля, снова вернулся в Невшатель с письмом, продиктованным императором, а также с официальной нотой

---

[1] Сами эти принцы считались французскими гражданами.

[2] Как этот последний пункт, так и другие, представляли, в несколько измененной форме, как раз те условия, которые намечались Сикстом.

Чернина, от 20 февраля 1917 г., и с секретными к ней комментариями императора Карла.

В своей ноте Чернин, однако, подчеркивал тот принцип, что австро-германско-турецко-болгарский союз является безусловно нерасторжимым, и сепаратный мир с одним из членов этого союза невозможен. В остальной части ноты развивалась подробно официальная австрийская точка зрения, вносившая различные ограничения в намеченные императором Карлом принципы. [1]

Об этом австрийском ответе принц Сикст сообщил Пуанкарэ. Последний видел главную трудность для открытия таких переговоров со стороны Италии и опасался, что итальянское правительство, узнав об этих переговорах, разоблачит их. Вследствие этого Пуанкарэ предполагал добиться от австрийского правительства согласия по важнейшим пунктам и уже после собирался сообщить об этом Англии и России, и обсудить вопрос о возможности заключить сепаратное перемирие с Австро-Венгрией. [2]

Дальнейшее развитие этого дела для нас неинтересно, так как в России произошла революция.

Таким образом, мы можем видеть, что эти переговоры протекали как раз в то время, когда, — по указанию Чернина, — из России в Австрию поступило предложение о желании заключить мир: первое русское обращение Чернин относит к 26 февраля (н. ст.),—это было в те дни, когда уже состоялось в Швейцарии вторичное свидание принца Сикста с австрийским представителем.

Является вопрос: есть ли связь между двумя этими попытками, т.-е. переговорами, которые вел Сикст, и предложением, поступившим к Чернину 26 февраля. При решении этого вопроса надо обратить внимание на то обстоятельство, что сам Чернин, со слов которого мы узнали о русском обращении 26 февраля, раз-

---

[1] Надо заметить, что сам Чернин стоял на точке зрения невозможности откола Австрии от Германии, и, говоря в своих мемуарах о шагах к миру, он подчеркивает: «Поскольку наши попытки заключить мир исходили от министерства иностранных дел, все они имели в виду весь четверной союз» (Чернин, стр. 182). Однако, Карл и некоторые близкие к нему лица, допускали возможность откола от Германии.

[2] История всего этого эпизода изложена самим принцем Сикстом в книжке «L'offre de paix séparée de l'Autriche 4 décembre 1916—12 octobre 1917 (Paris, 1920). Мы пользуемся переложением этой книжки, сделанным М. А. Лихаревым в статье «Секретная дипломатия в эпоху мировой войны» в журнале «Анналы» 1923 г., № III, стр. 258 — 269.

граничивает, видимо, это обращение от тех переговоров, которые вел принц Сикст. Надо также заметить, что, как мы видели, эти переговоры держались французами втайне от русского правительства, хотя и предполагалось, как ему, так и английскому правительству, сообщить об этом позднее.

Эти данные могут указывать, что поступившее к Чернину предложение является независимым от тех переговоров, которые вел Сикст, тем более, что обе попытки преследовали разные цели: принц Сикст клонил дело к заключению «союзниками» сепаратного мира с Австрией, тогда как поступившее к Чернину 26 февраля предложение, несмотря на «несколько неясную формулировку запроса», давало основание думать, что здесь речь идет о предложении с русской стороны сепаратного мира, т.-е. желании России отколоться от «союзников». [1] Таким образом, на основании тех данных, которые мы имеем, вероятнее считать, что предложение 26 февраля стояло вне зависимости от австро-французских переговоров.[1]

Но это заключение далеко, конечно, не безусловно. Несмотря на то, что переговоры Сикста были строго секретны, не исключена возможность того, что кто-либо из этих лиц нарушил этот секрет; посредством тех австрийских аристократов, которые были в сношениях с русскими, это могло стать известным и в России, — и тогда из правящих русских кругов мог пойти запрос к Австрии, с целью позондировать почву, или просто предупредить свою союзницу Францию в тех переговорах, которые вели ее представители с австрийскими втайне от русской власти.

Но посмотрим теперь, обнаруживалось ли в это время во внутренней политике Романовых стремление к подготовке сепаратного мира.

---

[1] Отметим кстати, что посредниками при той попытке сепаратного мира, о которой сообщает Чернин, могли быть те самые лица, которые были в сношениях с Васильчиковой (в частности, Лихтенштейн). По крайней мере, Милюков в своей речи в Гос. Думе 1 ноября 1916 г. указывал на некую Нарышкину, которая была связана с Лихтенштейном и, появившись в то время в Петрограде, пыталась действовать в духе Васильчиковой («Стенограф. отчет Гос. Думы 1917 г.», от 1 ноября 1916 г.). Речь Милюкова переполнена разными сплетнями и неверными слухами, но отмеченное указание может найти подтверждение и в переписке Романовых, — только Милюков спутал упомянутую им «статс-даму» Нарышкину с некоей «Лили Нарышкиной», о которой, в связи с речью Милюкова, говорится в одном из писем А. Ф. Романовой («Семейная переписка Романовых», «Красный Архив», том IV, стр. 195).

То время, о котором мы говорим, было последним периодом мобилизации всех черных сил. Конечно, никакими реакционными ударами уже нельзя было придавить грядущей народной лавы. Но не так думали русские помещики и возглавлявший их Николай Романов.

8 февраля 1917 г. Николай поручил любимцу своему, бывшему министру внутренних дел Маклакову написать манифест о роспуске Государственной Думы; это распоряжение было сделано еще до созыва Думы, которая должна была собраться 14 февраля.

Маклаков—имя вполне определенное,—с этим именем и раньше соединялись слухи о записке, представленной Николаю «правыми» по вопросу о необходимости сепаратного мира с Германией .[1] И хотя не удалось доказать фактически, что такая записка была действительно представлена, тем не менее не подлежит все-таки сомнению, что логическим и необходимым завершением всей той политики, которую рекомендовали эти «правые» (и как один из «идеологов» их — Маклаков), был бы, в случае, если бы им удалось еще продержаться у власти, именно сепаратный мир.

В ответ на приказание Николая, Маклаков писал ему 9 февраля, что он обсудит внимательно проект предполагаемого манифеста совместно с Протопоповым и затем будет просить позволения лично представить этот манифест Николаю. Далее Маклаков говорил:

«Но я теперь же дерзаю высказать свое глубокое убеждение в том, что надо, не теряя ни минуты, крепко обдумать весь план дальнейших действий правительственной власти для того, чтобы встретить все временные осложнения, — на которые Дума и Союзы, несомненно, толкнут часть населения в связи с роспуском Государственной Думы,—подготовленным, уверенным в себе,

---

[1] Член Гос. Думы Савенко в своей речи в Думе 29 февраля 1916 г. указывал, что, по сведениям французской печати, в конце 1914 г., почти в самом начале войны, Маклаков, Щегловитов и бар. Таубе (исполнявший тогда обязанности министра народного просвещения) представили Николаю записку о необходимости мира с Германией («Стенографический отчет Госуд. Думы», 4-й созыв, сессия 4-я, стр. 2423). Названные лица опровергали тогда это сообщение (что, впрочем, еще не доказывает его несправедливости). Напомним, что об опасности войны с Германией еще раньше, в феврале 1914 г., предупреждал Николая Дурново (см. здесь, стр. 48—49). Надо заметить, что как Дурново, так Маклаков и Щегловитов были политическими единомышленниками — все они принадлежали к группе «правых» в Государственном Совете.

спокойным и неколеблющимся. Это должно быть делом всего совета министров, и министра внутренних дел нельзя оставить одного в единоборстве со всей той Россией, которая сбита с толку. Власть больше чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего». [1]

Последние слова дают определенный лозунг, — в них смысл всего. Гроза висит над помещиками, над монархией, над царем — надо победить внутреннего врага «чего бы то ни стоило». И хотя Маклаков не договаривает, до какой предельной стоимости можно дойти в расплате за победу над революцией, совершенно ясно, что сепаратный мир вполне входит в эту цену: ведь враг внутренний «стал и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего». Отсюда уже следует, что надо прежде всего подавить главного — внутреннего врага, а с второстепенным — внешним врагом можно и помириться. И тем более потому, что теперь, в сущности, это был уже не враг, а товарищ по несчастью, над которым также нависала гроза. Она, в конечном итоге, шла и тут и там от пролетариата, и эта общая опасность властно диктовала необходимость примирения — хотя бы временного — русской и германской монархий.

Указанное письмо Маклакова было написано 9 февраля (т.-е. 22 февраля н. ст.) 1918 г., а 26 февраля к Чернину поступило предложение о сепаратном мире. Эта хронологическая связь дает возможность предположить, что именно здесь, в кругу Маклакова, Протопопова и вообще всей той группы, к которой они принадлежали, можно искать возникновения мысли о решительных шагах к сепаратному миру.

Планы этого трепетавшего перед революцией черного стана развернулись тогда широко. Помещики мобилизовались и вырабатывали программы действий: ведь они должны были теперь спасать себя, спасать монархическую Россию.

В тесном контакте с этими «правыми», как и ранее, «работали» представители некоторых банковских групп. [2]

В этом кругу «правых» была выработана тогда целая программа действий, и лозунг Маклакова — «победа над внутренним врагом, чего бы то ни стоило» — был только ее отзвуком. Эта

---

[1] Полный текст в сборнике «Монархия перед крушением».

[2] Об этом см. в очерке «Банки и Распутин», в конце главы 3-ей.

программа, на которую намекает и сам Маклаков, была изложена в особой, представленной Николаю, записке, составленной во влиятельнейшем кружке «союзника», сенатора Римского-Корсакова. Эта группа, для «подавления мятежа», предлагала осуществить «в нужный момент» следующие [1] мероприятия.

На все высшие государственные посты и на высшие командные тыловые должности назначить лиц, не только издавна известных своей преданностью «единой царской самодержавной власти», но и способных стать «решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом и анархией». «В сем отношении, — говорилось в записке, — они должны быть единомышленны и твердо уверены в том, что никакая иная примирительная политика невозможна; они должны, кроме того, клятвенно засвидетельствовать перед лицом монарха свою готовность пасть в предстоящей борьбе, заранее на сей случай указать своих заместителей, а от монарха получить всю полноту власти».

Государственная Дума должна быть немедленно распущена, без указания срока нового ее созыва, но «с определенным напоминанием о предстоящем коренном изменении некоторых статей (86, 87, 111 и 117) основных законов и положений о выборах в Государственный Совет и Думу».

В обеих столицах, а также в больших городах, «должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то и осадное), со всеми его последствиями, до полевых судов включительно».

Тотчас же должны быть закрыты «все органы левой и революционной печати».

Все заводы, мастерские и предприятия, работающие на оборону, должны быть милитаризованы, с перечислением всех рабочих, пользующихся отсрочкой, в разряд призванных и с подчинением их всем законам военного времени.

Государственный Совет, впредь до общего пересмотра основных законов и окончания войны, остается, но все выходящие

---

[1] К этому кружку, между прочим, принадлежали и Штюрмер и Маклаков. Но автором записки был не он, а один из участников кружка — некто Говорухо-Отрок; однако, по словам Маклакова, в записке «авторского ничего нет» (см. показания Маклакова в Следств. комиссии, допрос № 3) — и это верно, так как здесь выражаются общие требования реакционных помещичьих кругов. Записка была напечатана в книге А. А. Блока «Последние дни императорской власти». (П., 1921 г., стр. 122—125.) Но в этой книге не вполне точно разъяснено происхождение этой записки.

из него законопроекты «представляются на высочайшее благоусмотрение с мнением большинства и меньшинства». Самый состав Государственного Совета должен быть реорганизован таким образом, чтобы в числе назначенных в него лиц «не было ни одного из участников так называемого прогрессивного блока».

Вот, в главных чертах, план, который намечался в руководящем кругу. Это — программа целого государственного переворота и окончательного упразднения законодательных функций Думы. [1]

При решимости правящего класса на такого рода борьбу с восставшими народными массами сепаратный мир являлся бы необходимым следствием, вытекавшим уже из попыток осуществления этой программы.

Но правительство почему-то замедлило с осуществлением такой программы (т.-е. с напрасными к этому попытками), и грянувшая революция смела все эти планы.

К этому нужно, однако, прибавить, что у указанной выше группы, руководившей Романовыми после смерти Распутина, была, вне всякого сомнения, полная возможность сделать неофициальное предложение о мире непосредственно германцам; [2] но, если обращение, о котором говорит Чернин, было направлено в Австрию, то это может вполне объясняться теми мотивами которые мы выше наметили.

После Февральской революции, западно-европейские друзья Николая II, оплакивая всячески его низвержение, старались вместе с тем подчеркнуть, что он до конца был верен союзу. Так, вскоре после революции, председатель французского кабинета министров Рибо писал в одной из статей про Николая: «Он был и останется верным другом Франции. Он хотел франко-рус-

---

[1] Заметим, кстати, что в то же время обсуждались вопросы о том как бороться с «беспорядками», неизбежными при демобилизации. Эту задачу предполагалось возложить на казаков. 1 февраля 1917 г. казачий атаман генерал-лейтенант граф Граббе представил Николаю II (очевидно, по его приказанию) доклад, в котором, основываясь на том, что «демобилизация огромной армии не может не сопровождаться серьезными нарушениями порядка», намечал ряд мероприятий для борьбы с этим—«иначе отдельные вспышки могут, распространяясь, принять характер восстания».

[2] В частности, Протопопов, уже будучи министром, не прерывал таинственных сношений, шифрованными телеграмами, со Стокгольмом; эти телеграммы были у Протопопова отобраны после революции (см. 2-е показание Милюкова в Следств. комиссии).

ского союза и исполнил волю своего отца с безусловной верностью». [1] Точно так же, когда в Европе распространились слухи о том, что Николай II желал заключить сепаратный мир. то английский посол Бьюкенен счел нужным выступить с опровержением, утверждая, что Николай «никогда не был изменником», а французское правительство подкрепило это заявление опубликованием письма Николая к Пуанкарэ, в котором царь свидетельствовал свои чувства дружбы к Франции. [2] Мы не имеем намерения опровергать тот факт, что Николай Романов старался быть преданным другом англо-французской буржуазии, и готовы даже признать, что от него не исходило инициативы в вопросе о примирении с Германией. Но, если уже говорить об отдельных лицах, то личность Николая II была совершенно подавлена влиянием Распутина и А. Ф. Романовой. Что же касается этих последних, и вообще всей возглавлявшейся ими группы, в руках которой фактически находилась государственная власть накануне падения монархии, то эта группа, как это можно было видеть даже из приведенных уже фактов и соображений,—явно стремилась к сепаратному миру. Однако, заключительные об этом выводы мы предпочитаем представить в самом конце книги, после того, как яснее обнаружится самый состав руководящей группы, а, кроме того, будут определены и различные скрытые ходы распутинско-романовской политики,

Пока мы лишь отметим, что если предпринимавшиеся австро-германцами попытки к сепаратному миру не вызывали решительных ответных шагов со стороны Романовых (кроме того предложения, о котором говорит Чернин, где, повидимому, даже самая инициатива исходила из России), то это, как мы видели, в некоторой степени объясняется тем, что Романовы боялись «думской революции», которая, по их теоретическому представлению, могла бы произойти от заключения сепаратного мира.

Но, по мере затягивания войны и под влиянием ультрареакционной политики, разрасталось недовольство широких народных масс, возмущение и отчаяние которых впервые проникло в стены дворца в голосе безвестного солдата: «все жаждут мира»— сказал этот солдат А. Ф. Романовой еще в сентябре 1915 г. [3]

---

[1] Цитируем по «Новой Жизни», от 29 апреля 1917 г., статья «Николай II и Рибо».

[2] «Воспоминания» А. П. Извольского. 1924 г., стр. 184.

[3] «Переписка», т. III, стр. 307, письмо от 5 сентября 1915 г.

И теперь глазам Романовых стала уже рисоваться не та «думская» революция, которая, по представлению Романовых, могла произойти от заключения сепаратного мира, т.-е. от окончания войны; теперь стал выявляться призрак революции народных масс, одной из причин которой была затяжка войны.

Итак мы видим, что правящая группа была между двух огней: с одной стороны, было стремление заключить сепаратный мир, тем более, что война усиливала возможность революций; с другой — этого мира заключать было нельзя, так как революция казалась возможной и от заключения сепаратного мира.

Таким образом, правящим группам России и Германии примириться не удалось, хотя взаимные ожидания этого мира продолжались вплоть до тех пор, пока русская революция не изменила всю международную ситуацию.

ПОВОРОТНЫЙ ЭТАП ЦАРСКОЙ ПОЛИТИКИ.

1.

В течение первого года мировой войны царское правительство, стремясь найти себе опору у всех империалистских элементов, старалось поддерживать некоторый контакт даже и с так называемой либеральной буржуазией. В свою очередь и эта буржуазия, припрятывая до конца войны свой, впрочем весьма скромный, либерализм, решительно поддерживала романовское правительство в твердой надежде, что ему удастся довести войну «до победного конца».

Однако, понесенные летом 1915 г. русской армией поражения заставили широкие слои империалистской буржуазии усомниться в том, что, при данной системе власти, удастся закончить войну так, как этого требовали интересы русского империализма. Буржуазия, в связи с этим, мобилизовала все свои силы для успешного продолжения войны и стала настойчиво предлагать приблизить себя к правительству путем организации «министерства общественного доверия». Но Романовы к этой «общественности» никакого доверия не питали: власть не пошла на предложенную сделку и, взяв решительный реакционный курс, стала на путь энергичной борьбы с той самой либерально-империалистской буржуазией, которая так старалась об успехах войны.

Начало этого нового курса связано с моментом увольнения от должности верховного главнокомандующего в. к. Николая Николаевича (23 августа) и с разгоном Государственной Думы (3 сентября). Оба эти шага, стоящие во взаимной связи, были произведены под непосредственным давлением Распутина, — и именно к этому времени относится тот «поворотный этап», когда Распутин и стоящие за ним «силы» фактически встали во главе государства Российского.

Само собой понятно, что вступавший в новую роль Николай II никакого «верховного командования» производить не мог: последний царь был здесь лишь декоративной куклой, и всё руководство военными операциями должно было принадлежать начальнику его штаба ген. Алексееву. Несомненно, что и в. к. Николай едва ли имел какой-либо удельный вес в качестве стратега; занял он эту должность только потому, что был великим князем, и если именно ему, а не какому-либо другому из царских родственников пришлось занять это место, то только потому, что в. к. Николай обладал теми внешними данными (высокий рост, громкий голос), которые, повидимому, считались, помимо великокняжеского положения, самыми существенными условиями для успешного «верховного» руководства русской армией.

Но соображения военного характера вообще играли в данном вопросе совершенно второстепенную роль. Эта смена была прежде всего шагом политическим, — и именно с этой точки зрения более всего расценивался этот шаг и в свое время.

Сменив своего дядю, Николай писал жене:

«Начинается новая чистая страница, и что на ней будет написано — один бог всемогущий ведает».[1]

«Бог всемогущий» ничего не написал на этой странице (тем более, что, хотя она была пустой, однако не была чистой); но русский народ в конце страницы написал: революция, — и захлопнул навсегда мрачную книгу монархии. Это было бы сделано, конечно, народными массами и вне всякой зависимости от этой смены. Но есть возможность предполагать, что если бы в. к. Николай в свое время не был убран на Кавказ, то самый ход умирания монархии мог бы быть несколько иным: не исключена была возможность еще той промежуточной стадии, при которой на короткое время воссел бы на «престол» этот «любимый вождь» империалистской буржуазии.

Вопрос о смене верховного командования имеет длинную историю. Подкладка этой перемены в свое время не была вполне ясна даже самым близким к романовской семье лицам. Только опубликованная теперь переписка Романовых вскрывает документально как причины этой перемены, так и те закулисные ходы, при помощи которых она была осуществлена.

Из этой переписки видно, что увольнение в. к. Николая было результатом длительной кампании, которую в письмах к царю

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 267, письмо от 25 августа.

(и, конечно, в личных с ним беседах) вела Александра Федоровна совместно с Распутиным.

Пользуясь этими письмами Романовых и пополняя их некоторыми другими новыми данными, мы изложим, в общих чертах, всю эту подпольную кампанию, так как уяснение ее дает возможность не только полнее осветить роль отдельных действующих лиц, но наметить и политический смысл происходившей тогда борьбы.

Первые подозрения Распутина против в. к. Николая видны еще в письме А. Ф. к мужу от 20 сентября 1914 г.

«Он, — пишет А. Ф. про Распутина, — постоянно опасается, что Bonheur, [1] т.-е. собственно галки, [2] хотят, чтобы он добился трона в П., [3] либо в Галиции, что это их цель, но я сказала, чтобы она [4] успокоила его — совершенно немыслимо, чтобы ты когда-либо рискнул сделать подобное. Гр. [5] ревниво любит тебя, и для него невыносимо, чтобы Н. играл какую-либо роль». [6]

Итак, на этот раз А. Ф. сама разрушила подозрения Распутина, и затем в течение четырех месяцев никаких выпадов против в. к. Николая мы в переписке Романовых не встречаем. Но с конца января А. Ф., под руководством Распутина, начинает вести против Николая Николаевича энергичную кампанию.

Сначала выпады А. Ф. носят осторожный, сдержанный характер; затем тон их становится решительным, почти требовательным. Интересно проследить нарастание этой кампании.

Начало ее проявляется в неясной, правда, форме уже в письме от 22 января, где А. Ф. указывает Николаю, что он, согласно просьбе Распутина, «не должен н и р а з у упоминать о главнокомандующем» в своем манифесте. [7]

Однако сам Николай в это время отзывается о своем дяде довольно сочувственно; так 26 января, после какой-то беседы с последним, Николай пишет:

«Мы вплотную поговорили о некоторых серьезных вопросах и, к моему удовольствию, пришли к полному согласию по тем,

---

[1] Николай Николаевич.

[2] Жена в. к. Николая Анастасия и ее сестра, Милица («черные женщины»).

[3] Польша.

[4] Вырубова.

[5] Распутин.

[6] «Переписка», т. III, стр. 8.

[7] Там же, стр. 94.

которые затронули. Должен сказать, что когда он один и находится в хорошем расположении духа, то он здоров — я хочу сказать, что он судит правильно. Все замечают, что с ним произошла большая перемена с начала войны...».[1]

Но А. Ф. выясняет мужу неосновательность такого благодушного взгляда.

«Я так рада, что ты обстоятельно побеседовал с Н.[2] — Фредерикс прямо в отчаянии (и справедливо) от многих его неразумных приказов, только ухудшающих дело, и по поводу еще многого, о чем сейчас лучше не говорить; он находится под влиянием других и старается взять на себя твою роль, что он не в праве делать — за исключением разве вопросов, касающихся войны. Этому следовало бы положить конец. Никто не имеет права перед богом и людьми узурпировать твои права, как он это делает, — он может заварить кашу, а позже тебе не мало труда будет стоить ее расхлебать. Меня это ужасно оскорбляет. Никто не имеет права так злоупотреблять своими необычайными полномочиями».[3]

В другом письме это выясняется конкретнее:

«Хотя Н., — пишет А. Ф., — поставлен очень высоко, ты выше его. Нашего Друга[4] так же, как и меня, возмутило то, что Н. пишет свои телеграммы, ответы губернаторам и т. д. т в о и м стилем — он должен бы писать более просто и скромно».[5]

Затем ряд указаний дает А. Ф. относительно того, чтобы Николай Николаевич не сопровождал ее мужа в только-что взятые Львов и Перемышль:

«Прости мне, что я это говорю, но Н. не должен тебя туда сопровождать — ты должен быть главным лицом в этой первой поездке. Ты, без сомнения, сочтешь меня старой дурой, но если другие об этом не думают, то приходится мне».[6]

Затем она предупреждает мужа, ссылаясь уже на Распутина:

«Он не советует брать с собою Н. — находит, что всюду тебе нужно быть одному, и с этим я вполне согласна».[7]

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 103.
[2] Николай Николаевич.
[3] «Переписка», т. III, стр. 110, письмо от 29 января.
[4] Распутин.
[5] «Переписка», т. III, стр. 143, письмо от 4 апреля.
[6] Там же, стр. 149, письмо от 6 апреля.
[7] Там же, стр. 152, письмо от 7 апреля.

Николай, однако, осмелился этот раз не исполнить этих советов; в ответ на укоры Николай оправдывается: «он (в. к. Николай) сопровождает меня, а не я нахожусь в его свите». [1]

А. Ф. наружно смиряется с этим, но считает долгом упомянуть, что Распутин очень беспокоится об этой поездке: он, оказывается, «все эти ночи горячо молился — почти не спал, так беспокоился за тебя» (Николая). Она объясняет и причину беспокойства: «ведь, какой-нибудь паршивый еврей мог бы причинить несчастье». [2]

Но для А. Ф. представляется опасным не только эта поездка и вообще самое пребывание Николая в ставке:

«Наш Друг, — пишет она, — боится твоего пребывания в ставке, так как там тебе навязывают свои объяснения, и ты невольно уступаешь, хотя бы твое собственное чувство подсказывало тебе правду, для них неприемлемую. Помни, что ты долго царствовал и имеешь гораздо больше опыта, чем они.... Нет, слушайся нашего Друга, ведь ему, его сердцу, дороги интересы России и твои». [3]

Надо заметить кстати, что как раз в это время А. Ф. настойчиво добивалась, чтобы не призывали 2-го разряда ратников. Оказывается, этот призыв, по мнению Распутина, грозил чуть ли не гибелью России. Причина такой тревоги объяснялась, однако, очень просто: призыву подлежал сын Распутина, и вот, именно вследствие этого, в конце концов, общий призыв ратников был отменен. Но, ради этой тревоги Распутина за своего сына, А. Ф. проявила во многих письмах всю силу аргументации:

«Меня преследует, — пишет, например, она 11 июня, — желание нашего Друга, и я знаю, что неисполнение его может стать роковым для нас и для страны. Он знает, что говорит, когда говорит так серьезно. Он был против твоей поездки в Л(ьвов) и П(еремышль), и теперь мы видим, что она была преждевременна. Он был сильно против войны, был против созыва Думы и против печатания речей». [4]

Эта цитата до известной степени открывает и политическую программу Распутина (поскольку о таковой вообще может быть речь) — это ненужность Думы, необходимость подавления гласности (даже в той жалкой форме, в которой она существовала)

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 154, письмо от 7 апреля.
[2] Там же, стр. 167, письмо от 13 апреля.
[3] Там же, стр. 199, письмо от 10 июня.
[4] Там же, стр. 201.

и, наконец, «он был против войны». Не следует ли теперь исправить ту ошибку, которую допустили, начав войну?

Возбуждение А. Ф. против в. к. Николая в дальнейших письмах проявляется все более и более. 12 июня она пишет мужу:

«Как бы я хотела, чтобы Н. был другим человеком и не противился божьему человеку. Это всегда приносит несчастье в их работе».[1]

Но за Николаем Николаевичем, помимо того, что он противится «божьему человеку», есть, оказывается, еще тяжкие преступления в прошлом:

«Мы, — говорит однажды А. Ф., — еще не подготовлены для конституционного правительства. Н. и Витте виноваты в том, что Дума существует, а тебе она принесла больше забот, чем радостей».

И, в связи с этим, А. Ф. замечает:

«Ох, не нравится мне присутствие Н. на этих больших заседаниях по внутренним вопросам. Он мало понимает нашу страну и импонирует министрам своим громким голосом и жестикуляцией. Меня его фальшивое положение временами бесит... Он не имеет права вмешиваться в чужие дела, надо этому положить конец и дать ему только военные дела, как Френч и Жоффр. Никто теперь не знает, кто император,—ты должен мчаться в ставку и вызывать туда министров, как-будто ты не мог их видеть здесь, как прошлую среду. Кажется со стороны, будто Н. все решает, производит перемены; выбирает людей — это приводит меня в отчаяние».[2]

В одном из следующих писем А. Ф. настаивает, чтобы Николай поехал повидать войска, но обязательно один, без Н. Н. Все доводы пущены в силу, чтобы убедить Николая:

«Поезжай к войскам, не говоря Н. ни слова.... Пускай, наконец, увидят, что ты действуешь, руководясь собственным желанием и умом, который стоит их всех взятых вместе».

Задавая Николаю эту мудреную задачу — показать, что он действует «своим умом», — А. Ф., не рассчитывая вполне на силу этого довода, старается вместе с тем терроризировать своего супруга:

«Но, если ты, — пишет она, — скажешь об этом Н., шпионы в ставке (кто?) сразу дадут знать германцам, которые приведут

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 203.

[2] Там же, стр. 224 — 225, письмо от 17 июня.

в действие свои аэропланы. Три простых автомобиля не будут особенно заметны, но телеграфируй мне, чтобы я могла знать о твоем решении и известить нашего Друга, чтобы он тогда помолился за тебя».[1]

Итак, в то время, когда в ставке искали предательства в кругу Распутина — Александры Федоровны, последняя, пользуясь тем же оружием, сражалась со ставкой, так и называя ее «предательская ставка».

Иногда А. Ф. пытается воздействовать и нежностью:

«Ах, мой Ники, дела идут не так, как следовало бы! Поэтому Н. и удерживает тебя там, чтобы влиять на тебя своими мыслями и дурными советами. — Неужели ты мне еще не хочешь поверить, мой мальчик?». Во что нужно было «поверить» — объясняется дальше:

«Разве ты не можешь понять, что человек, который стал просто предателем божьего человека, не может быть благословен и дела его не могут быть хорошими.[2] — Впрочем, что ж, если надо, чтобы он оставался во главе войск—ничего не поделаешь. Все неудачи падут на его голову, но во внутренних ошибках будут обвинять тебя, потому что никто внутри страны и не думает, что он царствует вместе с тобой».

Боясь влияния на своего мужа со стороны Николая Николаевича, А. Ф. указывает в этом же письме, что последний, в свою очередь, опасается ее воздействия на царя, «направляемого Григорием».[3]

Это последнее письмо А. Ф. относится к 25 июня 1915 г.; через три дня, 28 июня, Николай вернулся из ставки в Царское, где и пробыл долгое время.

Нельзя отказать А. Ф. в том, что, вдохновляемая Распутиным, кампания ее против Н. Н. была проведена блестяще. Все приемы, все способы были пущены в ход, чтобы воздействовать на недалекого и легко подвергавшегося влияниям Николая: и убеждения, и угрозы, и нежность, и ложь, а главное — весь великий авторитет Григория Распутина.

Для уяснения хода событий этого времени надо заметить, что в первой половине июня Николаем было принято несколько решений, которые можно было рассматривать, как некоторую

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 243, письмо от 24 июня.
[2] Говорится про Николая Николаевича.
[3] «Переписка» т. III, стр. 245.

вынужденную уступку «общественному мнению», сделанную в виду предстоявшего созыва Государственной Думы.

Так, 6 июня был уволен от должности министра внутренних дел Маклаков, замененный князем Щербатовым; 12 июня Николай уведомлял свою жену, что вместо Сухомлинова он, по рекомендации Н. Н., намерен назначить военным министром Поливанова; через три дня, 15 июня, Николай сообщал А. Ф., что он решил вместо Саблера назначить обер-прокурором синода «чистого, благочестивого и благонамеренного человека» — Самарина.[1]

Кроме того, тогда же созрело решение созвать Государственную Думу — на 19 июля.

Все эти мероприятия были приняты Николаем помимо А. Ф., и объяснялись влиянием «ставки», которого она так боялась. Но, испытывая это влияние, Николай находил, что все эти меры необходимы: «С такими людьми (как Самарин), — писал Николай, — в правительстве можно работать, и все они будут держаться сплоченно. Это совершенно несомненно».[2]

Эти самовольные действия Николая вызвали со стороны А. Ф. поток укоров и упреков. Целое письмо посвящает она отговорам от назначения Самарина (но Николай уже предложил ему место); она ссылается на то, как волнуется Распутин от слухов об уходе Саблера и назначении Самарина, — сама же она — «прямо в отчаянии».

«Я имею основательные причины его (Самарина) не любить, — долбит А. Ф., — так как он всегда говорил и теперь продолжает говорить против нашего Друга, — и все пойдет плохо.... Он будет работать против нас, раз он против нашего Друга...».[3]

Все эти мотивы повторялись потом с утомительной настойчивостью. Вместе с тем А. Ф., подкрепляя себя мнением Распутина, требовала, чтобы Николай не созывал Думы. Так, 17 июня 1915 г. А. Ф. писала Николаю:

«Теперь, в августе, собирается Дума, а наш Друг тебя несколько раз просил сделать это как можно позднее... Не забудь, что ты е с т ь и д о л ж е н оставаться самодержавным императором!».[4]

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 205 и 214.
[2] Там же, стр. 215, письмо от 15 июня.
[3] Там же, стр. 217, письмо от 15 июня.
[4] «Переписка», т. III, стр. 224.

Тот же мотив повторяется и далее,—например, в письме от 25 июня:

«Дорогой мой, — пишет А. Ф. — я слыхала, что этот мерзкий Родзянко с другими ходил к Горемыкину просить, чтобы немедленно созвали Думу. О, прошу тебя, не позволяй! Это *не их* дело! Они хотят обсуждать дела, которые их не касаются, и вызвать еще больше недовольства. Надо их отстранить... Россия, слава богу, не конституционная страна, хотя эти твари пытаются играть роль и вмешиваться в дела, которых не смеют касаться! Не позволяй им наседать на тебя. Это ужасно, — если им сделать уступку, то они подымут голову».[1]

Таким образом, ближайшая программа А. Ф. — Распутина выявилась к этому времени вполне ясно: они *против* созыва Думы, *против* тех министров, которые могли бы работать совместно с Думой, и *против* дальнейшего пребывания Николая Николаевича в должности главнокомандующего.

Вместе с тем выдвигалась программа «ставки», под влияние которой во время своего там пребывания, как мы видели, подпадал Николай.

В ставке, где господствовало антираспутинское настроение, относились более терпимо к работе с наиболее умеренной частью Думы и находили желательным некоторое подновление «кабинета министров» путем включения сюда таких людей, которые, во всяком случае, не были бы слишком враждебны дворянской и буржуазной «общественности». Несмотря на все свое отвращение к Думе, Николай, под влиянием ставки, иногда пытался, как мы отметили, делать некоторые шаги в рекомендуемом ему направлении.

Когда Николай явился в Царское к своей супруге, то она, в дополнение к письмам, применила всю силу своего личного, непосредственного влияния, чтобы заставить Николая исполнить все ее настояния, и главное из них — уволить Николая Николаевича. Уже 10 августа Николай уведомлял об этом следующей телеграммой графа Воронцова-Дашкова:

«Генерал-адъютанту гр. Воронцову-Дашкову.

Шифром.

Боржом.

Послал вам Дмитрия Шереметева с письмом. Считаю нужным предупредить вас, что я решил взять руководство действиями

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 244.

ваших армий на себя. Поэтому в. к. Николай Николаевич будет освобожден от командования армиями, с назначением на ваше место. Уверен, что вы поймете серьезность причин, которые заставляют меня прибегнуть к столь важной перемене.

Николай». [1]

В те же дни Распутиным и А. Ф. были достигнуты и другие их цели: помимо отставки Николая Николаевича, тогда же, несомненно, был предрешен роспуск Думы (она была распущена 3 сентября); вместе с тем в это же время было намечено, несколько потом задержавшееся, увольнение особенно неприятных императрице министров — Самарина и Щербатова.

Именно этим объясняется торжествующий тон первого письма А. Ф. к Николаю после его отъезда в ставку (от 22 августа 1915 г.). Победа А. Ф. и Распутина была полная и решительная, и именно потому Николай, которого раньше А. Ф. наставляла, как маленького мальчика, теперь вдруг стал в ее глазах «настоящим самодержцем».

Вот что писала теперь А. Ф. мужу:

«Так тяжело отпускать тебя совершенно одного, но бог о ч е н ь близок к тебе, больше чем когда-либо!—Ты вынес один, с решимостью и стойкостью, тяжкую борьбу ради родины и престола. — Никогда не видали они раньше в тебе такой решимости, и это не может остаться бесплодным.

«Не беспокойся о том, что остается позади. Необходимо быть строгим и прекратить сразу все. — Дружок, я здесь, не смейся над своей глупой, старой женушкой, но на мне надеты невидимые «брюки», и я смогу заставить старика [2] быть энергичным. Говори мне, что́ делать, пользуйся мной, если я могу быть полезной. В такие времена господь мне подает силу, потому что наши души борются за правое дело против зла. — Это все гораздо глубже, чем кажется на-глаз. Мы, которым дано видеть все с другой стороны, видим, в чем состоит и что означает эта борьба. — Ты, наконец, показываешь себя государем, настоящим с а м о д е р ж ц е м, без которого Россия не может существовать! Если бы ты пошел на уступки в этих разнообразных вопросах, они бы еще больше вытянули из тебя. — Единственное спасение в твоей твердости. — Я з н а ю, чего тебе это стоит, и ужасно за тебя страдаю. Прости меня, — умоляю мой ангел, —

---

[1] С оригинала, писаного Николаем.

[2] Горемыкина.

что не оставляла тебя в покое и приставала к тебе так мно
Но я слишком хорошо знала твой исключительно мягкий харак
и тебе пришлось преодолеть его на этот раз и победить, одно
против всех. — Это будет славная страница твоего царствова
и истории России — вся история этих недель и дней. Б
который справедлив и около тебя, спасет твою страну и прес
через твою твердость. Редко кто выдерживал более тяжк
борьбу, чем твоя, — она будет увенчана успехом, только ве
этому. Твоя вера была испытана, и ты остался твердым, к
скала, за это ты будешь благословен. Бог помазал тебя на ко
нации, поставил тебя на твое место и ты исполнил сво
долг. Будь в этом твердо уверен: он не забывает свое
помазанника. Молитвы нашего Друга денно и нощно возносят
за тебя к небесам, и господь их услышит.

«Те, которые боятся и не могут понять твоих поступко
убедятся позднее в твоей мудрости. Это начало славы твое
царствования. Он [1] это сказал, и я глубоко этому верю. Т
солнце восходит, и сегодня оно так ярко светит». [2]

Вот каким великим человеком стал жалкий Николай, ког
исполнил все требования своей жены и Распутина.

Итак, начиналась «новая страница»... Но перевертыва
этой страницы происходило при самом упорном противодейств
почти всех самых близких Николаю людей, даже некоторы
членов его семьи. Это мы также вкратце отметим, и, главны
образом, потому, что на вопросы политики господа Романов
смотрели, прежде всего, с точки зрения своих семейны
интересов, — и голос членов семьи, противодействовавших требо
ваниям А. Ф. и Распутина, был одним из проявлений этой «тя
кой борьбы», о которой говорит А. Ф. в цитированном письм

Во главе родственной оппозиции, ведшей эту «борьбу», ока
залась сама мать Николая — Мария Федоровна. В то время ка
жена, А. Ф., совместно с Распутиным, находила, что если не уволи
Н. Н., то последний может сбросить своего племянника с престо
мать царя придерживалась совершенно обратного мнения:

«Она считает,— записывал в. к. Андрей Владимирович в свое
дневнике, — что его (Николая Николаевича) удаление поведе
к неминуемой гибели Н. (Николая II), так как этого ему н
простят».

---

[1] Распутин.

[2] «Переписка», т. III, стр. 252.

Но на убеждение матери — «подумать обо всем хорошенько и не вести Россию на гибель» — сын ответил, что «все его обманывают, и что ему нужно спасти Россию — это его долг, призвание».

Мать пыталась указывать сыну, что он «мало подготовлен к этой трудной роли, что дела государственные требуют его присутствия в Петрограде». Но сын остался неумолим.

Тогда же, в связи с тем, что Николай II удалил от себя двух особенно преданных ему людей — генералов Орлова и Джунковского, Мария Федоровна находила, что ее сын остается теперь «совершенно один с этим ужасным Кувакой» (Воейковым); при этом мать Николая высказывала, что все происходящее напоминает ей времена Павла I, который начал в последний год удалять от себя всех преданных людей, — «и печальный конец нашего прадеда (так записывает в. к. Андрей) ей (Марии Федоровне) мерещится во всем своем ужасе».[1]

В таком же настроении, как М. Ф., находились и некоторые другие лица из ближайшего к царю родственного круга.

Но не только в этом придворном кругу, а и среди тогдашней дворянской и буржуазной «общественности» известие о предположенной перемене произвело огромную тревогу. Начались различные обращения к царю, направленные к тому, чтобы предотвратить его от этого, уже принятого им, решения.

Волнение, вызванное этим решением в думском кругу, выразилось в докладе председателя Думы Родзянко, который умолял Николая не принимать на себя верховного командования. Это было 11 августа. Но, конечно, эти мольбы не могли иметь никакого действия, раз решение уже было принято под влиянием таких сил, как А. Ф. и Распутин. Тем не менее, Родзянко продолжал настаивать и на следующий день написал Николаю особый доклад, в котором, несмотря на свое камергерское звание и верноподданническое усердие, высказывался довольно резко. Этого доклада Николай, — по словам Родзянко, — не мог ему простить «до последних дней».[2] Председатель Государственной Думы считал этот момент «исходным пунктом нашей гибели»; под именем «нашей гибели» Родзянко, очевидно, разумел революцию, которая, в конечном итоге, действительно, погубила не

---

[1] «Дневник в. великого князя Андрея Владимировича». Ленгиз. 1925 г. стр. 76 — 78.

[2] Показания Родзянко в Следственной комиссии.

только дворянство, — представителем которого Родзянко являлся, — но и буржуазию. И сознание этой грядущей опасности (хотя, в сущности, очень мало связанной с вопросом о смене командования) придало обращению Родзянки к Николаю II особый пафос.

Вот что писал Родзянко Николаю.

Доклад председателя Государственной Думы Родзянко Николаю II.

«Его императорскому величеству
всеподданнейший доклад
Председателя Государственной Думы.

«Ваше императорское величество!

«В дополнение к моему устному докладу, который я имел счастие повергнуть перед вами одиннадцатого августа, приемлю смелость вновь умолять ваше величество не подвергать вашу священную особу тем опасностям, в которые она может быть поставлена последствиями принятого вами решения.

«Государь! Вы являетесь символом и знаменем, вокруг которого объединяются все народы России. Это знамя не может и не должно быть помято грозою и бурею налетевших невзгод. Оно должно лучезарно спять, как светоч всех народных стремлений, и быть несокрушимым оплотом всех сынов России и надеждою на успокоение их взволнованных событиями умов.

«Государь! Мы не имеете права перед страною допустить малейшую возможность, чтобы на это священное знамя могла пасть какая-либо тень.

«В этот страшный час еще небывалой в истории России опасности, когда возникает вопрос о возможности тяжелого тевтонского ига над русской землей, вы, государь, должны вне и выше быть органов власти, на обязанности которых лежит непосредственное отражение врага.

«Вы не можете быть действующим лицом, вы должны быть судьею, милостивым поощрителем или неумолимым карателем.

«Если же вы, государь, примете на себя непосредственное водительство нашею славною армиею — вы, государь, последнее прибежище вашего народа, — кто же осуществит тогда суд в случае неудачи или поражения? Неужели, государь, не ясно, что вы добровольно отдадите вашу неприкосновенную особу на суд народа, — а это есть гибель России.

«Подумайте, государь, на что заносите вы руку? — на себя, государь!

«Родина наша переживает тяжелый перелом. Всеобщее недоверие окружает стоящее ныне у власти правительство, утратившее спокойствие и волю; его беспорядочными мероприятиями расшатано всякое понятие о власти, а между тем теперь, как никогда, в стране выросло сознание в необходимости твердой, несокрушимой веры в себя и в народные силы власти. Мысль и волнение всех русских людей дошли до небывалого напряжения в тревоге за судьбы России.

«Народ тоскует и нетерпеливо ждет той власти, которая способна будет внести успокоение и вывести родину на стезю победы. И в такое время, ваше величество, вы решаетесь сместить верховного главнокомандующего, в которого безгранично еще верит русский народ. Народ не иначе объяснит ваш шаг, как внушенный вам окружающими вас немцами, которые в понятии народном связываются с нашими врагами и изменою русскому делу.

«В понятии народном последствием решения вашего величества явится сознание безнадежности положения и наступившего хаоса в управлении.

«Государь! Еще страшнее будет то положение, когда армия, лишенная пользующегося ее полным доверием вождя, упадет духом.

«В этом случае поражение неминуемо, а внутри страны неизбежно вспыхнет тогда революция и анархия, которые сметут все, что стоит на их пути.

«Ваше величество! Пока еще не поздно, отмените ваше решение, как бы тяжело вам это ни было.

«Сохраните во главе армии великого князя Николая Николаевича.

«Успокойте встревоженные и уже волнующиеся умы образованием правительства из лиц, пользующихся доверием вашим и известных стране своей общественною деятельностью.

«Государь, еще не поздно!

«Колепопреклонно молю вас горячо не медлить решением, сохраняя от грядущей беды священную для нас особу русского царя и царствующую династию.

«Государь! Внемлите этому правдивому душевному голосу верноподданного вашего слуги.

Председатель Государственной Думы *Михаил Родзянко*».

«Петроград
«12 Августа 1915 г.».[1]

---

[1] С подлинника.

Одновременно с Родзянкой, воссылавшим эти мольбы к Николаю, действовали и другие противники смены: как пишет в своем дневнике в. к. Андрей, они, видимо, еще на что-то рассчитывая, «упросили государя» отложить эту меру до конца августа.[1]

Несомненно, в это же время Николай получил и ответное письмо от гр. Воронцова-Дашкова, с Кавказа. Воронцов писал царю следующее.

Письмо графа Воронцова-Дашкова к Николаю II.

«Ваше величество.

«С чувством глубокой благодарности прочел я переданное мне Дмитрием Шереметевым письмо дорогого моего государя, оно дает мне право со спокойной совестью прожить остаток дней моих. Не могу при этом не повторить много раз мною сказанное, что без поддержки и доверия ко мне вашего величества я бы не смог быть вам полезным.

«Полученная 10-го телеграмма вашего величества вызвала во мне следующие размышления, которые я с разрешенной мне вами откровенностью позволяю себе высказать.

«Ваше величество желаете стать во главе армии. При этом, для дальнейших событий по управлению обширным Российским государством, необходимо, чтобы армия, под вашим начальством, была бы победоносной. Неуспех отразился бы пагубно на дальнейшем царствовании вашем. Я лично убежден в окончательном успехе, но не уверен в скором повороте к лучшему. Много напортило существующее командование и скорое исправление ошибок трудно ожидать.— Необходимо избрание вами достойного начальника штаба на смену настоящего. Голоса с западного фронта, доходящие до Кавказа, называют ген. Алексеева. Голос армии, вероятно, не ошибается.

«Назначение великого князя Николая Николаевича наместником вашим на Кавказе я считаю весьма желательным. Великому князю легче управлять Кавказом, чем простому смертному; такое уже свойство Востока. Я уверен, что великий князь скоро полюбит Кавказ и его жителей, и жители его полюбят за его доброту и отзывчивость, но пожелает ли он занять это место? Разжалование из попов в дьяконы, сильно затрагивая его самолюбие, не может не быть для него крайне тяжелым, он будет просить ваше величество об увольнении от занимаемого высокого поста

---

[1] «Дневник б. великого князя Андрея Владимировича», стр. 69.

по болезни, без нового назначения, или о разрешении ему отдыха на более или менее продолжительный срок.

«Ежели великий князь согласится тотчас занять новую должность, то я бы просил разрешения вашего не ожидать его в Тифлисе, а встретить у границ Кавказа в Ростове-на-Дону.

«Еще раз прошу дорогого мне государя принять выражение глубокой благодарности за все высказанное в письме. Письмо это будет свято храниться в нашем семейном архиве.

«Христос да будет с вами.

Душою преданный *И. Воронцов*».[1]

20 августа, перед самым отъездом Николая в ставку, для принятия командования, в Царском Селе состоялось заседание совета министров, на котором последние также пытались убеждать Николая не принимать на себя этой роли. Все министры, кроме председателя совета Горемыкина и его прихвостня А. А. Хвостова, были в этом отношении единодушны. Но Николай, уже умудрешный Распутиным и Александрой Федоровной, остался непоколебим.

Однако, министры на этом не успокоились и на следующий день выступили с письменным коллективным обращением по тому же вопросу. Это заявление здесь приводим.

Коллективное обращение министров к Николаю II.

«Всемилостивейший государь.

«Не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к вам. Поступить так нас обязывает верноподданнический долг, любовь к вам и Родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий.

«Вчера, в заседании совета министров, под вашим личным председательством, мы повергли перед вами единодушную просьбу о том, чтобы великий князь Николай Николаевич не был отстранен от участия в верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что вашему императорскому величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной вам России.

«Государь, еще раз осмеливаемся вам высказать, что принятие вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, вам и династии вашей тяжелыми последствиями.

---

[1] В конце письма Николаем помечено карандашом: «Август 1915 г.».— С подлинника.

«На том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства. Такое положение, во всякое время недопустимое, в настоящие дни гибельно.

«Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить вам и Родине.

«Вашего императорского величества верноподданные:

Петр Харитонов	*Князь Н. Щербатов*
Александр Кривошеин	*Александр Самарин*
Сергей Сазонов	*Граф Павел Игнатьев*
Петр Барк	*Князь Всеволод Шаховской.*

21 августа 1915 г.». [1]

Таким образом, как видно из этого заявления, против председателя совета Горемыкина создалась оппозиция почти из всех остальных министров.[2]

Надо сказать, что старый бюрократ Горемыкин был в это время человеком уже явно выжившим из ума; никакой самостоятельной политической позиции он не имел и иметь не мог и подчинялся то тем, то другим влияниям, в зависимости от того, что подсказывала ему его еще сохранявшаяся бюрократическая хитрость. Поддаваясь иногда, до этого времени, влиянию группы «либеральных» бюрократов (Кривошеин, Харитонов), Горемыкин в последнее время взял, однако, ориентацию на Распутина. Это было нужно Горемыкину для сохранения своего положения, и он добился взаимности со стороны распутинцев: А. Ф. писала тогда (16 июня 1915 г.) о том, как она «уважает и любит старого Горемыкина». Объяснение причины этой любви было очень простое: «он (Горемыкин) так близок с нашим Другом». [3]

Что касается министров, подписавших обращение к Николаю, то в их числе, кроме лиц, отрицательно относившихся

---

[1] С подлинника. — Обращение это было составлено Самариным.

[2] Из состава совета министров под обращением нет подписей, кроме Горемыкина и министра юстиции А. А. Хвостова, — также военного министра Поливанова и морского — Григоровича. Последние присутствовали на заседании совета министров 20 августа, сочувствовали взглядам большинства, но не подписали заявления, находя это несовместимым с военной дисциплиной. См. «Мемуары» А. А. Поливанова (М. 1924 г.), где вообще приведено много подробностей относительно обстоятельств этой смены.

[3] «Переписка», т. III, стр. 220.

к Распутину, были и те, которые укрепляли свою карьеру при его посредстве. Таковы были: министр финансов Барк, лакействовавший сначала перед князем Мещерским, а затем, в рассматриваемое нами время, и перед Распутиным.[1] При помощи последнего стал министром и кн. Шаховской (министр торговли).[2]

Не безупречен был в этом отношении и кн. Щербатов, «общественный деятель», выдвинутый дворянскими кругами, которые, вероятно, находили, что предшествовавшая служебная деятельность Щербатова по заведыванию государственным коннозаводством является вполне достаточной подготовкой для управления внутренними делами России. Относясь отрицательно к Распутину, Щербатов не прочь был, однако, базироваться на другого, близкого и к «божьему человеку», придворного авантюриста, кн. Андроникова.[3] Подписав коллективное письмо к Николаю, Щербатов, в конце концов, испугался его гнева и поспешил исправить произведенное неприятное впечатление; в связи с этим, через несколько дней, Николай так писал из ставки о своем свидании со Щербатовым:

«Щербатов на этот раз произвел на меня гораздо лучшее впечатление, чем в Царском; он робел гораздо меньше и рассуждал здраво. На счет Москвы он говорил, что нет оснований тревожиться съездом, что если они вынесут глупые резолюции, то их не разрешат к напечатанию и, таким образом, никакой беды не выйдет. Правильно!».[4]

Никакого результата приведенное обращение министров, конечно, не имело, и 23 августа Николай официально объявил о том, что он принимает на себя верховное командование.

Тем не менее это письмо министров вызвало чрезвычайную ярость Александры Федоровны и послужило лишним поводом для кампании, которую она вела против неугодных ей министров.

Вполне надежным человеком, в глазах Романовых, из всего состава министров оставался в это время, в сущности, лишь один Горемыкин. 23 августа А. Ф. писала своему мужу про свидание с ним:

---

[1] См., например, «Переписка», т. III, стр. 194.

[2] Там же, стр. 207, 213.

[3] Там же, стр. 207.

[4] Там же, стр. 218. — В приведенной цитате говорится о съезде земского и городского союзов, который вскоре после этого должен был состояться в Москве.

«Он, — говорит А. Ф., — возмущен и в ужасе от письма министров, написанного, как он думает, Самариным. Он не находил слов для описания их поведения и говорил мне, что ему трудно председательствовать, зная, что все против него и его мыслей, но никогда не подумает подать в отставку, так как знает, что ты ему сказал бы, если бы таково было твое желание».[1]

В том же письме А. Ф. сообщает, что Сазонов «ходит и хнычет» и все по тому же поводу; она не удерживается, чтобы не отозваться на это: «дурак!».[2]

Николай, прочитав это письмо жены, восторженно отозвался относительно ее беседы с Горемыкиным.

«Я в восторге, — писал Николай, — что ты говорила со старым Горемыкиным и утешила его. Пожалуйста, в следующий раз передай ему, что как только Гос. Совет и Дума закончат свои работы, их надо прикрыть, все равно, вернусь ли я к тому времени или еще буду находиться здесь».[3]

Особенная ненависть А. Ф. пала, в связи со всей этой историей, на Самарина:

«Самарин, — пишет она мужу, — все продолжает интриговать против меня. Надеюсь в скором времени составить для тебя список подходящих имен и уверена, что найду ему преемника до того, как он успеет навредить».[4]

Таким образом, ближайшей задачей А. Ф. явилось теперь составление нового «кабинета министров»; но для этого надо

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 256.

[2] Отметим кстати, что в этом же письме А. Ф. сообщает, что, по совету Горемыкина, она хотела бы «повидать Крупенского и расспросить его про Думу, так как он всех там знает». Николай в ответном письме, от 25 августа, отозвался на это: «Почему бы не повидать Крупенского — он надежный человек и, может-быть, расскажет тебе стóящие вещи» («Переписка», III, 267). Речь идет о П. Н. Крупенском, камергере и члене Госуд. Думы («националист», принадлежавший к «прогрессивному блоку»); желание же А. Ф. повидать его вызывалось необходимостью знать настроение Думы, в виду предстоявшего ее разгона. Но Крупенский осведомлял не только Романовых: он был вместе с тем секретным агентом департамента полиции и «осведомлял» о настроениях Думы директора департамента полиции Белецкого; в своих показаниях в Следств. комиссии Белецкий, между прочим, указывает, что, по распоряжению А. Н. Хвостова, Крупенскому было выдано 20 тысяч рублей «под видом устройства потребительской при Госуд. Думе лавки», а в действительности для привлечения его «к освещению настроения Государственной Думы» (письменное показание Белецкого).

[3] «Переписка», т. III, стр. 267.

[4] Там же, стр. 269 — 270.

было, прежде всего, поскорее удалить главное зло — Самарина и Щербатова.

«Мы должны, — пишет А. Ф. 24 августа, — удалить Самарина, и чем скорее, тем лучше — он, ведь, не успокоится, пока не втянет меня, нашего Друга и А.[1] в неприятную историю. Это очень гадко и ужасно непатриотично и узко...».[2]

К этому прибавлены еще такие воинственные строки этой женщины в «невидимых брюках» (как она про себя говорила): «Мне хочется отколотить почти всех министров и поскорее выгнать Щербатова и Самарина». А в одном из дальнейших писем А. Ф. с удовольствием предвкушает то время, когда Самарин «полетит со своей нелепой, нелойяльной, сумасбродной идеей о спасении России».[3]

В таких выразительных словах характеризовала «спасение России» русская императрица...

Что касается самого Николая, то он был вполне удовлетворен происшедшей сменой и никак не мог понять поведения министров.

«Поведение некоторых министров, — писал он жене 9 сентября, — продолжает изумлять меня! После всего, что я им говорил на знаменитом вечернем заседании,[4] я полагал, что они поняли и меня, и то, что я серьезно сказал именно то, что думал. Что ж, тем хуже для них! Они боялись закрыть Думу — это было сделано! Я уехал сюда и сменил Н., вопреки их советам; люди приняли этот шаг, как нечто естественное, и поняли его, как мы. Доказательство — куча телеграмм, которые я получаю со всех сторон — в самых трогательных выражениях. Все это ясно показывает мне одно, что министры, постоянно живя в городе, ужасно мало знают о том, что происходит во всей стране. Здесь я могу судить правильно об истинном настроении среди разных классов народа: все должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца, и никаких сомнений на этот счет не высказывается. Это мне официально говорили все депутации, которые я принимал на-днях, и так это повсюду в России. Единственное исключение составляют Петроград и Москва — две крошечных точки на карте нашего отечества».[5]

---

[1] А. Вырубову.

[2] «Переписка», т. III, стр. 281.

[3] Там же, стр. 335, письмо от 11 сентября.

[4] 20 августа, накануне того дня, когда министры подали коллективное заявление.

[5] Там же, стр. 329.

Эта цитата наглядно характеризует то глупое самомнение, с каким Николай вступил в свою роль. Это самомнение объясняется отчасти тем, что Николай теперь почувствовал себя в безопасности от «коварных замыслов» своего предшественника, который будто бы собирался свергнуть его с «престола».

Возможность такого положения внушили Николаю Распутин и Александра Федоровна, и именно это, в глазах царя, было главным мотивом устранения в. к. Николая. В своих письмах к мужу, уже после этого, А. Ф. не раз подчеркивала, что тогда, благодаря Распутину, Николай избег грозной опасности. Так, в письме от 10 октября 1915 г., говоря про в. к. Николая и «черногорок»,[1] А. Ф. пишет:

«Они замышляли совершенно другую игру. Наш Друг вовремя раскрыл их карты, и спас тебя тем, что убедил прогнать Н. и принять на себя командование. Со всех сторон доходит все больше и больше про их грязную изменническую игру».[2]

Нужно, однако, заметить, что, судя по позднейшему авторитетному разъяснению Распутина, свержение Николая II должно было произойти во время с м у т ы. По крайней мере, в декабре 1916 г., Распутин говорил, что именно теперь «пришла смута», которая должна была быть в России во время или после войны, и «если наш (т.-е. Николай II) не взял бы с места Николая Николаевича, то летел бы с престола теперь».[3]

Но ведь тогда, в августе 1915, никакой «смуты» еще не было... Поэтому нам представляется, что одно уже это сопоставление двух распутинских указаний, помимо всяких других соображений, заставляет усомниться в правдивости первого — относительно той «игры», которую замышлял Николай Николаевич в августе 1915 г. Надо думать, эта угроза «свержения» применялась Распутиным и А. Ф. Романовой просто в качестве ловкого приема, чтобы запугать Николая. Основные же причины распутинской кампании были иные. Распутин мог руководствоваться желанием отомстить «верховному» за то, что тот, кто первый когда-то приставил его ко двору и вывел в «божьи люди», потом не только усомнился в его «святости», но даже стал его ярым врагом. Могло быть так, но могли быть,

---

[1] Жена Николая Николаевича, Анастасия, и ее сестра, Милица.

[2] «Переписка», т. III, стр. 331.

[3] «Семейная переписка Романовых» — «Красный Архив», том IV, стр. 173, письмо А. Ф. от 9 октября 1916 г.

как у Распутина, так и у А. Ф., и какие-либо другие, пока неизвестные нам, побуждения...

Оставляя пока этот вопрос, мы закончим изложение обстоятельств смены указанием на другие, связанные с ней, политические акты. Важнейшим из них был, конечно, роспуск Государственной Думы 3 сентября 1915 г.

Связь этого акта с устранением «верховного» заключается уже в том, что в обоих этих случаях наносился удар либерально-империалистской буржуазии, признанным «вождем» которой был устраненный великий князь; кроме того, он, совместно с Витте, считался Романовыми виновником создания этого зловредного учреждения, Г. Думы, и вообще подозревался в некотором сочувствии к ее функционированию. Сочувствия, в действительности, никакого не было, но возглавлявшаяся им «ставка», действительно, признавала полезным существование Думы, для лучшей организации ведения войны.

Помимо роспуска Думы, в связи с отстранением в. к. Николая стоит и увольнение тех министров, которые подозревались в либерализме и в подписании протестующего против смены письма. Увольнение двух из них, особенно ненавистных—Самарина и Щербатова, — было, как мы отмечали, предрешено уже тогда, когда был решен вопрос о разгоне Думы и смещении в. к. Николая. Но довольно долго не могли найти подходящих заместителей, и, вследствие этого, отставка министров задержалась. Однако, потом и это дело наладилось.

Эта смена министров шла в такой хронологической последовательности: первыми были уволены — 26 сентября — Щербатов и Самарин, затем Кривошеин — 26 октября; после него — Харитонов — 25 января 1916 г., и т. д.

Долго оставался министром Сазонов, — его уволили только 7 июля 1916 г. Но, очевидно, такое продление, несмотря на энергичную борьбу против Сазонова А. Ф., объясняется только тем, что Николай боялся этой отставкой задеть «союзников», которые с именем этого министра связывали уверенность в том, что верность союзу не будет нарушена.

По этим же, «союзническим» побуждениям был оставлен и Барк, ибо непосредственно с ним вели «союзники» переговоры о займах, и он был специалистом в этой области. Тем не менее А. Ф. вела кампанию и против Барка, и еще в декабре 1915 г. вспоминала про участие его в коллективном обращении: «Он сам, — писала А. Ф. про Барка, — не чувствует себя

очень твердо на своем посту с тех пор, как подписал это письмо с другими министрами, которые с тех пор почти все вышли в отставку».[1]

Остался (до конца 1916 г.) на посту министра гр. П. Н. Игнатьев, ведавший «народным просвещением»; несмотря на все сочувствие к нему либеральной «общественности», он, видимо, не казался Романовым особенно опасным. Что касается князя Шаховского (министра торговли), то этот своим пресмыкательством перед Распутиным, несомненно, вполне исправил ошибку, допущенную подписанием коллективного обращения, а потому остался на своем месте.

Всеми этими «преобразованиями» Николай, действительно, показал, что начинается «новая славная страница» его царствования — страница, которая неминуемо должна была оказаться и позорной, и последней.

2.

То, о чем мы говорили до сих пор, вскрывает те обстоятельства, при которых происходило начало «поворотного этапа» романовской политики. Но это, так сказать, русская сторона дела, притом непосредственно связанная с Романовыми. Однако, в этом вопросе была и другая сторона — сторона германская.

Мы хотим здесь отметить, что эта кампания А. Ф. Романовой и Распутина против великого князя Николая шла одновременно с той борьбой, которую тогда же пытались вести против него австро-германские империалисты. Борьба распутинцев против Николая-главнокомандующего началась с января 1915 г., — по крайней мере, именно тогда стало это ясно проявляться в письмах Александры Федоровны; но тогда же, с января 1915 г., на фронте стали распространяться австро-германцами такие, обращенные к русским солдатам, прокламации:

«Солдаты!

«В самых трудных минутах своей жизни обращается к вам, солдатам, ваш царь.

«Возникла сия несчастная война против воли моей: она вызвана интригами великого князя Николая Николаевича и его сторонников, желающего устранить меня, дабы ему самому занять престол. Ни под каким видом я не согласился бы

[1] «Переписка», т. III, стр. 501, письмо от 19 декабря.

на объявление сей войны, зная наперед ее печальный для матушки России исход; но коварный мой родственник и вероломные генералы мешают мне в употреблении данной мне богом власти, и, опасаясь за свою жизнь, я принужден выполнять все то, что они требуют от меня.

«Солдаты! Отказывайтесь повиноваться вашим вероломным генералам, обращайте оружие на всех, кто угрожает жизни и свободе вашего царя, безопасности и прочности дорогой родины.

Несчастный ваш царь
Николай».[1]

Нетрудно видеть, что эта германская прокламация выдвигает против в. к. Николая как раз те мотивы, какие находим мы и в той кампании, которую вели против него А. Ф. Романова совместно с Распутиным.

Когда Николай устранял «верховного», то руководился, как мы видели, больше всего именно опасением, что последний в конце концов свергнет его с престола. Это именно тот основной мотив, который выставлен и в германской прокламации.

Равным образом и указания прокламации, что в. к. Николай мешает царю «в употреблении данной богом власти», соответствуют тем мотивам, которые приводила А. Ф., как это видно из приведенных ранее цитат.

Прибавим к этому, что и германская посредница Васильчикова в одном из своих писем к Николаю, передав свой разговор с германским министром фон-Яговым, писала:

«Здесь[2] говорят, что в последнее время в. к. Николай Николаевич делает ошибку за ошибкой, и что он совсем не жалеет солдат».

Как бы спохватившись, что по смыслу текста видно, что это говорят те самые германские империалисты, поручение которых Васильчикова выполняла, она спешит добавить: «это говорят и раненые русские и пленные» (письмо из Берлина от $^{14}/_{27}$ мая 1915 г.).[3]

Из всего этого уже видно, что в. к. Николай был нежелателен не только для Романовых, но и для германских империалистов.

---

[1] Печатный текст этой прокламации был представлен Николаю II верх. главнокомандующим Николаем Николаевичем при соответствующем приказе его по армии (см. приложения).

[2] Т.-е. в Германии.

[3] См. здесь, стр. 18.

Такой взгляд германцев, несомненно, объясняется тем, что они, при устранении в. к. Николая Николаевича, рассчитывали достичь возможности заключить с Россией сепаратный мир. Существование такого именно мотива может быть подтверждено ссылкой на мемуары германского кронпринца. Говоря о том, что уже весной 1915 г. (т.-е. тогда, когда выступала Васильчикова) германцам следовало предпринять решительные шаги к переговорам с Россией о сепаратном мире, кронпринц отмечает вместе с тем имевшееся тогда главное для этого затруднение.

«Главное затруднение, — говорит кронпринц, — заключалось в том, что великий князь Николай Николаевич находится еще у власти».[1]

Распутин и А. Ф. Романова добились в рассматриваемый нами момент устранения этого «главного затруднения».

3.

В те самые дни, когда Николай готовился начать «новую чистую страницу», а А. Ф. Романова возвещала «начало славы» царствования своего мужа, — в эти дни была приподнята настроена и русская либеральная буржуазия: представители ее, несмотря даже на тревогу, вызванную увольнением в. к. Николая Николаевича, почти в тех же словах, что и Романовы, приветствовали «новую эру».[2]

Но для Романовых эта «эра» начиналась в виду решения их разогнать Гос. Думу, уволить «верховного» и «либеральных» министров и вообще взять твердый реакционный курс, ориентируясь, прежде всего, на волю Распутина; либеральная буржуазия видела «новую эру» совсем в ином: в образовании думского «прогрессивного блока» и в тех политических выступлениях как Думы, так «союзов» и различных дум, где был выставлен лозунг— «министерство общественного доверия».

Впервые этот лозунг «министерство доверия» прозвучал на чрезвычайном собрании московской городской думы, 10 августа. Под давлением этого выступления сорганизовался и думский «прогрессивный блок» — в него вошло свыше трехсот депутатов (из общего числа 442), принадлежавших к «каде-

---

[1] «Записки германского кронпринца». П., 1923 г., стр. 130

[2] Буквально так говорилось в некоторых из тогдашних газет и журналов.

там», «октябристам», «прогрессистам»; сюда же примкнула часть «националистов» и «правых». Этот «блок», представлявший организацию преимущественно торгово-промышленной буржуазии (либеральной ее части), принял, в общем, ту же программу, какая была выставлена и московской думой.

Но буржуазии недолго пришлось торжествовать начало этой «новой эры»: 3 сентября Дума была закрыта, и приподнятое настроение либеральной буржуазии стало снова тревожным.

Затем, 7 — 9 сентября в Москве собрались «общегородской» и «общеземский» съезды, которые протестовали против роспуска Гос. Думы и также выпесли пожелание «министерства доверия». Все это было повторено потом различными провинциальными думами и другими организациями либеральной буржуазии.

Относительно перерыва занятий Госуд. Думы и тех настроений, которые, в связи с этим, обнаружились у буржуазии, мы можем привести любопытную выдержку из доклада об этом Николаю II министра внутренних дел князя Щербатова, сделанного 16 сентября 1915 г.

Вот что сообщал он Николаю:

«Перерыв занятий Государственной Думы вызвал первоначально среди членов ее весьма тревожное настроение.

«Со стороны представителей левых групп ее высказывалось мнение о необходимости отозвать своих членов из всех правительственных комиссий, образованных для содействия государственной обороне, оказать воздействие на общественные организации, посвященные тем же целям, в видах прекращения ими своей деятельности, организовать протест против роспуска Думы в рабочих массах и всеми мерами добиваться принятия правительством программы образовавшегося в думе прогрессивного блока с требованиями политической амнистии, ответственного министерства и равноправия народностей. В результате, однако, среди членов думы получило преобладание более умеренное направление, сторонники коего высказались за сохранение полного спокойствия в стране и поддержание всеми общественными силами работ, направленных к организации страны, для содействия победе, так как прекращение этих работ и неизбежные волнения и беспорядки, связанные с проведением программы крайних партий, прежде всего и главным образом принесли бы непоправимый ущерб самой стране, парализуя ее усилия для борьбы с врагами.

«В широких общественных кругах известие о роспуске Государственной Думы также вызвало весьма напряженное настроение. После первых моментов всеобщей растерянности, обусловленной неожиданностью этого события, в обществе определились два преобладающих течения, а именно: более крайнее, сторонники коего настаивали на немедленном предъявлении правительству требования о принятии программы прогрессивного блока, под угрозой, в противном случае, приостановления деятельности всех общественных организаций, обслуживающих нужды армии, — и более умеренное, которое, по вышеприведенным мотивам, высказывалось за несвоевременность подобного рода выступления, в виду ущерба, приносимого ими делу государственной обороны.

«Агитация представителей крайнего левого направления в Петрограде и Москве имела некоторый успех среди рабочих масс, вследствие чего на многих фабрично-заводских предприятиях возникли забастовки, сопровождавшиеся насильственными действиями против чинов полиции и рабочих, не желавших примкнуть к стачке.

«Но возникшее среди рабочих движение не только не отклонило массы в сторону крайнего течения, а, наоборот, оказало отрезвляющее действие на общество, находившееся еще под свежим впечатлением майских погромов в Москве, что и выразилось в постановлениях чрезвычайного заседания Московской городской думы, созванного 5 текущего сентября для обсуждения мер к прекращению трамвайной забастовки.

«В упомянутом заседании предложенная некоторыми из гласных думы резолюция, слагавшая с общества всякую ответственность за последствия нынешней политики правительства и объявлявшая действия его, в связи с роспуском Государственной Думы, тяжким преступлением против родины, вызвала решительный отпор со стороны большинства, которое, следуя призыву московского городского головы Челнокова, вынесло резолюцию совершенно иного характера, высказавши в ней осуждение забастовочному движению и указав лишь на необходимость скорейшего возобновления работ законодательных учреждений и введения в состав правительства лиц, облеченных доверием страны.

«Такая же двойственность общественного движения по поводу роспуска Государственной Думы сказалась и в заседаниях состоявшихся в Москве 7—9 сентября съездов обще-земского и общегородского союзов, которые, имея своею ближайшею задачею

выработку мер к упорядочению эвакуации раненых и беженцев, в действительности занялись выяснением отношения общественных групп к переживаемым страной событиям и выработкою общего плана действий.

«Учитывая это, представители крайних партий Государственной Думы и фабричных рабочих настойчиво стремились использовать эти съезды, главным образом общегородской, для проведения своей программы и с этой целью добивались принять непосредственное участие в работах последнего. Но, благодаря преобладающему влиянию сторонников более умеренного направления и, в частности, московского городского головы Челнокова, не допустившего вовсе участия на общегородском съезде вышеуказанных представителей Государственной Думы и рабочих, а также члена Государственной Думы Шингарева, настаивавшего в своей речи на необходимости более умеренной и осторожной тактики, на обоих съездах были вынесены резолюции, не отвечавшие ожиданиям крайних левых партий».[1]

Этот документ лишний раз напоминает о той низменной трусости, которую проявила буржуазия в эти дни. Особенно характерно показание Щербатова, что возникшее среди рабочих движение «оказало отрезвляющее действие на общество» (т.-е. на буржуазию). Таким образом, увидев движение рабочих, «либеральная» буржуазия, вместо того, чтобы постараться всеми силами поддержать рабочий класс для совокупного выступления против царизма, поспешила теснее примкнуть к этому последнему и подкрепить его в борьбе против рабочих.

Итак, борьба в эти дни либеральной буржуазии с правительством ограничилась безобидным высказыванием «мнений». А относительно этих мнений дум (и, в частности, московской) А. Ф. Романова незадолго до этого с грубой едкостью изрекла: «Никому не нужно их мнение — пусть они лучше всего займутся вопросом о канализации».[2]

Но одновременно с оппозиционной буржуазией заговорил и другой фланг тогдашнего «общества» — крайние реакционеры, которых встревожили либеральные мнения; первый протест против них поспешило высказать «объединенное дворянство». Совет этой организации сообщил 22 августа 1915 г., через своего председателя Струкова, председателю совета министров, что, по «глубокому

---

[1] В дальнейшем тексте этого доклада приводятся, опускаемые нами, резолюции и общеземского и общегородского съездов. — С подлинника.

[2] «Переписка», т. III, стр. 276, письмо от 28 авг. 1915 г.

убеждению» объединенного дворянства, «произносимые и передаваемые прессою во все концы страны левые речи, некоторые заключения столичных совещаний и злоупотребления печатным словом являются предвестниками новых смут с целью изменения государственного строя России. Только незыблемость основ существующего порядка, — указывало «объединенное дворянство», — в соединении с твердою и единою правительственною властью в центре и на местах могут оградить страну от шатания мыслей и внутренней смуты».[1]

Определявшийся с каждым днем все более и более «твердый» правительственный курс, по которому так давно вздыхали помещики - полукрепостники, вскоре нашел себе полную поддержку со стороны состоявшихся съездов «правых». Первый такой съезд происходил в Петрограде 21—23 ноября 1915 года. Председателем съезда был Щегловитов, который, назвав здесь манифест 17 октября «потерянной грамотой», заявил, что они, правые, признают не эту, а совсем другую грамоту — об избрании в 1613 году на царство Михаила Федоровича Романова.

В противовес «пожеланиям» прогрессивной буржуазии («блок»), съезд «правых» вынес ряд постановлений, в которых признал: требование правительства доверия — нарушением основных законов, требование амнистии — попустительством врагам церкви и государства, требование прекращения преследований за веру—попустительством сектантам, отказывающимся итти на войну, требование отмены ограничений прав евреев — походом на самобытность русского государства, требование примирительной политики в Финляндском вопросе — нарушением законов, проведенных через законодательные палаты, требование свободы украинской печати — прекращением борьбы с опасным сепаратистским движением.

Вместе с тем съезд заявил, что роспуск Гос. Думы был вполне своевременным, так как деятельность прогрессивного блока «обещала внести в государство опасную смуту»; съезд

---

[1] Об этом заявлении тогда же сообщалось в газетах, а несколько позднее был опубликован и журнал заседания «совета объединенного дворянства», от 22 августа, когда обсуждался этот вопрос. Отсюда видно, что имелась и оппозиция этому постановлению, но очень ничтожная; отрицательно отнеслись к этому только три дворянских общества — петроградское, полтавское и костромское; последние два даже вышли из состава «совета» (см. «Русск. Ведомости» № от 15 ноября 1915 г.).

одобрил также смену министров, сочувствовавших требованиям «блока», и высказал, что земский и городской союз, а также военнопромышленные комитеты, препятствуют нормальной деятельности самоуправления и присваивают себе задачи, принадлежащие государственной власти.

Таким образом, на тогдашней буржуазно-помещичьей общественной арене выявили свои позиции две главных силы: с одной стороны, прогрессивная буржуазия, с другой—реакционные помещики.

И в той и в другой группе были, конечно, различные оттенки как в социальном смысле, так и в политическом. В частности, среди «правых» было много элементов, находившихся теперь в «оппозиции». Принадлежавшие к ней лица, при всем своем сочувствии к принципам «чистой монархии», не считали данную правительственную власть за «чистую», так как фактически во главе ее стоял «грязный мужик», Григорий Распутин. Это была оппозиция против Распутина, но, конечно, не против системы.

Вот что, в связи с этим, говорил, например, на одном из съездов отставной бюрократ В. И. Гурко: «Мы желаем, — держал он речь, — сильной власти, мы понимаем власть, вооруженную исключительным положением, власть с хлыстом, но не такую власть, которая сама находится под хлыстом».

Такая оппозиция раздражала Романовых чуть ли не более, чем та, которая требовала «министерства доверия», и А. Ф. Романова сочла нужным послать Николаю эту выдержку из речи Гурко, прибавив кстати: «Докажи им теперь всюду, где можешь, что ты самодержавный повелитель».[1]

Ряды такой «правой» антираспутинской оппозиции были довольно велики, и это значительно уменьшало удельный вес той помещичьей группы, которая еще поддерживала распутинскую власть. Но за то те, кто ее поддерживали, все эти отставные бюрократы — Штюрмеры, Щегловитовы, Белецкие,— все они, имея тесную личную связь с Распутиным, выдвигались вновь к власти при его посредстве. «Оппозиционеры» из числа «правых» вообще говоря стояли на империалистской позиции (такова, например, была позиция большинства «объединенного дворянства»); что касается проникавших к власти лиц, то они, естественно, готовы были итти и по той «пацифистской» линии, которая предначертывалась Распутиным.

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 319, письмо от 8 сентября 1915 г.

Таким образом, опору для своей политики Распутин нашел, прежде всего, в группах тех «правых», которые, исходя из убеждения, что «Россия, слава богу, не конституционная страна»,[1] стремились к самой черной реакции. Соответственно с такой политической линией был постепенно реорганизован и «кабинет», где первое время оставалось еще несколько министров, заподозренных в сочувствии пожеланиям «прогрессивного блока».

Из этого уже видно, что за борьбой Распутина с Николаем Николаевичем стала обнаруживаться борьба двух различных социальных групп.

Объясняется это тем, что, как известно, в. к. Николай был виднейшим, среди семьи Романовых, представителем крайних империалистских тенденций: этот не колебался, тогда как его племянник — царь мог поддаваться различным влияниям. Так, он поколебался еще в 1912 г. во время балканской войны и, несмотря на свое искреннее желание втянуть тогда русский народ в войну, предпочел все-таки, отчасти и под влиянием советов Распутина, удержаться от этого шага, на котором, кстати сказать, особенно усердно настаивал тот же Николай Николаевич. Эта «твердость» позиции обеспечила последнему сочувствие всех русских империалистов, — и, конечно, никто бы и усомниться не мог в его стремлении к «войне до конца» и в преданном служении интересам англо-французского капитала. В этом духе в. к. Николай оказывал влияние и на Николая — царя.

Совсем иное представление соединялось с именем Распутина; о нем еще до войны говорили и писали, как о стороннике «пацифистской» политики, а во время войны на него, не без основания, смотрели, как на сторонника сепаратного мира с Германией. После смены в. к. Николая, Распутин подчинил царя своему влиянию.

В результате, за сменой главнокомандующих, обнаружилась борьба двух «ориентаций»: «союзной» и германской, — а эта борьба основывалась, между прочим, и на различии интересов двух разных групп русской буржуазии. На смену одной, империалистской группы, к государственному аппарату стала постепенно подходить «пацифистская» группа. Возможность этого подхода была облегчена сменой верховного командования, — и в этом ее политическое значение.

---

[1] Это изречение, когда-то высказанное в Госуд. Думе Коковцовым, было особенно прочно усвоено А. Ф. Романовой, которая не раз его повторяла в своих письмах к Николаю.

БАНКИ И РАСПУТИН.

Несмотря на крупнейшее влияние на Романовых Распутина, перед которым во многом ступевывается роль их самих, нельзя преувеличивать размеры того воздействия, которое Распутин, как отдельное лицо, мог иметь на направление общей политики государства. Если он, в известных пределах, и оказывал влияние на отдельные извороты правительственной политики, то опять-таки не столько лично, как Распутин, а главным образом, как передаточный рычаг от тех, более внушительных сил, которые стояли за ним и воздействовали на него. Это — различные агенты финансового капитала, начиная с лиц такого масштаба, которые были связаны с европейскими трестами, и кончая мелкими спекулянтами закулисной «черной биржи». Здесь, несомненно, был основной нерв распутинской группы, отражавший через Распутина свое влияние на политику.

Эти банковские и биржевые дельцы инспирировали Распутина в различных вопросах политики, сообразно с тем, что предписывали им интересы их финансовых операций. Распутин, непререкаемым тоном пророка, вещал эти директивы биржевых дельцов А. Ф. Романовой, которая воспринимала приказания Распутина, как откровение, и обычно без большого труда добивалась от Николая исполнения воли «божьего человека».

Такова, в общем, может быть схема непосредственной роли Распутина в политике последнего периода монархии, и в настоящем очерке будут приведены различные факты, показывающие, как на различных правительственных мероприятиях и назначениях отражалось воздействие окружавших Распутина банковских и биржевых дельцов.

Вместе с тем настоящий очерк преследует цель определить то промышленно-банковское ядро, которое стояло в центре государственной машины монархии и оказывало решающее влияние на направление политики Романовых.

1.

Эпизоды, о которых мы будем говорить в настоящей главе, связаны с «деятельностью» придворного авантюриста князя Андроникова, при энергичном участии которого был, после разгона в сентябре 1915 г. Государственной Думы, найден новый «спаситель отечества» А. Н. Хвостов, назначенный 26 сентября министром внутренних дел:[1] нам придется здесь говорить о нескольких обстоятельствах, связанных с карьерой этого последнего. Но имена Андроникова и Хвостова влекут за собой еще третье имя — директора Соединенного банка графа Татищева, о котором мы также скажем в этой главе.

В это время, когда Распутин уже достиг своего полного могущества, Андроников, в сущности, стал самым близким к нему человеком; однако, влияние Андроникова продолжалось недолго: в январе 1916 г. он был заподозрен вместе с А. Н. Хвостовым в покушении на Распутина, — и вследствие этого как последний, так и А. Ф. Романова, порвали всякие с ним связи.

Официальной профессии Андроников не имел никакой[2] и движущим мотивом всей своей обширной «общественной деятельности»[3] он считал патриотические мотивы; на вопрос, что он представляет собой по профессии, Андроников гордо отвечал: «Гражданин, желающий как можно больше принести пользы», — или же, что он «человек в настоящем смысле этого слова, интересующийся всеми вопросами государственной жизни, близко принимающий все и желающий принести как можно больше пользы».[4]

Сообразно с такими целями, Андроников считал своим долгом вести знакомство со всеми министрами, переносить сплетни от одного из них к другому, давать им свои указания, подносить постоянно каждому новому министру икону (а жене министра букет) и, наконец, для большего успеха своей деятельности, он стал даже издавать в 1916 г. журнальчик «Голос Руси» (в духе «Гражданина» князя Мещерского).

Естественно, что Андроников занимался вместе с тем и коммерческими предприятиями: сначала пытался организовать «мар-

---

[1] Бывший нижегородский губернатор, член Госуд. Думы фракции «правых».

[2] Если не считать, что он «состоял» чиновником особых поручений сначала при министерстве внутренних дел, а потом при синоде.

[3] Так именно он сам определял свою деятельность — см. «Падение царского режима», т. II, стр. 11.

[4] Там же.

ганцевое предприятие» на Кавказе, а потом, во время войны, был занят «крупной операцией по покупке, при содействии военного министра Сухомлинова, на акционерных началах, в Бухаре и Хиве больших земельных площадей, прилегающих к речным артериям».[1]

Этих данных нам пока достаточно, и мы прямо перейдем к вопросу о том, как проведена была Андрониковым кандидатура Хвостова в министры.

В переписке Романовых, которая является лучшим источником для выяснения тогдашних политических махинаций, упоминание о кандидатуре Хвостова мы встречаем впервые в письме А. Ф. к Николаю от 22 августа 1915 г.

«Я надеюсь,—пишет А. Ф.,—что Горем(ыкин) одобрит назначение Хвостова — тебе нужен энергичный министр внутренних дел; если он окажется неподходящим, можно будет его позднее сменить, — беды в этом нет. Но, если он энергичен, он может очень помочь, и тогда со стариком [2] нечего считаться. — Если ты его берешь, то телеграфируй мне «хвост (thail) годится», и я пойму». [3]

Однако, еще не получив ответа Николая, А. Ф. узнала, что Горемыкин не склонен одобрить назначение Хвостова:

«Относительно Хвостова,— писала А. Ф. Николаю, — он (Горемыкин) думает, что лучше не надо его. Он в думе выступал **против правительства и германцев**[4] (он племянник министра юстиции), находит его слишком легкомысленным и не совсем верным в некоторых отношениях».[5]

Николаю, видимо, тоже не хотелось назначать Хвостова: повлиял ли здесь довод Горемыкина, что Хвостов не желателен, так как «выступал против правительства и германцев», или Николай просто боялся назначать энергичного человека — нам это неизвестно.

Нам известно только то, что уже за несколько времени до того, как были писаны цитированные письма, сама А. Ф. была убеждена в больших достоинствах Хвостова; это объясняется тем, что Андроников, летом 1915 г. особенно сблизившийся с Распути-

---

[1] Протоколы Следственн. комиссии, 4-й допрос Белецкого; также показания Андроникова — «Падение царского режима», т. I, стр. 24.

[2] Горемыкин.

[3] «Переписка», т. III, стр 253.

[4] Подчеркнуто нами.

[5] «Переписка», т. III, стр. 256.

ным, проник через него в особое доверие к Вырубовой и повел тай агитацию в пользу назначения министром внутренних дел Хвостова, а товарищем его — Белецкого,[1] и, как видим, эта агитация была настолько убедительна, что А. Ф. выставила перед Николаем кандидатуру Хвостова еще в то время, когда ни она, ни Вырубова его лично не видали.

Уже позднее Андроников лично привез Хвостова к Вырубовой, и последняя была очарована. Об этом А. Ф. сообщала Николаю в письме от 29 августа:

«Любимый мой, — писала она, — А. (Вырубова) только-что видела Андр(оникова) и Хвостова, — последний произвел на нее прекрасное впечатление (старик[2] против него, я же его не знаю, и потому не знаю, что сказать). Он очень тебе предан, говорил с нею спокойно и хорошо о нашем Друге, рассказал, что на завтра готовится запрос в Думе о Гр(игории): просили подписи Хвостова, но он отказал и заметил, что, если этот вопрос будет поднят, то амнистия не будет дарована. Они подумали — и опять отказались от запроса. Он рассказал такие ужасы про Гучкова. Был сегодня у Горем(ыкина), — говорил про тебя, что ты спас себя, приняв командование — Хвост(ов) поднял вопрос о германском засилье и дороговизне мяса, чтобы левые их не поддержали. Теперь, когда это обсуждается правыми, это безопасно.— Вообще она им очарована».[3]

После того как Вырубова была так очарована Хвостовым, А. Ф. повела перед Николаем энергичнейшую агитацию в пользу его назначения; каких только доводов ни выставляла А. Ф., чтобы его выдвинуть: «Хвостов,—говорила она,—надеется все наладить через 2—3 месяца», он будет защищать «нашего Друга» и, следовательно, «бог благословит его работу», Николай бы, — уверяет А. Ф., — «наслаждался» работой с этим человеком, и, кроме того, как оказывается, именно он, Хвостов, просил, чтобы ремонтировали раку преподобного Павла Обнорского; — в общем «он самый подходящий человек, и наш Друг об этом намекал А.[4] в своих телеграммах».

Когда же и сама А. Ф. увидела Хвостова, то она прямо в восторг пришла: «Благословляю и целую тебя без конца, — писала она Николаю, — Хвостов меня освежил, я не падала

---

[1] Протоколы Следств. комиссии, 4-й допрос Белецкого.
[2] Горемыкин.
[3] «Переписка», т. III, стр. 283.
[4] Вырубова.

духом, но жаждала, наконец, увидеть «человека», а тут я его видела и слышала».[1]

Все эти расхваливания и убеждения повторялись почти в каждом письме к Николаю в течение месяца, и, наконец, Хвостов, как и следовало ожидать, был назначен министром.

Мы не сообщаем здесь всех отзывов относительно Хвостова — из писем А. Ф.: приведенных цитат достаточно, чтобы установить ее роль в этом деле. Но нас больше интересует другой вопрос: почему Андроников так старался об этом назначении, почему он лично возил Хвостова к Вырубовой, писал о нем, убеждал в его необыкновенных достоинствах?[2] Каков, в конце концов, был побудительный мотив самого Андроникова?

Ответ мы находим в его собственных показаниях: оказывается, Андроников был восхищен речью Хвостова в Государственной Думе о «немецком засилье» (произнесенной 3 августа 1915 г.), и именно эта речь возбудила в нем великую симпатию к Хвостову.

«... После речи Хвостова в Государственной Думе, — говорил Андроников,— которую я прочел, мне чрезвычайно понравилось, что явился человек, который энергично открывает глаза на все, и я искал случая с ним познакомиться. Я высказал желание познакомиться. Тут как тут — Червинская: «Помилуйте, это мой друг по Мариенбаду. Я вас с ним познакомлю...». — «Пожалуйста!». Она его пригласила к себе, и мы познакомились».

Затем, «совершенно случайно», после этой речи в Думе, Андроников заговорил о Хвостове у Вырубовой; ей речь тоже понравилась: «Какой он умный, — восхищалась она, — как хорошо все знает!». И Вырубова выразила при этом желание повидать Хвостова; а дальше дело вступило на хорошие рельсы, и Хвостов стал министром.[3]

Таким образом, начало этой, проведенной Андрониковым, карьеры идет от речи о немецком засилье, где Хвостов говорил

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 364 и др.

[2] Андроников даже оспаривал у Распутина честь назначения Хвостова: «Меня злило, — говорит Андроников,— когда Распутин говорил: «Я назначил Хвостова, я назначил Белецкого...». Это была неправда, потому что Хвостов был назначен 24 — 25 августа, а Распутин приехал в сентябре ...». («Падение царского режима», т. I, стр. 379.) Правда, здесь Андроников сам ошибается, потому что Хвостов был назначен в этих числах не августа, а сентября.

[3] «Падение царского режима», т. I, стр. 379 — 381.

про немецкие банки и синдикаты;[1] Хвостов предполагал, кроме того, еще более развить позднее эту последнюю тему в другой речи, при чем имел в виду обратить преимущественное внимание на немецкие капиталы в русской электротехнической промышленности, так как Хвостов, — по его словам,— убедился, что именно «около этой электрической промышленности зарыт немецкий капитал, который влиял косвенно на немецкий шпионаж». Особенно, в связи с этим, интересовал Хвостова вопрос об «Электрическом Обществе 1886 года», а также о различных военных заказах, исполнявшихся фирмами «Сименс и Шуккерт», «Сименс и Гальске», а также «Всеобщей Компанией Электричества».[2] Об этом намерении Хвостова было, конечно, известно в думском кругу.

По ходу нашей темы, нам придется теперь остановиться на вопросе о том, что̀ представляло собой это «Электрическое Общество 1886 года». Что это общество являлось германским предприятием,— в этом никогда не было сомнения:[3] «Общество» это было не более как одной из составных частей знаменитого германского концерна «Сименс-Гальске» («Siemens & Halske Aktien-Gesellschaft in Berlin»).[4] Акции «Общества 1886 г.» на русской бирже вовсе не котировались, а котировались только на берлинской бирже, при чем интересы акционеров обслуживались в Берлине «Deutsche Bank» и «Bank für Handel und Industrie».[5] Вместе с тем «Общество 1886 г.» было связано с Петроградским Международным Коммерческим банком, также «работавшим» при крупном участии германского капитала.[6]

---

[1] В своей речи Хвостов более подробно остановился на роли германского капитала в русской нефтяной промышленности, отчасти коснулся, в связи со своей темой, русских частных банков и Путиловского завода; в остальном речь Хвостова содержала обычные, трафаретные суждения «правых» о колонистах и немцах вообще («Стенографический отчет Государственной Думы», заседание 3 августа 1915 г.).

[2] «Падение царского режима», т. I, стр. 5 — 6.

[3] В первом же заседании совета министров, рассматривавшем этот вопрос, было установлено, что это чисто-германское предприятие (показания в Следств. комиссии Челнокова).—В июне 1915 г. совет министров признал деятельность этого общества «вредной для государственных интересов», — об этом тогда же сообщалось в газетах (см., например, «Речь» от 6 июня 1915 г.).

[4] Об этом см. здесь в приложениях к последнему очерку.

[5] См. книгу П. В. О л я «Иностранные капиталы в России». Издание Института Экономических Исследований при Н. К. Ф. П. 1922, стр. 84 и 194.

[6] Об этом см. здесь, глава 4.

В пределах России германское общество «Сименс-Гальске» действовало совместно с другим крупнейшим германским трестом «Всеобщая Компания Электричества» (A. E. G.); кстати сказать, два эти германских треста, вместе с подобным же американским трестом, поделили между собою электрическую промышленность всего мира.

Учитывая германский характер «Общества 1886 г.», может стать вполне понятным, почему Андроников, как ярый патриот, постарался привлечь к власти Хвостова: ясно, что последний, согласно ведшейся правительством борьбе с «немецким засильем», мог бы пригодиться в этом деле. Понятно, что и А. Ф. Романова, и Вырубова, как истинные патриотки, всеми силами старались поддержать кандидатуру Хвостова.

Такое объяснение вытекает вполне естественно. Но это только так кажется. Дело принимает совсем другой оборот, и «патриотизм» Андроникова получает совсем иную окраску... Оказывается, сам Андроников является не кем иным, как радетелем интересов этого «Общества 1886 года»...

Однако, раньше, чем говорить об этом, надо сделать маленькое пояснение: дело в том, что ликвидации «Общества 1886 года», как германского предприятия, настойчиво добивалась московская буржуазия, в лице городской думы, — добивалась на том же самом основании, по которым были ликвидированы другие германские предприятия; однако, правительство, несмотря на все настояния московской думы, так и не ликвидировало «Общества 1886 г.». И это, несмотря на всю ту травлю, которая шла не только против германских предприятий, но и против отдельных немцев и полунемцев... Это объясняется тем, что у «Общества 1886 г.» нашлась сильная защита, и наиболее энергичным защитником его в 1915 году был как раз Андроников.

Относительно роли его в этом деле говорит тот самый Белецкий, которого Андроников, одновременно с назначением Хвостова, поставил в товарищи министра.

Белецкий, со слов самого Хвостова, в свое время узнал, что «явно неблагоприятное отношение Горемыкина к неоднократным настойчивым просьбам московской городской думы о передаче городскому общественному управлению «Общества электрической энергии 1886 г.» объясняется далеко небескорыстными комиссионными услугами, оказанными «Обществу» со стороны князя Андроникова».

Однако, Хвостов, по своем вступлении в должность, выразил намерение вновь возбудить в совете министров вопрос о необходимости удовлетворить ходатайство московского городского управления и просил Белецкого выяснить, какое это произведет впечатление на Горемыкина и на Андроникова.

«Когда я, — говорил Белецкий, — при первом свидании с князем Андрониковым, сказал ему о полученной А. Н. Хвостовым в Москве просьбе городского общественного управления о передаче в пользование последнего всех предприятий «Общества» и о том, что А. Н. Хвостов предполагает своим заступничеством за московские городские интересы показать не только ведомственную политику в отношении его к интересам городов, но и наглядно оттенить этим его первые начинания в государственном вопросе борьбы с немецким засилием, то князь Андроников растерялся, начал объяснять, что это не немецкое, а швейцарское предприятие, показал мне брошюры, в этом направлении изданные, и сказал, что если А. Н. Хвостов начнет снова подымать этот вопрос в совете министров, то Горемыкин ни за что этого не допустит, так как Горемыкин составил об этом деле себе иное представление; прося моего воздействия на А. Н. Хвостова, (Андроников) заявил, что, если А. Н. Хвостов хочет с ним окончательно разойтись, то пусть попробует итти в этом деле против Горемыкина, но он, князь, думает, что А. Н. Хвостов настолько умный человек, что учтет все обстоятельства и не станет ссориться с ним, князем, и Горемыкиным, на что он, князь Андроников, и сам ему, Хвостову, укажет. Затем я, — говорит Белецкий, — будучи у Горемыкина через день, в той же форме, что и князю Андроникову, передал Горемыкину о существе намерений А. Н. Хвостова в деле «Общества 1886 г.» и тоже увидел, что при всей выдержанности этого человека, производившей на многих, мало его знающих, впечатление полного безразличия к делам государственного порядка, Горемыкин проявил нервную восприимчивость к этому моему докладу: Горемыкин, показав мне журнал совета министров, заявил, что он не позволит вновь обсуждать этот вопрос и что, в случае выступления А. Н. Хвостова в совете по поводу пересмотра этого дела, он должен будет обратиться к государю».

Из дальнейших слов Белецкого видно, что он передал обо всем этом Хвостову, отметив при этом, что, «судя по всему, действительно, ему, А. Н. Хвостову, придется считаться с последствиями своего выступления в совете по этому делу»; вместе

тем Белецкий сообщил и Андроникову, что его с ним разговор он передал Хвостову, при чем Андроников отвечал, что он, после этого разговора, уже «лично говорил с Хвостовым и думает, что А. Н. Хвостов не будет по этому вопросу выступать в совете». [1]

Эти данные позволяют уяснить, какова была цель рекомендации Андрониковым в министры Хвостова: цель была та, чтобы, во-первых, парализовать возможность его выступления в Думе против этого «Общества» и других германских трестов, и, во-вторых, подкупив Хвостова министерской карьерой, найти в нем посредством этого такого человека, который, в качестве министра, не смел бы пойти против интересов этого «Общества».

Это потом признал и сам Хвостов. Указывая на цель его назначения министром, он говорил:

«Цель была та, чтобы меня взять в среду правительства, с тем, чтобы не было выступлений о немецких капиталах и, главным образом, об электрических предприятиях».[2]

К этому надо только добавить, что Хвостов в своих показаниях извращает роль отдельных лиц, выдвигавших его в министры. По словам Хвостова, Николай относился к нему благосклонно, интересовался им, но А. Ф. не давала согласия на его назначение; равным образом, будто бы мешал этому и Распутин. [3]

Это, как мы видели, в корне неверно: именно Николай колебался целый месяц в вопросе о его назначении, тогда как А. Ф. вела все это время энергичную кампанию в его пользу, найдя поддержку и у Распутина.

Что касается Андроникова, то Хвостов, хотя и признает, что он «принимал некоторое участие» в его назначении, но уже этими словами преуменьшает роль, сыгранную Андрониковым: в действительности, именно Андроников, в полном смысле слова, сделал Хвостова министром.

В результате, все это дело показывает, что сам Хвостов, пытавшийся бороться с «немецким засильем», попал в министры только для защиты германского капитала и, таким образом, сам пал жертвою этого «засилья».

Добавим к этому, что, как мы отмечали, позднее Андроников был отстранен от себя Распутиным и Романовыми; но у «Общества 1886 г.» были и другие мощные защитники, так что твердая его позиция не поколебалась. Московская городская дума, во главе

---

[1] Письменные показания Белецкого.
[2] «Падение царского режима», т. I, стр. 22.
[3] Там же, стр. 6—7.

с кадетом Челноковым, не переставала, однако, настаивать на ликвидации «Общества» вплоть до революции. Дело кончилось тем, что «Общество» не только не было закрыто, но получило в конце 1916 г. от прислуживавшегося к Распутину министра торговли и промышленности кн. Шаховского гарантии на заем в банках на 4 миллиона рублей.[1]

Так окончилась эта длительная борьба, где на одной стороне выступала московская буржуазия, на другой — германское электрическое общество, поддерживавшееся могущественным германским трестом, связанным с германскими же банками и с Русским Международным банком, простыми агентами которых были в этом деле как кн. Андроников, так Распутин и А. Ф. Романова.

По связи с именем А. Н. Хвостова мы перейдем теперь к характеристике обстоятельств карьеры (правда — неудачной) графа В. С. Татищева.

Хвостову, когда он стал министром, захотелось иметь, в качестве министра финансов, своего человека; это ему нужно было, прежде всего, для беспрепятственного раскрадывания десятимиллионного фонда, отпущенного Хвостову для подготовки выборов в V Думу. Следуя старому фамусовскому принципу, Хвостов решил провести в министры финансов своего «человечка», графа Татищева.

Татищев — довольно крупная фигура в банковском и промышленном мире. Он был председателем правления и директором Соединенного банка (в Москве), председателем правления Товарищества для торговли в Персии и Средней Азии, участвовал в крупнейших золотопромышленных, железнодорожных и страховых предприятиях.

В ноябре 1915 г. А. Ф. Романова, по инициативе А. Н. Хвостова и при поддержке Распутина, выдвигает в письмах к Николаю кандидатуру этого Татищева в министры финансов. Надо сказать, что тогдашний министр финансов Барк хотя и старался, по мере сил, лакействовать перед Распутиным (как ранее перед кн. Мещерским, благодаря которому и Манусу Барк стал и министром), но, видимо, все-таки не в той мере, которая вполне обеспечивала благосклонность Романовых. К тому же Барк скомпрометировал себя в их глазах участием в коллективном заявлении министров по поводу смены в. к. Николая

[1] «Финансовая Газета», 1916 г., № 371, от 7 декабря.

Николаевича, — и этого А. Ф. простить ему не могла.[1] Таким образом, у Барка не было здесь устойчивой почвы, а Хвостову, как мы видели, хотелось приставить к русским финансам своего родственника.

В связи с такими обстоятельствами А. Ф. писала своему мужу, 13 ноября 1915 г., между прочим, следующее:

«Знаешь ли ты графа Татищева (банковского) из Москвы? Я думаю, это сын или племянник старого генерал-адъютанта. Он очень предан тебе, говорят, что ты его знаешь — он очень любит Григория, не одобряет московское дворянство, к составу коего принадлежит; уже далеко не молод. Он приходил к А.[2] поговорить, — видит ясно ошибки, сделанные Барком, — вероятно, относительно займа и его фатальных последствий. Наш Друг говорит, что Татищеву можно доверять, — он богат и хорошо знаком с банковским миром. Было бы хорошо, если бы ты повидал его и выслушал его мнение. Она говорит, что он очень симпатичен. Я могу с ним познакомиться. Но только моя голова, я уверена, никогда не разберется в денежных делах — я так их не люблю. Но он мог бы изложить тебе свой взгляд на дело и помочь тебе советом».[3]

Через некоторое время (19 декабря) А. Ф. вновь поддерживает кандидатуру Татищева, указывая вместе с тем на непригодность Барка. Про последнего она, между прочим, пишет:

«...Он сам не чувствует себя очень твердо на своем посту с тех пор, как подписал это письмо с другими министрами, которые с тех пор почти все вышли в отставку, — и поэтому старается более или менее поладить с партией Гучкова. Говорят, что умный министр финансов мог бы легко поймать Гучкова в ловушку и обезвредить его, лишив его денег от евреев».[4]

Оказывается, что к этому времени гр. Татищев уже успел добиться свидания с А. Ф. Романовой, и она сообщала тогда Николаю о своих личных впечатлениях: «он знающий человек, знает и глубоко уважает нашего Друга и в отличных отношениях с Хвостовым — даже в родстве с ним, — человек очень преданный и желающий только блага тебе и России».

---

[1] См. здесь, стр. 93 — 94.
[2] Т.-е. к Анне Вырубовой.
[3] «Переписка», т. III, стр. 455 — 456.
[4] Там же, стр. 501.

Вся сила аргументации применяется А. Ф. для того, чтобы заставить Николая согласиться на предлагаемое назначение:

«Его (Татищева) имя на устах у многих, — утверждает А. Ф.— На него указывают, как на человека, способного спасти финансовое положение и исправить ошибки, сделанные Барком. Он человек с независимыми убеждениями, не ищет личных выгод, богат, князь[1] и враг партии Тютчевых и Самариных. — «Он свой человек, наш и нас не предаст», как говорит Хвостов. А его любовь к нашему Другу является несомненным благословением и преимуществом. Подумай и поговори о нем с Хвостовым при свидании. Он, конечно, не в праве вмешиваться в дела, которые его не касаются, но они очень дружно работали бы вместе! Он ненавидит Гучкова и всю московскую клику и произвел на меня очень хорошее впечатление. Андроников без всякой причины отзывался некрасиво о Татищеве Воейкову, в чем он сам потом сознался».

А. Ф. настойчиво советует Николаю повидать Татищева:

«Повидай его, когда приедешь, и поговори с ним по душе». А. Ф. утверждает, что если назначить Татищева, то «совет министров станет работать более дружно — все наладится, — кроме того, они будут защищать нашего Друга из любви к тебе и уважения к нему».[2]

А. Ф. расхваливала так Татищева под влиянием А. Н. Хвостова и Распутина. Почему Хвостов выдвигал Татищева — это мы видели. — Но является вопрос: почему Распутин так рекомендовал графа Татищева? Дело объясняется просто: граф оказывал семье Распутина «материальную поддержку», которая выразилась в крупной сумме — чуть ли не в 100 тысяч рублей.[3]

Не довольствуясь подкупом Распутина Татищев, для большего успеха дела, свел знакомство с митрополитом Питиримом, с Вырубовой, со Штюрмером, с дворцовым комендантом генералом Воейковым; последнему Татищев предложил услуги Соединенного банка по организации акционерного общества для эксплуатации источника воды «Кувака» (чем раньше Воейков промышлял единолично), и дворцовый комендант, приняв эти услуги, установил с графом Татищевым «хорошие отношения».

---

[1] А. Ф. так увлекается расхваливанием, что даже называет Татищева князем, хотя он был только — графом.

[2] «Переписка», т. III, стр. 501 — 502.

[3] Показания Белецкого в Следственной комиссии, — допрос 5-й.

Вместе с тем, для лучшего воздействия на самого Распутина и устройства с ним частых свиданий, Татищев приставил к нему специальную агентуру в лице своего двоюродного брата, родственника министра внутренних дел А. Н. Хвостова, помощника директора Соединенного банка И. С. Хвостова, — при чем последний денег на это дело (банковских) «не жалел».[1]

Но графу Татищеву всего этого казалось еще недостаточным: министр финансов — такой пост, устойчивое положение на котором во многом зависело не только от русских, но и от «союзных» с ними французских капиталистов. Поэтому Татищев принял меры к популяризации своего имени во французской печати. Была написана особая статья для французской газеты «Temps», в которой намекалось на желательность привлечения к власти графа Татищева. Устроить эту статью во французской газете и вообще вести агитацию в пользу гр. Татищева в печати взялся Манасевич-Мануйлов, получивший за это 25 тысяч рублей.[2]

Однако, несмотря на эти взятки Распутину и энергичную, вследствие этого, агитацию А. Ф. Романовой, назначение Татищева министром не состоялось. Это был редкий и почти исключительный случай, когда рекомендация Распутина не дала желаемого результата. Но успеху дела помешала другая перекрестная кампания, ведшаяся опять-таки при помощи Распутина... Назначению Татищева министром воспрепятствовал, как оказывается, Манус, который действовал также через Распутина.[3]

Таким образом, при посредстве одного Распутина шли две противоположных комбинации. Распутин, видимо, сам не вполне разбирался в том, за кого выгоднее стоять: за Татищева или за Барка. Но если в комбинации Мануса на этот раз не входила смена Барка, то это не означает, конечно, что через некоторое время тот же Манус не мог бы занять противоположную позицию: достоинство или пригодность министра финансов рассматривались в данном случае только с точки зрения успеха биржевых комбинаций Мануса.

В этом отношении тот же Хвостов приводит характерный рассказ об эпизоде с письмом, полученным Манусом от Саблина

---

[1] Все обстоятельства кандидатуры Татищева подробно изложены в письменных показаниях Белецкого.

[2] Это показывал сам Манасевич-Мануйлов на суде по его делу — см. отчеты в «Русской Воле», с 14 по 19 февраля 1917 года.

[3] Показания А. Н. Хвостова в Следственной комиссии, допрос 2-й.

(приятеля Николая II). Письмо было такого приблизительно содержания:

«Вы, Иван Порфирьевич (так звали Мануса), мне не приказывайте ругать Барка: вы три дня тому назад приказывали хвалить его — я его хвалил... Как же возможно сразу его ругать?».[1]

«Ругать» и «хвалить» нужно было в Царском Селе или в ставке — перед Николаем или перед Александрой Федоровной. И что записка могла быть такова, — не текстуально, конечно, а по смыслу, — это вполне вероятно, хотя бы уже потому, что Саблин, действительно, исполнял роль посредника между Романовыми и Манусом.

Позднее, против Татищева было возбуждено обвинение в «государственной измене» (108 ст. угол. улож.). Повидимому, некоторую роль играла здесь интрига того же Манасевича-Мануйлова, мстившего Татищеву за то, что, по инициативе его товарища по Соединенному банку И. С. Хвостова, Манасевич был предан суду. Тем не менее какие-то темные дела за Татищевым были, и для того, чтобы парализовать все обвинения, Татищев прибег к помощи Протопопова, которому выдал 100 тысяч рублей «на покупку муки» для «лавок общества борьбы с дороговизной». Муки Протопопов, конечно, не покупал, но для того, чтобы пресечь возникшие против Татищева обвинения, решил, в противовес деятельности комиссии Батюшина, преследовавшего этого банковского дельца, назначить «наблюдающим за ходом следственных дел в этой комиссии» известного Белецкого, который Татищева защищал.[2] Таким образом, возникавшие против Татищева обвинения (повидимому, связанные с прикосновенностью к немецкому капиталу) могли бы быть легко замяты.

2.

С именем Распутина связана широкая «деятельность» двух видных фигур умиравшей монархии — Рубинштейна и Манасевича-Мануйлова.

Рубинштейн был одним из наиболее близких к Распутину людей; во всяком случае, у них были не менее тесные отношения, чем те, которые у Рубинштейна существовали с различными банками и биржей. В последней сфере он был лицом довольно

---

[1] «Падение царского режима», том I, стр. 17.

[2] Письменные показания Белецкого.

крупного калибра.[1] Так, он состоял директором и членом правления Русско-Французского банка, директором правления общества Петро-Макарьевских и Варваропольских каменноугольных копей, Русского акционерного общества для эксплуатации Таганских каменноугольных копей и антрацитовых рудников в Донецком бассейне, страхового общества «Волга», Петроградского общества страхования, членом правления Елисаветградского электрического общества и проч. Этот перечень ясно показывает, в каких отраслях промышленности «работал» Рубинштейн.

Что касается Манасевича-Мануйлова, то хотя он не посвятил себя специально этого рода деятельности, но, конечно, занимался биржевой спекуляцией и наживал на этом не одну сотню тысяч. Секретный агент департамента полиции, нововременский журналист и аферист, Манасевич-Мануйлов играл крупную роль при Распутине и Штюрмере и, в сущности, даже и определил последнего в министры.[2] Для нас интересно, главным образом, то, что Манасевич, состоя при Распутине и Штюрмере, был вместе с тем и агентом некоторых крупных банковских дельцов; в частности, Манасевич, в качестве сотрудника «Нового Времени», состоял, как увидим ниже, на секретной службе у того же Рубинштейна, владевшего значительным количеством акций этой газеты.

Конечно, все то, что мы будем говорить о Рубинштейне и Манасевиче, интересно не по личности их самих, но по тому, что эти, в конце концов, мелкие пешки характеризуют не только самих «королей», но и проливают свет в некоторые, весьма характерные, тайники правительственной политики.

10 июля 1916 г. Рубинштейн был арестован военными властями: несмотря на то, что он был директором Русско-Французского банка, он был заподозрен в спекулятивных операциях с немецким капиталом (в чем, конечно, принимая во внимание интернациональность капитала, нет ничего удивительного). Против Рубинштейна возникли, между прочим, обвинения в том, что он производил учет векселей «Немецкого Банка» в Берлине и выплачивал, через нейтральные банки, деньги кредиторам Русско-Французского банка, состоявшим в германском и австрийском подданстве. Рубинштейну также инкриминировалась продажа Русско-Французским банком акций общества «Якорь» некоему Висту, что, по заключению следственных властей, могло «послужить

---

[1] Один перечень его финансовых и промышленных «должностей» занимает в адресной книге «Весь Петроград» 17 строк.

[2] См. ниже.

в пользу неприятелю», ставилось также в вину взимание высокого комиссионного вознаграждения, в связи с теми заказами, которые выполнялись за границей представителями русского интендантства; следственные власти находили, что таким путем Рубинштейн также «способствовал неприятелю». Кроме того, он обвинялся в спекуляции хлебом на Волге и пр.[1]

Рубинштейну по некоторым из этих его «дел» было предъявлено обвинение по 108 ст. уголовн. уложения («государственная измена»). Следственное производство по этому делу захватило несколько судебных округов.

Мы не знаем, насколько справедливы были эти обвинения, а потому, не касаясь существа этого дела, мы отметим лишь его последствия, которые представляются весьма характерными.

Когда Рубинштейн был арестован, то перед Распутиным и А. Ф. Романовой встала задача добиться его освобождения: к этому они приложили все свои энергичные усилия.

Первые просьбы А. Ф. за Рубинштейна мы встречаем в письме ее к Николаю от 26 сентября 1916 г.; ссылаясь на мнение Распутина и его прислужника Протопопова, А. Ф. просит Николая, чтобы Рубинштейна «потихоньку услали в Сибирь и не оставляли бы здесь для раздражения евреев».[2]

Приплетая сюда ни с того ни с сего евреев, А. Ф. всю вину за это дело пытается свалить на ярого своего врага, Гучкова: ссылаясь на мнение Протопопова, А. Ф. уверяет Николая, что это Гучков подстрекнул военные власти схватить Рубинштейна, в надежде найти доказательства «против нашего Друга» (т. е. Распутина). «Конечно, — прибавляет А. Ф., — у него (Рубинштейна) были некрасивые денежные дела, но не только у него одного».

В следующем письме (27 сентября) А. Ф. настойчиво добивается, чтобы Николай переговорил об этом деле с Протопоповым.[3] Но так как ожидаемое решение Николая (находившегося в ставке под некоторым влиянием ген. Алексеева) несколько запаздывает, то в дело вмешивается сам Распутин и шлет Николаю следующую телеграмму (11 октября):

«Ставка. Государю Императору.

Очень кротко и ласково беседовали с Калинкиным,[4] умоляет, чтобы ему никто не мешал, также контр-разведка пусть ведет

---

[1] «Русское Слово», 17 января 1917 г., № 13 — «Дело Рубинштейна».
[2] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 202.
[3] Там же, стр. 205.
[4] Кличка Протопопова.

свое дело. Ласково беседовали об узнике, по-христиански. Напиши им всем, чтобы чаще беседовали, они послушают тебя, все-таки дай власть одному, чтобы работал разумом. Новый».[1]

«Узник», о котором идет речь, это и есть Рубинштейн.

Через некоторое время (31 октября) А. Ф. сообщает Николаю сенсационную новость: «Рубинштейн умирает»[2] (что не мешает ему здравствовать и поныне где-то за границей). Так как Рубинштейн был арестован по распоряжению военных властей, то А. Ф. предписывает Николаю:

«Телеграфируй или дай Алексееву приказание немедленно телеграфировать Рузскому передать Рубинштейна из Пскова министру внутренних дел (лучше телеграфируй сам, тогда он исполнит сейчас же)».

Все это А. Ф. высказывает, очевидно, согласно воле Распутина, так как в этом же письме она, уже прямо ссылаясь на его просьбу, настаивает также на прекращении дела Сухомлинова и даже сообщает текст телеграммы, какую Николай должен послать об этом последнем деле Штюрмеру.

В двух следующих письмах (от 1 и 3 ноября) А. Ф. настойчиво напоминает мужу о Рубинштейне. В результате всех этих хлопот дело Рубинштейна передается министру юстиции, и 6 декабря Рубинштейн освобождается.

Здесь есть еще одно весьма характерное обстоятельство: А. Ф. требовала, чтобы это дело передали министру внутренних дел (т.-е. Протопопову), который, конечно, и освободил бы немедленно Рубинштейна. Но такая передача министру внутренних дел, который к этому делу, по своей должности, никакого отношения иметь не мог, вызвала бы, вероятно, некоторые подозрения у арестовавших Рубинштейна военных властей. Этого приходилось избегать; поэтому было решено передать дело министру юстиции (что было, по существу, и правильнее). Но министром юстиции был в это время Макаров, нерасположенный к Распутину. Что оставалось делать? Пустяки: просто взять и сменить Макарова.

К кампании против этого последнего, которая развивалась в связи как с этим делом, так и с некоторыми другими, мы еще вернемся, а теперь скажем о деле Манасевича-Мануйлова.

Почти в одно время с кампанией за освобождение Рубинштейна, Александре Федоровне и Распутину пришлось вести борьбу в защиту другого афериста, ближайшего советника Штюр-

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 211; телеграмма приведена в примечаниях.
[2] Там же, стр. 223.

мера, Манасевича-Мануйлова, арестованного 20 августа 1916 по обвинению в шантаже и служебном взяточничестве.

10 декабря 1916 г. А. Ф. писала Николаю:

«На деле Мануйлова прошу тебя надписать «прекратить дело и переслать его министру юстиции. Батюшин,[1] в руках которо находилось все это дело, теперь сам явился к А.[2] и просил прекращении этого дела, так как он, наконец, убедился, что эт грязная история, поднятая с целью повредить нашему Друг Питириму и др., и во всем этом виноват толстый Хвостов.[3] Ген. Алексеев узнал об этом после от Батюшина. Иначе — чере несколько дней начинается следствие — могут снова поднять весьма неприятные разговоры, и снова повторится этот ужасны прошлогодний скандал. Так вот, пожалуйста, сейчас же, не откл дывая, отошли дело Мануйлова Макарову, иначе будет поздно».[4]

Здесь мысль А. Ф. опять встречается с этим неприятны Макаровым: могут быть «неприятные разговоры», если это пре кращение дела Мануйлова пойдет через его руки. Таким образом и отсюда следовало, что Макарова лучше бы, на всякий случай уволить.

А. Ф. вполне справедливо указала в цитированном письм на тот мотив, по которому распутинской клике необходимо бы замять дело Мануйлова; такими же мотивами, как А. Ф., руко водился и вдохновлявший ее Распутин, несколько, впрочем теперь охладевший к Мануйлову. Относительно этих мотивов Распутина приведем характерные слова Белецкого: «Если, говорит он, — Распутин до своей смерти поддерживал Мануйлова то действовал в данном случае не в силу своего особого распо ложения к Мануйлову и не под влиянием полученного им от Мануйлова подарка в 5 000 рублей, бриллиантового кольца, кул ленного для старшей дочери Распутина Мануйловым у Симановича (после выбора бриллианта Вырубовой), а исключительно в своих личных интересах, боясь каких-либо о себе разговоров на суде».[5]

Кроме борьбы за освобождение Рубинштейна и Мануйлова распутинский круг был крайне заинтересован в рассматриваемое время вопросом о прекращении дела Сухомлинова. Это последнее

---

[1] Батюшин, генерал-майор, руководил комиссией, расследовавшей деятельность банков.

[2] Т.-е. к Вырубовой.

[3] А. Н. Хвостов, бывший министр внутренних дел.

[4] «Семейная переписка Романовых»—«Красный Архив», т. IV, стр. 176

[5] Письменные показания Белецкого в Следственной комиссии.

не входит в пределы настоящей нашей темы, и, если мы указываем на него, то только потому, что та кампания, о которой мы дальше будем говорить, имела целью достигнуть благополучной ликвидации судебных дел всех трех указанных лиц.

Пред Распутиным и А. Ф. Романовой встал, как мы видели, в это время вопрос о необходимости смены министра юстиции, которым был противник Распутина Макаров.

Надо сказать, что Макаров был назначен (7 июля 1916 г.) помимо желания Распутина и А. Ф., и последняя сразу же выразила мужу неудовольствие по поводу этого назначения.[1] Но до ноября его пребывание в качестве министра не имело особенно актуального для распутинской группы значения, и только в ноябре, в связи с вопросом о назначении судебного разбирательства трех отмеченных дел, явилась, как мы видели, острая необходимость сменить Макарова. К этому и направляются теперь все усилия Распутина.

10 ноября 1916 г. А. Ф. осторожно советует Николаю: «Макарова можно было отлично сменить — он не за нас».[2] 5 декабря А. Ф. сообщает Николаю уже решительно: «Распутин умоляет, чтобы скорее сменили Макарова, и я вполне с ним согласна».[3] В этом же письме упоминается впервые, в качестве подходящего человека, фамилия Добровольского, который через некоторое время и заменил Макарова.

В следующем письме к Николаю (6 декабря) А. Ф. снова настаивает: «поскорее отделайся от Макарова, не мешкай (прости меня); мне лично хотелось бы, чтобы ты взял Добровольского». При этом А. Ф. добавляет: «Повидимому, история, рассказанная тебе Треповым, неверна (есть однофамилец его — тоже сенатор)».[4]

«История», про которую было известно Николаю, заключалась в имевшихся сведениях о взятках, которые брал Добровольский, — и, вопреки уверениям А. Ф., именно этот.[5] Кандидатура этого лица была выставлена одним из близких к Распутину афе-

---

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 143.

[2] Там же, стр. 237.

[3] «Красный Архив», т. IV, стр. 163.

[4] Там же, стр. 166.

[5] По имеющимся у нас сообщениям, вопрос о взяточничестве Добровольского соединялся с так называемым «нефтяным делом» — о сдаче в аренду нефтяных участков в Баку (Сабунчи, Биби-Эйбат и др.). Министерство финансов сдало эти участки с торгов одному из крупнейших нефтепромышленников; мелкие претенденты на это, найдя в этом какие-то неправильности, обжаловали дело в Сенат (где и был обер-прокурором Добро-

ристов — некиим Симановичем (раньше был мелким ювелиром, а в это время — ростовщиком).[1] Но сам Распутин (быть может, и не посвященный в таинные ходы Симановича, имевшего, как будет видно далее, свои особые на этот счет соображения) высказывался против этой кандидатуры, находя, что нельзя делать министром юстиции «заурядного мошенника»[2] (незаурядного, — очевидно, можно). Однако, позднее Распутин изменил это мнение и согласился на это назначение, — конечно, потому, что Рубинштейн, настаивая, через Симановича, на назначении Добровольского, пообещал крупную взятку Распутину.

В результате, после еще нескольких ударов А. Ф. по Макарову, — последний 20 декабря 1916 г. увольняется от должности министра. На его место назначается «заурядный мошенник» Добровольский.

Следует, однако, сказать, что приказание о прекращении дела Манасевича было отдано Николаем еще министру Макарову. Приказание это было результатом требований А. Ф. (см. письмо ее к Николаю от 10 декабря, цитированное выше). Николай сообщил свое распоряжение Макарову следующей телеграммой от 14 декабря 1916 г., которая была передана шифром:

«Повелеваю вам прекратить дело о Мануйлове и не допустить его до суда. Николай».[3]

Вследствие этого распоряжения, назначенное к слушанию в суде на 15 декабря дело Манасевича было тогда отложено, за «неявкой свидетелей», Манасевич же был освобожден.

Что касается Рубинштейна, то он был освобожден (6 декабря) также еще до увольнения Макарова, но помимо его; однако, дело Рубинштейна прекращено не было.

Когда Добровольский был назначен министром, то он должен был, прежде всего, выполнить свою главную миссию: совсем прекратить дело Рубинштейна.

Чтобы заставить Добровольского это сделать, к нему был направлен тот самый аферист Симанович, благодаря которому этот министр получил свой пост. Симанович настаивал на прекращении дела Рубинштейна и указал, что последний обещал за

вольский). В связи с рассмотрением этого дела Сенатом, оставившим в силе договор о сдаче участков, Добровольский, согласно циркулировавшим слухам, обвинялся во взяточничестве.

[1] Письменные показания Белецкого.

[2] «Падение царского режима», т. II, стр. 62 — показания Манасевича-Мануйлова.

[3] С подлинника.

это «чуть не полмиллиона».[1] Однако, Добровольский принять взятку, повидимому, не решился.

В дальнейшем Добровольскому не удалось вполне удовлетворить требованиям распутинцев. Дело в том, что для того, чтобы держаться на посту министра, приходилось лавировать между руководящим распутинским центром и Думой, а также отвечать в ней на возможные думские запросы, — это создавало некоторые осложнения, тем более, что в январе предстояло в Думе обсуждение бюджета министерства юстиции; тогда (это было 21 января 1917 г.), действительно, были сделаны запросы о «делах» Рубинштейна, Манасевича и Сухомлинова. Таким образом, из боязни Думы, не пришлось все-таки прекратить этих дел.

Но это уже вопрос второстепенный. Для характеристики режима важно то, что биржевым дельцам — Рубинштейну, Симановичу и Мануйлову удалось, через Распутина и А. Ф. Романову, добиться даже смены министра юстиции, в целях ликвидации компрометировавших их (и Романовых) судебных дел. В борьбе за эту цель образовался своеобразный «единый фронт»: русская императрица (а за ней и император), Распутин, Рубинштейн, Симанович, Мануйлов. Интересы биржевых дельцов здесь резко и наглядно сочетались с интересами Романовых. И ради беспрепятственного продолжения финансовых спекуляций Рубинштейнов пророчески звучал голос Распутина.

Впрочем, в обстоятельствах смены Макарова, в конце концов, нет ничего удивительного: министры увольнялись мошенниками — ими же они и назначались; ведь, и сам Штюрмер, председатель совета министров, занял свой пост, главным образом, по настоянию того же Манасевича-Мануйлова, — последний был инициатором и той кампании, которая, в конце концов, привела к увольнению Штюрмера.

Расскажем вкратце об этом, по связи с именем Мануйлова, для характеристики той системы, при которой министры избирались разными аферистами и спекулянтами.

Когда встал вопрос об отставке Горемыкина, то в «сферах» затруднялись найти ему преемника; делу помог Манасевич-Мануйлов, указавший на Штюрмера митрополиту Питириму, — тот, не знавший лично Штюрмера, познакомился с ним и обратил на него внимание Распутина; последний же указал на него А. Ф. Романовой, и она вполне поддержала это назначение. Дальнейшее про-

[1] «Падение царского режима», т. II, стр. 326 — показания Добровольского.

талкивание Штюрмера в министры происходило все время при энергичной работе Мануйлова, действовавшего всеми доступными ему средствами.

Надо к этому прибавить, что Штюрмер давно уже делал попытки стать министром, при чем поддерживался влиятельными «правыми», для объединения которых образовал даже свой «политический салон». Но все усилия этих «правых» не имели успеха, пока за дело не взялся Манасевич-Мануйлов. [1]

Начатая А. Ф. кампания в пользу Штюрмера развивалась энергично. Видимо, уже раньше поговорив о Штюрмере с Николаем, А. Ф. возбуждает затем этот вопрос в письмах к нему: «Душка, — пишет ему А. Ф. 5 января 1916 г., — в самом деле, ты думаешь ли теперь серьезно о Штюрмере. Я думаю, что стоило бы рискнуть его германским именем, так как мы знаем, какой он настоящий человек...» [2] и т. д. В следующем письме А. Ф. уверяет Николая, что голова у Штюрмера «совсем достаточно свежа». [3] Потом, ссылаясь на мнение Распутина, А. Ф. указывает Николаю, чтобы он взял Штюрмера «по крайней мере на время, так как он такой решительный и лойяльный человек и будет держать других в руках». [4] После этих указаний Штюрмер был назначен (20 января 1916 г.) председателем совета министров.

Но Штюрмер не имел, видимо, «достаточно совсем свежей головы» и потому постарался сразу же найти для своего пользования чужую подходящую голову; она оказалась у его старого «сподвижника» Гурлянда, который и стал ближайшим советником Штюрмера по вопросам внутренней политики. Гурлянд вместе с тем сразу после этого тесно сблизился с банками, «войдя членом правления, с крупным окладом, в некоторые частные общества и выгодно помещая свой капитал в биржевую игру через банк Утина». [5] «Банк Утина» — это Петроградский Учетный и Ссудный банк, председателем правления которого этот Утин состоял; этот же Я. И. Утин был и председателем синдиката всех частных банков. [6]

---

[1] Письменные показания Белецкого.

[2] «Письма А. Ф.», т. I, стр. 353.

[3] Там же, стр. 359, письмо от 7 января.

[4] Там же, стр. 365, письмо от 9 января.

[5] Письменные показания Белецкого. Банки пристроили не только самого Гурлянда, но даже и его брата; последний при посредстве того же Утина составил себе «завидное в материальном отношении служебное положение», получив возможность принять участие «в разного рода акционерных и банковских предприятиях» (там же).

[6] Об этом см. далее, глава 4.

Отметим кстати, что когда было решено возбудить дело Рубинштейна, то Гурлянд был обвинен в том, что при его посредстве последний узнал об ожидающем его аресте.[1]

Влияние Гурлянда (официально состоявшего членом совета министра внутренних дел) на Штюрмера стало вскоре несколько пересаливать роль при нем Манасевича-Мануйлова. Последний начал обвинять Штюрмера в неблагодарности к себе, как к лицу, поставившему его в министры. В связи с этим Манасевич, сначала осторожно, потом более решительно, начал кампанию против Штюрмера, возбудив, в конце концов, против него всех его покровителей. Это было для Штюрмера серьезной опасностью, — поэтому он должен был пойти на уступки. Тогда Манасевич, чтобы обеспечить себе первую роль, выставил, — по словам Белецкого, — проект о необходимости создать при Штюрмере «как бы особый сверх-департамент полиции, учреждение совершенно законспирированное от всех высших правительственных лиц и установлений (в том числе, в особенности, от департамента полиции),[2] которое имело бы во главе, в качестве руководителя, полковника Резанова, а Мануйлова — в роли его помощника».[3] Пользуясь особым широким кредитом из военного фонда, этот «сверх-департамент» мог бы, — по словам Белецкого, — «при помощи огромной сети своей агентуры, освещать для председателя совета министров не только политическое и общественное настроение империи, но и сферу дипломатическую, не исключая дружественных нам держав, в особенности Англии, торговлю и промышленность, печать — русскую и заграничную, все министерства, законодательные палаты, а также настроение армии и флота, как на театре военных действий, так и внутри империи». Эта мысль очень понравилась Распутину, — «и только арест Мануйлова, а затем последовавшая в скорости после этого смена Штюрмера на посту министра внутренних дел приостановили приведение ее в исполнение».[4]

Таким образом, этот план Манасевича, наделявший его почти неограниченной властью, не осуществился, и сам он попал в тюрьму. Но веденая им против Штюрмера агитация не прошла бес-

---

[1] Доклады Штюрмера Николаю II, сводка от 1 августа («Монархия перед крушением»).

[2] Директором его был Климович — противник Манасевича-Мануйлова.

[3] Это не помешало бы Манасевичу играть первую роль, так как Резанов был у него в руках.

[4] Письменные показания Белецкого.

следно, — доверие к Штюрмеру было подорвано, в чем, конечно, кроме усилий Манасевича, был и ряд других причин; тем не менее, — по словам Белецкого, — Манасевич «сыграл не малую роль» в том, что Штюрмер был уволен.

От всех этих эпизодов, характеризующих то, как по воле отдельных распутинских аферистов назначались и увольнялись министры, мы, по связи с именами Рубинштейна и Манасевича, перейдем к вопросу о их «газетной деятельности». Она касается суворинской газеты «Новое Время» и представляет некоторые весьма характерные штрихи.

Отметим прежде всего, что германское правительство еще до войны делало попытку подкупить суворинскую газету. Об этом в Госуд. Думе 1 ноября 1916 г. заявлял Милюков, в связи с именем Манасевича-Мануйлова;[1] подробнее говорил об этой же истории Милюков в своих показаниях в Следственной комиссии, и будет небезынтересно привести здесь это показание.

«Это было, — говорит Милюков, — в то время, когда Извольский состоял министром иностранных дел. К нему явился Пурталес,[2] очень смущенный, и, заявив, что он попал в чрезвычайно неприятное положение, рассказал ему историю, о которой Извольский раньше знал — именно о попытке подкупа одного из сотрудников «Нового Времени». При этом указывалась довольно солидная сумма, — кажется 800 тысяч, — которая была дана в распоряжение Пурталеса для этого подкупа. Посредником при этой операции взялся быть Манасевич, который и сделал это предложение. Мне говорили, что он сделал это предложение Пиленко,[3] который отказался и прогнал его.[4] Он об этом факте отозвался уклончиво, но, так как я имел сведения от Извольского, а Извольский сослался на Пурталеса, то это для меня было несомненным фактом, который давал мне возможность на это сослаться,[5] характеризуя Манасевича».[6]

---

[1] «Стенографический отчет Госуд. Думы», 1 ноября 1916 г.

[2] Германский посол в России.

[3] Сотрудник «Нового Времени», профессор Петерб. университета.

[4] В Госуд. Думе, в заседании 19 ноября 1916 г., Пуришкевич заявлял, что в 1909 г., во время боснийского кризиса, товарищ министра иностр. дел Чарыков получил от проф. Пиленко папку документов, указывавших, что тогда была сделана попытка «создать в России орган печати, политически и экономически обслуживающий германские интересы». («Стеногр. отчет. Гос. Д.», стр. 280.)

[5] В Госуд. Думе.

[6] 2-е показание Милюкова в Следств. комиссии. — В своей думской речи Милюков был «очень рад сказать», что, после попытки подкупа газеты

Значительно позже, в 1915 г., возник вопрос о продаже акций того же «Нового Времени», хотя не немцам, но Рубинштейну; этот вопрос отражается в переписке Романовых. Но Рубинштейн тогда еще не пользовался защитою А. Ф. Романовой и, видимо, был ей еще неизвестен. Вот что она пишет 19 декабря 1915 г. Николаю:

«Хвостов [1] и многие другие благонамеренные люди находят Барка не на высоте положения. Во всяком случае, он Хвостову не помогает — давно уже у него просили денег для частичного подкупа «Нового Времени» (к сожалению, министры сказали об этом Барку, а не Хвостову, которому бы это, наверное, удалось, — тогда как Б. медлит по собственным соображениям), — и в результате газету подкупают Гучков с евреями, Рубинштейнами и т. п. и помещают свои тенденциозные статьи». [2]

Участие в этом деле такого опасного, по представлению Романовых, человека, как Гучков, было, несомненно, одним из поводов того, что А. Ф. запротестовала против этой сделки.

Надо кстати заметить, что самый вопрос о подкупе «Нового Времени» Хвостовым стоит в связи с имевшимся тогда в правительстве планом о воздействии на печать (официально это мотивировалось подготовкой к созыву Г. Думы); на осуществление этого плана отпущен был кредит из особого 10-миллионного фонда.

Однако, несмотря на тревогу А. Ф., Хвостов, как оказывается, все-таки не бездействовал; за три дня до цитированного письма А. Ф. Хвостов писал Горемыкину следующее:

«По поводу обсуждавшегося при моем участии вопроса о желательности приобретения большинства паев товарищества

«сотрудники «Нового Времени» вышвырнули Манасевича-Мануйлова из своей квартиры». Однако, факты говорят обратное: из справки, данной самим «Новым Временем» на суде по делу Манасевича-Мануйлова в феврале 1917 г., видно, что последний работал в «Новом Времени» с 1890 г. и получал сперва мало, но с 1912 г. его гонорары резко увеличились, и Манасевич стал здесь зарабатывать свыше 10 тысяч рублей в год. В общем за все время работы в «Новом Времени» он получил около 75 тысяч и, кроме того, приблизительно такую же сумму в «Вечернем Времени».

Таким образом, никто Манасевича из нововременской среды не выкидывал, а наоборот — после эпизода с подкупом Манасевич вскоре начал в этой газете процветать. (См. отчеты о процессе Манасевича-Мануйлова в «Русской Воле» с 13 по 18 февраля 1917 г.)

[1] А. Н. Хвостов — министр внутр. дел.

[2] «Переписка», т. III, стр. 501.

«Новое Время», имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что ныне мне удалось приостановить сделку, которую предполагал заключить банкир Д. Л. Рубинштейн с Анастасией Алексеевной Сувориной и ее матерью, и потому теперь представляется удобный случай срочно прпобрести принадлежавшие последним паи названного товарищества».[1]

Переговоры об этом было поручено вести Белецкому. Он говорит об этом так:

«Мною были начаты переговоры с А. А. Сувориной (дочерью покойного Суворина), акции которой на невыгодных для нее условиях были запроданы Русско-Французскому банку, и с ее матерью. Вследствие этого поручения я и познакомился с Д. Рубинштейном, который, после нескольких переговоров, пошел на уступку акций даже с некоторым для себя уроном, но окончить мне это не удалось, так как уже последовал мой уход с должности товарища министра и назначение председателем совета министров Б. В. Штюрмера, который взял это дело в свои руки».[2]

У нас нет документальных данных о том, чем закончилось это дело, но, повидимому, правительство все-таки перекупило у Рубинштейна запроданные ему акции.

В связи с этой историей надо отметить, что Рубинштейн и до этого эпизода имел значительное количество акций «Нового Времени» и играл в нем крупную роль. Но так как непосредственно принимать участие в редакционной работе Рубинштейн не мог, то для этой цели у него состоял на службе не кто иной, как тот же Манасевич-Мануйлов. Обо всем этом сам Манасевич сообщил во время своего судебного процесса. Относительно тех обязанностей, за которые Рубинштейн платил Манасевичу жалованье, последний говорил на суде так:

«Дело в том, что, когда Рубинштейн стал принимать участие в делах «Нового Времени», ему интересно было знать о том, что делается в редакции. Он желал, чтобы я осведомлял его по этой части вместе с одним из других сотрудников.[3] Я, конечно, не считал возможным делать это даром. Вот почему я получал от Рубинштейна жалованье».[4]

---

[1] Письмо это было напечатано в газете «Дело Народа» 1917 г. 2 марта.

[2] Письменные показания Белецкого.

[3] Фамилии последнего Манасевич не назвал.

[4] См. отчет о процессе Манасевича в «Русской Воле» 1917 г., № 44.

Но несомненно, что, помимо этого осведомления, в обязанности Манасевича входило и влиять, насколько возможно, на направление газеты, согласно получаемым от Рубинштейна директивам.

К этому нелишне, пожалуй, прибавить, что, «осведомляя» за постоянное жалованье относительно редакционных дел «Нового Времени» Рубинштейна, Манасевич, вместе с тем, «осведомлял» относительно «работы» самого Рубинштейна комиссию генерала Батюшина, — и полученные от Манасевича данные, очевидно, были очень полезны при возникшем против Рубинштейна обвинении в государственной измене; сам Батюшин признавал, что Манасевич оказал «большие услуги» комиссии.[1] Таким образом, по отношению к Рубинштейну, Манасевич играл явно провокационную роль.

Нас во всей этой истории интересует, между прочим, тот вопрос, что Манасевич, пытавшийся раньше подкупить «Новое Время» на германские деньги через Ильенко, теперь оказался служащим по «Новому Времени» у Рубинштейна, который также был заподозрен в различных комбинациях «работы» с германским капиталом, квалифицированных 108 ст. («государственная измена»).

Нужно, впрочем, сказать, что акции «Нового Времени» Рубинштейн покупал, видимо, не на германские, а на французские деньги (как директор Русско-Французского банка). Возникает вопрос: с какой целью производилась эта покупка. И наиболее вероятный ответ на это тот, что, помимо выгодности этого предприятия, приобретение акций давало вместе с тем французским банкирам возможность воздействовать на русское «общественное мнение» с целью еще более разжигать шовинистические страсти русской буржуазии. «Новое Время» до войны, в сущности, не было вполне «благонадежным» в смысле «союзнической» ориентации. Из числа многих примеров приведем в этом отношении один. В июне 1912 г. Меньшиков в этой газете высказывал такие мысли: «Большую услугу нам и всему свету готовится оказать Германия, собираясь освободить мир от английской морской гегемонии».[2] Таким образом, «Новое Время» ждало в 1912 г. «услуги» от Германии в ее борьбе с Англией, — и вдруг в 1914 г. получилось обратное положение: «услугу» оказывала Англия, борясь с Германией. Такой поворот на девяносто гра-

---

[1] См. отчет о процессе — «Русская Воля» 1917 г., № 45.
[2] «Новое Время», № от 21 июня 1912 г.

дусов, надо думать, в некоторой степени и объясняется тем, что большое количество акций газеты принадлежало Русско-Французскому банку.

Эти эпизоды между прочим показывают, что оба участвовавшие в них авериста — Рубинштейн и Манасевич-Мануйлов служили двум богам: и французскому и германскому капиталу.

Рубинштейн скупал (в 1915 г.) акции «Нового Времени», но «работать» в Русско-Французском банке было едва ли очень прибыльно, так как акции этого банка почти в течение всей войны стояли на одной точке и не обнаруживали ни малейшей тенденции к повышению. Поэтому Рубинштейну, видно, ничего не оставалось, как заняться операциями с германским капиталом, что, в конце концов, и привело его к суду.

Что касается Манасевича, то его попытка подкупить «Новое Время» (до войны) по поручению германского посла Пурталеса говорит сама за себя. Но, в качестве агента Рубинштейна по «Новому Времени», Манасевич уже служит, повидимому, французскому капиталу,—однако, все другие его связи в годы войны говорят скорее за то, что он и в это время не отступал от той позиции, на которой стоял, когда вел переговоры с Пурталесом.

3.

Рассматривая ту банковскую среду, которая окружала Распутина, мы остановимся теперь на роли Мануса и возглавлявшейся им банковской и промышленной группы. Имя Мануса, еще при царизме, не раз фигурировало в печати в связи с именем Распутина; теперь их связь подтверждается различными, опубликованными после революции, данными. [1]

Манус, по своему удельному весу, был крупнейшей фигурой в промышленно-банковском кругу: он был самым крупным акционером Международного Коммерческого банка,[2] состоял членом совета Сибирского Торгового банка, директором правления Петроградского Вагоностроительного завода, председателем правления Российского транспортного и страхового общества, и пр.

---

[1] «Переписка Н. и А. Романовых», «Мемуары Палеолога», «Падение царского режима», статья «Распутин в освещении охранки» («Красный Архив», том V) и др.

[2] Об этом см. в следующей главе.

Приступая к характеристике роли Мануса, мы, прежде всего, остановимся на одном сообщении, имеющемся в докладах Штюрмера Николаю II.

В конспекте своего доклада, сделанного Николаю 9 октября 1916 г., Штюрмер отмечает:

«Доложено, что заем на покрытие расходов на железнодорожное строительство, объявленный на сумму 350 миллионов, в три дня подписки, 27—29 сентября, достиг суммы свыше 1 миллиарда 400 миллионов, вследствие чего между подписчиками была произведена разверстка, и они получат лишь 23% подписанной ими суммы».[1]

Итак, заем прошел вполне успешно, и русское железнодорожное строительство могло быть на некоторое время обеспеченным. Но нас интересует не этот собственно вопрос, а закулисная история проведения этого займа, которую мы и постараемся здесь вскрыть. Дело в том, что инициатива этого займа принадлежит как раз Манусу: он совместно с крупным другим «финансистом» А. И. Путиловым (состоявшим, между прочим, председателем правления Русско-Азиатского банка) сообщил мысль о желательности такого займа интимному другу четы Романовых — Н. П. Саблину. Последний, конечно, тоже был как-нибудь заинтересован в этом деле и передал о возникшем проекте А. Ф. Романовой. Она же сочла нужным сообщить об этом Николаю; 26 апреля 1916 г. она ему писала:

«В разговоре Н. П. (т.-е. Саблин) сказал мне об одной идее, которая предложена (вероятно, банкиром, но, по-моему, отличная мысль), чтобы немного попозже сделан был внутренний заем в один миллиард, чтобы построить железные дороги, в которых мы очень нуждаемся. Его бы почти сразу покрыли, так как купцы, которые теперь колоссально богаты, сейчас же дадут крупные суммы, так как они понимают, как это выгодно. Таким путем можно было бы найти работу для наших запасных, когда они вернутся с войны, так, чтобы они не вернулись бы сразу в деревню, где бы началось скоро недовольство, — и все должны постараться избегнуть историй и смут, изобретая способы занятия заблаговременно, а за деньги они будут рады работать. Пленные могут все начать. И таким образом можно было бы найти массу мест для раненых офицеров вдоль по линиям и на станциях и т. д.».

---

[1] «Монархия перед крушением».

А. Ф. спрашивает при этом Николая, не может ли он переговорить об этом со Штюрмером, чтобы выработать план как это сделать, а тот уже затем переговорит с министром финансов Барком.[1]

Из дальнейших писем А. Ф. видно, что Штюрмер, с которым она говорила об этом вопросе, нашел, что эта мысль «остроумна и как раз своевременна»; для приведения этой мысли в исполнение Штюрмер (вероятно, и раньше знавший от Распутина об этом деле) обещал в тот же день прислать к А. Ф. министра финансов Барка.[2]

Вскоре после этого А. Ф. писала Николаю, чтобы он вызвал к себе Штюрмера для переговоров относительно этого займа,[3] и очевидно, тогда же была им получена окончательная на это санкция.

Надо заметить, что тогда, когда А. Ф. возбуждала вопрос о займе (апрель 1916 г.), у правительства определенного плана железнодорожного строительства не было. Однако, через полтора месяца, благодаря исключительной (очевидно, вследствие нажима распутинцев) энергии министерства путей сообщения, этот план был разработан: 8-го июня 1916 г. министр путей сообщения А. Ф. Трепов уже докладывал Николаю, что образованное при министерстве путей сообщения особое междуведомственное совещание пришло к заключению, что надлежит соорудить в ближайшее пятилетие не менее 30 000 верст рельсовых путей, т.-е. ежегодно строить до 6 000 верст, в том числе 4 000 верст средствами казны, а 2 000 верст — на частные средства.

10-го июня Трепов внес, как видно из его доклада Николаю, в Государственную Думу «законопроект о закреплении по смете чрезвычайных расходов министерства путей сообщения определенных кредитов на пятилетие на постройку новых железных дорог средствами казны», при чем к этому законопроекту была приложена и предварительная схема железных дорог, намеченных к сооружению в ближайшее пятилетие.

В докладе Трепова Николаю вместе с тем указывалось, что «особым совещанием» был подвергнут обсуждению ряд предварительных мер, принятие которых необходимо для осуществления намеченного железнодорожного строительства. В числе этих мер

---

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 84—85.

[2] Там же, стр. 91, письмо от 2 мая 1916 г.

[3] Там же, стр. 94, письмо от 18 мая.

первое место занимает необходимость создания новых металлургических предприятий: «ежегодная потребность в металле для железных дорог, — пишет Трепов, — в связи с означенным планом должна возрасти с расходуемых ныне 70 до 170 миллионов пудов, в соответствии с чем общее производство металла в стране должно быть доведено до 500 миллионов пудов. Посему, и так как общая производительность ныне существующих заводов не превышает 300 миллионов пудов и, в то же время, не может быть увеличена более чем на 50 миллионов пудов, представляется настоятельно необходимым создать новые металлургические и металлообрабатывающие предприятия,[1] при чем, для возможного сокращения непроизводительных расходов на перевозку продуктов производства, новые заводы должны быть сооружены не только в Европейской России, но и в Азиатской».[2]

Дело, таким образом, шло блестяще, и в сентябре 1916 г. было объявлено о выпуске $4^1/_2{}^0/_0$ железнодорожного займа, гарантированного правительством, на сумму 350 миллионов рублей; в этом принимало участие двенадцать железнодорожных обществ.[3] Об этом Штюрмер, как мы видели, докладывал Николаю 9 октября. И хотя намеченную Манусом и Путиловым сумму сократили до 350 миллионов, однако «купцы» (т.-е., прежде всего, те же Манус и Путилов, действовавшие от лица разных банков) покрыли заем на сумму свыше 1 миллиарда 400 миллионов (как это и предвидели инициаторы займа).

К истории этой операции надо еще добавить, что к ней имели отношение не только русские банки, но и американский банковский синдикат. В этот синдикат намечено было передать заложенные в русском Государственном банке частными банками облигации этого займа; взамен этого предполагалось получить американскую валюту, которая перешла бы правительству, частные же банки получили бы за эту операцию соответствующий процент. Для обсуждения этого вопроса, по инициативе Протопопова и под его председательством, было собрано особое совещание представителей частных банков. Переговоры по этому поводу с американским банковским синдикатом

---

[1] Подчеркнуто нами.

[2] Приведенные цитаты взяты из «Всеподданнейшего доклада министра путей сообщения», от 25 июля 1916 г. — «по вопросу о железнодорожном строительстве». Цитируется с подлинника.

[3] «Вестник Финансов», 1916 г, № 401, от 2 октября.

от имени синдиката русских частных банков поручено было вести шведскому банкиру Ашбергу, очевидно, тому самому, который был посредником по устройству «стокгольмского свидания» Протопопова с Варбургом.[1]

Таким образом, на рассказанной здесь истории мы видим технику проведения подобных предприятий. Правда, имя самого Распутина не упоминалось нами в этой истории, но прикосновенность его к этому делу несомненна, так как не только Манус, но и Саблин были своими людьми у Распутина. Из переписки Романовых, между прочим, видно, что по какой-то причине Саблин незадолго до этого несколько отошел от Распутина; но, когда заем был проведен, то Распутин засвидетельствовал А. Ф., что он Саблиным «доволен», так как «через страдания (!) он вполне вернулся к нему (Распутину) и к богу».[2]

Инициатором этого займа, так блестяще проведенного А. Ф. Романовой, был, как мы видели, кроме Мануса, также А. И. Путилов. Это был крупнейший промышленник и банковский делец: председатель правления Общества Путиловских заводов, председатель правления Русско-Азиатского банка, член «совета съездов металлообрабатывающей промышленности» и участник многих акционерных металлургических и нефтепромышленных предприятий. Путилов этими банковскими и промышленными связями был тесно соединен как с англо-французским,[3] так и с германским капиталом. В этом последнем отношении особенно интересна связь Путиловских заводов с знаменитой германской фирмой Берты Крупп; до войны, в феврале 1914 г., наделал много шума и произвел тревогу во Франции инцидент с попыткой англо-германского синдиката овладеть большинством акций Путиловского завода.[4]

Манус и Путилов не случайно совместно выступили инициаторами этого займа: они совместно участвовали во многих акционерных предприятиях; в частности, отметим связь этих лиц по «Российскому транспортному и страховому обществу» — Манус здесь был председателем, а Путилов членом правления. Членом же правления был и подручный Мануса, влиятельный

---

[1] См. письменные показания Протопопова от 27 — 29 июля 1917 г.

[2] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 171, письмо от 7 сентября 1916 г.

[3] См. Оль. «Иностранные капиталы в России», стр. 45, 49 и др.

[4] См. М. П. Павлович. «Интернационал смерти и разрушения» (в «Собрании сочинений», т. V, стр. 81 — 82).

в придворном кругу аферист «шталмейстер высочайшего двора» Н. Ф. Бурдуков.[1]

Но нам надо остановиться на Манусе, хотя бы уже потому, что в свое время его имя связывалось со всеми слухами о сепаратном мире. Об этом же говорится и в некоторых мемуарах; так, например, вот что пишет о Манусе французский посол Палеолог:

«Не думаю, чтобы среди тайных агентов, которых Германия держит в русском обществе, она имела более активных, более ловких, более влиятельных, чем банкир Манус. Добившись обычным путем разрешения жить в Петрограде, он приобрел в последние годы значительное состояние маклерством и спекуляцией. Деловое чутье внушило ему мысль о близости с самыми махровыми защитниками трона и алтаря. Так, он рабски пресмыкался перед старым князем Мещерским, знаменитым редактором «Гражданина». В то же время его скромная и находчивая щедрость снискала ему мало-по-малу расположение всей шайки Распутина.

«С начала войны, — пишет затем Палеолог, — он (Манус) ведет кампанию за скорое примирение с центральными державами. К нему очень прислушиваются в мире финансов, у него есть связи с большинством газет. Он находится в беспрерывных сношениях с Стокгольмом... т.-е. с Берлином».

Далее Палеолог высказывает свое подозрение, что Манус «является главным распорядителем германских субсидий в России». У него, по словам Палеолога, еженедельно обедает Распутин; сюда же приглашаются адмирал Нилов (приятель Николая II и его собутыльник), Белецкий, поддерживающий постоянное сношение через Вырубову с Александрой Федоровной, и другие влиятельные лица. «Распутин, — говорит Палеолог, — скоро пьянеет и болтает без удержу. Я не сомневаюсь, что подробный отчет об этих оргиях отправляется на следующий день в Берлин, подкрепленный комментариями и точными подробностями».[2]

Так говорит Палеолог. Конечно, сообщения этого лица очень часто бывают далеки от достоверности; с тем большей осторожностью нужно отнестись к его словам в данном случае, когда речь идет о шпионаже, в котором в то время подозревали людей без всякого повода.

---

[1] «Весь Петроград» 1916 г.

[2] «Царская Россия накануне революции», стр. 222.

Оставляя в стороне этот последний вопрос, мы отметим только, что Манус, действительно, участвовал в финансовых предприятиях, действовавших при «участии» германского капитала.

Это видно уже из того, что Международный Коммерческий банк, крупнейшим акционером которого Манус был, не только «работал» при участии немецкого капитала, но был в сущности «обществом-дочерью» берлинского «Учетного Общества» («Disconto Gesellschaft»); что касается Сибирского Торгового банка, где Манус состоял членом совета, то этот банк находился в «первой степени зависимости» от «Немецкого Банка» (Deutsche Bank).[1]

При этих условиях, личность Мануса приобретает некоторый интерес, не столько, впрочем, личность, но как связанный с нею вопрос об установлении тех вероятных путей, при посредстве которых намечались связи между романовским тропом и германским капиталом.

Нелишенные интереса сведения о Манусе сообщены были министром внутренних дел А. Н. Хвостовым в его показаниях, данных в Следственной комиссии Временного правительства, и так как в данном случае в этих показаниях мы видим признаки достоверности, то мы приведем здесь некоторые из них данные.

Подобно тому как и Палеолог, Хвостов также сообщает, что Манус участвовал раньше в кружке кн. Мещерского, при чем «Гражданин», последнего отчасти даже и издавался на деньги Мануса; кроме того, последний, как говорят, иногда писал в нем под псевдонимом «Зеленый». Хвостов показывает, что в его руки попадали иногда перлюстрированные телеграммы за подписью «Зеленый», адресованные Вырубовой,—последняя же передавала их во дворец. Хвостов выяснил также, что «Зеленый» (т.-е. Манус) имеет близкие отношения к Бурдукову: Манус помогает последнему и держит на большом жаловании, чтобы посылать для проведения разных дел, тогда как сам Манус, как коммерческий человек, предпочитает оставаться в тени.

Таким образом, сам Манус не имел, видимо, личного общения с Романовыми. Но его имя встречается несколько раз в их переписке. Эти упоминания недостаточно определенны, но, во всяком случае, видно, что фигура Мануса была в сфере внимания Романовых. Так, 18 декабря 1915 г. А. Ф. писала Николаю:

---

[1] Подробнее говорится об этом в следующей, 4-й главе.

«Манус и не думал умирать. Это все была просто биржевая игра, чтобы поднять и уронить бумаги».[1] Отметим также, что, при посредстве Распутина, Манусу был дан чин действительного статского советника.[2]

Надо сказать также о Бурдукове. Этот аферист выдвинулся на придворную арену исключительно потому, что он был одним из любимых «сожителей» издателя «Гражданина» кн. Мещерского. Интимных отношений к последнему было достаточно для того, чтобы Бурдуков (бывший армейский офицер) получил генеральский чин, придворное звание и был назначен членом тарифного комитета министерства финансов. Вследствие разных фиктивных должностей и командировок, Бурдуков нажил довольно большие средства. Это (а также полученное от Мещерского наследство) дало ему возможность пуститься в разные коммерческие предприятия, а «близость» к Мещерскому обеспечила сотрудничество с Манусом, который также, как указывалось, примыкал к кружку издателя «Гражданина».[3]

Эти связи дали, между прочим, возможность Бурдукову возбудить в 1914 г., незадолго до войны, в министерстве финансов ходатайство о предоставлении ему грандиозной концессии на ипотечные банки в Польше. Осуществлению этого плана помешал, однако, другой придворный аферист, князь Андроников, который, естественно, не мог допустить, чтобы такое крупнейшее дело досталось его сопернику, и потому, под предлогом «защиты прав» поляков, настоял через Горемыкина на отклонении этого проекта.[4]

Бурдуков находился в близких отношениях также с Протопоповым и даже официально состоял при министре внутренних дел, «помогал», в некоторых отношениях, Протопопову в его управлении министерством: так, когда Протопопов вступал в должность министра, то речь, произнесенная им по этому случаю перед чинами министерства, была написана Бурдуковым.[5]

---

[1] «Переписка», т. III. стр. 498.

[2] На основании этого просил пожалования того же чина и Рубинштейн, предлагавший за это 500 тысяч рублей (см. письмо А. Ф. к Николаю от 10 сентября — «Переписка», т. III, стр. 332).

[3] Надо заметить, что из кружка кн. Мещерского вышли и два других видных «деятеля» последнего периода монархии—Маклаков и Манасевич-Мануйлов (об отношениях последнего к кн. Мещерскому см. «Воспоминания» Витте, т. II, стр. 479).

[4] «Падение царского режима», т. II, стр. 16—показания Андроникова.

[5] Там же, стр. 318—показания Протопопова.

Одновременно с этим на Бурдукове лежала обязанность передавать Протопопову взятки от Мануса. Так, например, Протопопов получил от него, при посредстве Бурдукова, 50 тысяч на покупку какой-то муки будто бы для «лавки общества борьбы с дороговизной».[1]

В переписке Романовых за 1914 — 1916 гг. мы не встречаем имени Бурдукова, — очевидно, если у него в это время спошения с ними были, то они шли косвенными путями (как сообщает Хвостов). Но в 1917 г., перед самой революцией, имя Бурдукова появляется в письмах А. Ф. Об этом мы скажем ниже.

К этой же компании принадлежало, по своим финансовым связям, и еще одно лицо, которое также следует упомянуть; это — И. И. Колышко, чиновник особых поручений министерства финансов, журналист, промышленный и банковский делец; в этой последней области он фигурировал, как член совета «Общества Брянского завода», как директор правления общества Таврической железной дороги, кандидат в директора товарищества Петроградского вагоностроительного завода и проч.[2] Как раз через эту последнюю «должность» Колышко связывается с Манусом, так как последний был здесь директором правления.

Принимая участие в этих предприятиях, Колышко во время войны неоднократно ездил в Стокгольм и Копенгаген, «имея поручения от металлургического треста»[3] насчет покупки стали и т. п.; имеются также сведения, что Колышко сыграл «не последнюю роль» в подготовке свидания Протопопова с Варбургом.[4]

Точно так же принимал Колышко участие и в организации протопоповской газеты «Русская Воля». Однако, когда «Русская Воля» организовалась, Колышко «в газету не пустили», так как «к этому времени определилось нечто такое, что делало его (Колышко) работу в печати уже невозможной». Позднее, после революции, в мае 1917 г. Колышко был арестован, при чем ему было предъявлено обвинение в шпионаже.[5] Однако, в 1918 г. Колышко, оказавшись на Украине, во время оккупации ее немцами, вновь выступил в качестве журналиста, редактируя в Киеве

---

[1] «Падение царского режима», т. I, стр. 177 — 179.

[2] «Весь Петроград» 1916 г.

[3] Подчеркнуто нами.

[4] «День», 26 мая 1917 г., № 68.

[5] В связи с этим был произведен обыск и у Мануса — «День», 25 и 27 мая 1917 г., №№ 67 и 69.

газету «Новости Дня», стоявшую на позиции самой усердной поддержки германских империалистов.

Вместе с тем можно отметить, что, подобно Бурдукову и Манасевичу-Мануйлову, Колышко сделал себе карьеру благодаря «близости» к кн. Мещерскому; об отношениях к последнему Колышко, а равно и Бурдукова, говорит в своих воспоминаниях гр. Витте, но в печатном тексте наиболее характерные черты этих «отношений» заменены точками.[1]

Из приведенных нами данных видно, что Колышко принадлежал к той же промышленно-банковской группе, что и Манус, Путилов, Протопопов и пр. Этим объясняется и участие Колышко в подготовке «стокгольмского свидания» и в организации «Русской Воли».

Все приведенные нами данные соединяют несколько имен: Манус, Протопопов, Колышко, Бурдуков. Главой среди них, по своему финансовому удельному весу, был, несомненно, Манус. От всех лиц из этой компании протягиваются некоторые нити к германскому капиталу, и это дает возможность думать, что в рассказе Палеолога о роли Мануса есть известная доля истины: если он и не был осведомителем Германии о военных и политических планах Романовых (о которых он, конечно, хорошо знал от Распутина), то он, как представитель стремившейся к сепаратному миру германской буржуазии, мог во всяком случае через того же Распутина действовать в этом отношении на Романовых.

В связи с этим, в заключение этой главы, мы укажем на то таинственное общение, которое, перед самой революцией, происходило у этой финансовой группы с представителями так называемых «правых».

24 февраля 1917 г. А. Ф., в письме своем к Николаю, сообщала ему про их общего приятеля, уже известного нам, Саблина:

«Он обедает сегодня с Маклаковым, Калининым, Римским-Корсаковым и др. у Бурдукова».[2]

Это был, конечно, не столько «обед», сколько политическое совещание; на нем у подручного Мануса, Бурдукова, заседали: министр внутренних дел и председатель металлургического син-

---

[1] Гр. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. II, стр. 466—467, 471. Колышко и писал в «Гражданине» Мещерского—под псевдонимом «Серенький» (Манус был здесь «Зеленым»).

[2] «Семейная переписка Романовых» — «Красный Архив», том VI, стр. 207.

диката Протопопов («Калинин»), Маклаков, который в эти дни, по поручению Николая, должен был «спасать Россию» от «внутреннего врага»,[1] один из главарей «союза русского народа» Римский-Корсаков, «личный друг» Николая — Саблин и др., в общем, всё последние защитники «престола и отечества».

Видимо, на этом «обеде», который был, наверное, важнее многих заседаний «совета министров», были приняты какие-то серьезные решения; по крайней мере, через два дня после этого, Бурдуков стал настаивать на необходимости его личного свидания с А. Ф. Романовой. Об этом 26 февраля она писала Николаю:

«Бурдуков настаивает на том, чтобы повидать меня сегодня, а я так надеялась никого не видеть».[2]

Нам, конечно, неизвестно, что сообщил представитель Мануса 26 февраля императрице; мы хотим только отметить, что, по всей вероятности, именно в этом кружке — Протопопов, Маклаков, Манус, Бурдуков и К⁰ — намечались последние решения о сепаратном мире.[3]

Перейдем теперь к центру — к «совету съездов металлообрабатывающей промышленности» и к связанным с ним банкам.

Как известно, отдельные отрасли русской металлообрабатывающей промышленности были объединены в синдикаты и тресты, как-то: знаменитая «Продамета», «Продаруд», «Продвагон», «Проволока» и проч. «Совет съездов металлообрабатывающей промышленности» стоял, конечно, в теснейшей связи со всеми подобными синдикатами; он представлял собою нечто в роде главного, верховного синдиката в этой области, имевшего целью влиять на правительственную политику согласно экономическим интересам руководящей группы промышленников-металлургистов. Для облегчения этой задачи «совет съездов» и выдвинул в министры Протопопова, как своего человека; технически это назначение провел Распутин,[4] — и из этого мы лишний раз

---

[1] См. выше, стр. 66 — 67.

[2] «Красный Архив», том VI, стр. 212.

[3] Мы хотим связать эти «совещания» с тем предположением сепаратного мира, о котором говорит Черник (см. здесь, стр. 60 — 61 и след.). Вторичное обращение к Черкину (отклик на его ответ) последовало как раз 24 февраля (ст. ст.) 1917 г.

[4] См. здесь, стр. 46 — 47.

видим, что, как в этом случае, так и во многих других, он был только агентом определенной промышленно-банковской группы.

Самый «совет съездов», как постоянный орган, сорганизовался после съезда представителей металлообрабатывающей промышленности, состоявшегося в Петрограде 29 февраля 1916 г. Судить о действительных целях этого съезда трудно, так как в печати проскользнуло известие только о его парадном, декоративном заседании; но дело было, конечно, не в нем, а в той закулисной стороне, которая, как и всегда в таких случаях, была сокрыта от посторонних глаз.[1]

Тем не менее и из того, что стало известным, некоторые данные представляются интересными. Так, заслуживает внимания опубликованный тогда состав избранного на съезде «совета».

В состав совета входили:

А. Д. Протопопов, избранный председателем совета (в то время Протопопов министром еще не был), состоял товарищем председателя Гос. Думы.

А. И. Вышеградский — директор Петроградского Международного банка и крупный акционер ряда видней ших металлургических предприятий.

А. И. Путилов — председатель правления Русско-Азиатского банка, председатель правления Общества Путиловских заводов и участник многих других предприятий.

А. П. Мещерский — член совета Петроградского Международного банка, директор О-ва Коломенских машиностроительных заводов, директор-распорядитель акционерного Об-ва «Сормово» и др.

Н. Е. Панафидин — член совета Петроградского Международного банка, директор-распорядитель О-ва Тульских медноприкатных заводов, директор правления О-ва Путиловских заводов и Соединенных кабельных заводов и проч.

---

[1] Официальная часть съезда заключалась в обсуждении докладов, из которых первый говорил о необходимости постоянных съездов представителей металлообрабатывающей промышленности. Затем съезд обсуждал «рабочий вопрос», при чем единогласно постановил «стремиться внести справедливость (!) в отношения между предпринимателями и рабочими». После этого съезд, выслушав соответствующий доклад о преимуществах частной промышленности перед казенной, вынес резолюцию, в которой было подчеркнуто, «насколько может погубить энергию частной промышленности нынешняя тенденция сосредоточивать выполнение заказов на оборону в руках казны»; в связи с этим съезд настаивал на необходимости прежнего участия частной промышленности в деле обороны. В заключение съезд вынес протест против только-что состоявшегося секвестра военным ведомством Путиловского завода («Речь» 1916 г., № от 2 марта).

Уже из отмеченных нами «должностей» этих лиц видно, что из пяти членов «совета съездов» трое принадлежало к составу Петроградского Международного Коммерческого банка; Путилов был председателем правления Русско-Азиатского банка; Протопопов же вошел в эту среду, главным образом, несомненно, как нужный человек — товарищ председателя Гос. Думы, — которого эти банковские заправилы рассчитывали держать в своих руках. Таким образом, уже по составу «совета съездов» видна крупнейшая роль банков, и в частности Международного, в русской металлургической промышленности.

Руководящая роль банков в русской металлургической промышленности, впрочем, достаточно уже известна. Важно только точнее определить ту банковскую группу, которая была больше всего заинтересована в русской металлургической промышленности. На это, как отмечено, указывает уже и состав «совета съездов»; главнейшая роль в этой промышленности именно Международного Коммерческого банка подтверждается и разными другими данными. Так, если мы рассмотрим состав акционеров тех промышленных предприятий, которые приняли участие в организованной Протопоповым, по заданию съезда металлургистов, газете «Русская Воля», то увидим, что и здесь среди акционеров первое место занимает как Международный банк в целом, так его директора и другие, с ним близко связанные, лица.[1]

Роль Международного Коммерческого банка в различных отраслях русской промышленности, и, в частности, в промышленности металлургической, видна также из данных, приводимых Г. Цыперовичем в его работе «Синдикаты и тресты в России». Говоря о том, как банки захватывают в свой руки различные области производства, Г. Цыперович, между прочим, такими примерами подтверждает существование этого процесса:

«В виде примера укажем на деятельность пяти важнейших петроградских банков, более всех других заинтересованных в важнейших основных отраслях нашей промышленности: Международного, Русско-Азиатского, Азовско-Донского, Учетного и Ссудного и Русского Торгово-Промышленного. Первое место среди этих левиафанов нашего финансового капитала занимает Международный банк. По данным П. Елецкого он заинтересован в следующих промышленных предприятиях: Петроградские товарные склады (акционерный капитал 4,0 милл. руб.), Восточное Общество товарных складов (7,7), Российское Общество транспортирования и страхования (4,2), Страховое Общество «Россия» (5,0), Нефтяное Общество Манташева (20,0), Нефтяное Общество Нобель (30,0), «Ассерин»,

[1] Сведения об акционерах, равно как и другие подробности об этой газете, тесно связанной с «советом съездов», даны в приложениях.

Общество добывания цемента (5,0), Ленское золотопромышленное (16,5), Всеобщая Компания Электричества (12,0), Донецко-Юрьевское Металлургическое О-во (31,1), Вагоностроительный завод «Феникс» (6,0), Коломенский машиностроительный (15,0), Русское О-во артиллерийских заводов (25,0), Механические заводы Бромлей (2,2), Машиностроительный завод Гартман (9,0), Русское паровозо-строительное и механическое Об-во (7,8), Сормовские заводы (10,0), Брянский рельсопрокатный (30,2), Никополь-Мариупольское горное и металлургическое Об-во (13,2), Мальцевские заводы (12,0), Тульский патронный (9,0), Тушетухановские рудники (3,0). Итого 22 предприятия с капиталом в 272,9 милл. рублей. Этим, однако, сфера влияния Международного банка не ограничивалась. Кроме акций двух других крупных петроградских банков,—Русского для внешней торговли и Азовско-Донского,—в его руках находились также и акции пяти важнейших частных железных дорог: Владикавказской, Северно-Донецкой, Юго-Восточной, Московско-Виндаво-Рыбинской и Первого Общества подъездных жел. дорог.

В общем «заинтересованность» Международного банка во всех перечисленных выше предприятиях достигала приблизительно полумиллиарда.

Что касается остальных четырех банков, то и они были заинтересованы в целом ряде разнообразнейших предприятий, при чем Русско-Азиатский банк влияет на предприятия с акционерным капиталом в 204 милл., Азовско-Донской — 138 милл., Учетный и Ссудный — 133 милл. и Русский Торгово-Промышленный — 60 милл.

В общем только эти пять банков по самому скромному расчету влияли на промышленный капитал в 700 милл. руб. и таким образом прямо или косвенно контролировали важнейшие отрасли промышленности, постепенно подготовляя господство банковского капитала в русской хозяйственной жизни».[1]

Все эти данные ясно показывают ту зависимость, в какой металлургическая промышленность, а следовательно, и руководящий ее орган—«совет съездов» находились от банков, при чем игравший среди них первую роль Международный Коммерческий банк значительно превосходил в этом отношении каждый из других банков.

Отметим, что в числе перечисленных здесь предприятий значительное место занимают как раз те, которые финансировали протопоповскую газету «Русская Воля».[2]

Но банки также были объединены: у них существовал свой «совет съездов», подобно «совету металлургистов». Фактически подобный объединяющий банковский орган функционировал уже с самого начала войны, сперва в форме «совещания», состоявшего под председательством Я. И. Утина, председателя правления Петроградского Учетного и Ссудного банка. Позднее это «совещание» было расширено «с приданием ему, — по словам директора

[1] Г. Цыперович. «Синдикаты и тресты в России». П., 1920 г., стр. 103—104.

[2] См. приложения.

Международного банка Вышнеградского, — той формы профессиональной объединенности, к которой прибегают и другие отрасли труда и промышленности»; в связи с этим было намечено создание периодических съездов акционерных коммерческих банков.[1]

Несколько времени спустя после металлургического съезда состоялся и «всероссийский банковский съезд» (8 июня 1916 г.), когда, очевидно, был создан и постоянный «совет».

Вышнеградский в цитированной статье с глуповатой наивностью сопоставляет органы объединения промышленности с объединениями труда, — рассматриваемых нами вопросов касается только первый род объединений, которые называются синдикатами, или трестами. Из приведенных сообщений видно, что, сперва неофициально, а потом в более определенной форме «совета», синдикат банков существовал уже с самого начала войны.

Несколько, может-быть, отвлекаясь от темы, мы хотим теперь отметить, какова была в 1916 г. (в июне) «мощь» всех русских акционерных коммерческих банков: согласно сообщенным на съезде данным, капиталы всех этих банков приближались в это время к миллиарду рублей; вклады составляли около 4 миллиардов, учетная операция достигала 2-х миллиардов, а ссудная — немногим менее этой суммы. Количество отделений этих банков достигало в это время 832.[2]

Какой смысл имел этот процесс объединения банков — об этом мы скажем словами Г. Цыперовича, который, однако, о синдикате банков говорит только как о проекте, находившемся близко к осуществлению в конце 1917 года.

«Само собой разумеется, — говорит Цыперович, — что осуществление этого проекта дало бы новый сильнейший толчок к синдицированию и трестированию в области производства и приблизило бы тот момент, к которому так страстно стремится объединенный капитал и который означает основательное завершение процесса синдицирования и трестирования в форме законченного вытеснения конкуренции частнохозяйственной монополией под руководством и контролем объединенных банков».[3]

Здесь хотелось бы сказать о значении всего этого процесса по связи с назревавшей социалистической революцией; но мы уже и так отклонились от нашей основной задачи.

---

[1] Статья А. И. Вышнеградского в «Финансовой Газете» 1916 г. № 232, от 9 (22 июня) — «Основные задачи съезда (банков)».

[2] «Финансовая Газета», 1916 г., № 232.

[3] Г. Цыперович. «Синдикаты и тресты», стр. 106.

По ходу нашей темы нам предстоит теперь перейти к вопросу об отношении к русским банкам иностранного и, в частности, германского капитала.

Для этого мы, прежде всего, упомянем о тех указаниях, которые даны в работе В. И. Ленина «Империализм, как новейший этап капитализма». В. И. Ленин пользовался для этого брошюрой некоего Агада, близко знакомого с интимной стороной деятельности русских банков.[1]

В. И. Ленин указывает, что из четырех почти миллиардов, составляющих «работающий» капитал крупных русских банков, свыше $^3/_4$, более 3 миллиардов, приходится на долю тех из них, которые представляют собою, в сущности, «общества-дочери» заграничных банков, и в первую голову—парижских и берлинских. «Два крупнейших русских банка,—отмечает В. И. Ленин,— «Русский» («Русский банк для внешней торговли») и «Международный» («Петрогр. Международный Торговый банк») повысили свои капиталы с 1906 по 1912 г. с 44 до 98 милл. рублей, а резервы — с 15 до 39 милл. рублей, «работая на $^3/_4$ немецкими капиталами».[2] Первый банк принадлежит к «концерну» берлинского «Немецкого» банка, второй — берлинского «Учетного общества».

Приведя эти данные из книги Агада, В. И. Ленин отмечает, насколько неосновательно возмущается последний тем, что «русские акционеры бессильны» вследствие того, что берлинские банки имеют в своих руках большинство акций. «Разумеется, страна, вывозящая капитал, снимает сливки», — говорит Ленин, и приводит пример относительно этого из практики Сибирского Торгового банка, который — как отмечено в другом месте цитируемой книги — находился в «первой степени зависимости» от группы «Немецкого» банка.[3]

Уже после появления в печати этой книги В. И. Ленина были опубликованы некоторые другие работы, в которых приводятся различные данные об участии иностранного и, в частности, немецкого капитала в русской промышленности. В этом отношении особенно выдается выпущенный Институтом Экономиче-

---

[1] E. A g a h d. «Grossbanken und Weltmarkt. Die wirtschaftliche und politische Bedeutung der Grossbanken im Weltmarkt unter Berücksichtigung ihres Einflusses auf Russlands Volkswirtschaft und die Deutsche-Russichen Beziehungen». Brl. 1914.

[2] Подчеркнуто нами.

[3] Л е н и н. «Империализм, как новейший этап капитализма». Госуд. Изд. М. 1925 г., изд. 3-е, стр. 39 — 40 и 21.

ских Исследований (при Народн. Комиссариате Финансов) тру
П. В. Оля «Иностранные капиталы в России».

Приведем, согласно этой книге, данные относительно уч
стия в русских кредитных учреждениях иностранных капитало

Общее количество вложенного сюда иностранного капита
Оль определяет так (в миллионах рублей):

Французские капиталы		113 300
Германские	»	84 700
Английские	»	25 700
Голландские	»	9 500
Бельгийские	»	2 500
Австрийские	»	1 500

Таким образом, общая сумма иностранного капитала в ру
ских банках определяется в 237 200 000 рублей.[1]

Оставляя в стороне три последние категории иностранног
капитала, мы приведем теперь цифры, характеризующие распр
деление «участия» французского, германского и английског
капитала по отдельным русским банкам (кроме Польши и Пр
балтийского края); это «участие» выражается в такой форм
(указываем о количестве миллионов рублей, отбрасывая сот
тысяч):[2]

		Общая сумма акционер. капитала.	Французский капитал.	Германский капитал.	Англи-ский ка-питал.
СПБ. Международный банк		60	1	20	—
Азовско-Донской	»	60	10	8	2
Русско-Азиатский	»	55	36	2	4
Сибирский Торговый	»	20	4	4	—
СПБ. Частный Коммерч.	»	40	22	—	—
Русский Торгово-Промышленный	»	35	4	1	10
Русско-Французский	»	18	4	—	—
Русский для внешней торговли	»	60	—	24	—
СПБ. Учетно-Ссудный	»	30	—	4	—
Русско-Английский	»	10	—	—	8
Соединенный	»	40	18	1	—
Московский Частный Коммерческий	»	12	7	—	—
Ростовский на/Д. Купеч.	»	5	2	—	—

[1] П. В. Оль. «Иностранные капиталы в России». П. 1922 г., стр. 29

[2] Мы сообщаем здесь сводку данных, приводимых Олем (стр. 29—3
64, 78).

Мы видим, таким образом, что, согласно этим данным, доля участия немецкого капитала выходит значительно меньше, чем это было указано у Агада; но надо, однако, принять во внимание, что П. В. Олем, повидимому, не могло быть вскрыто то, замаскированное под разными формами, «участие», которое было известно непосредственно прикосновенным к этим банкам лицам, в том числе и упомянутому Агаду.

Нас более всего интересует один из этих банков — Международный, потому что, как было показано, все нити от распутинской группы протягиваются, прежде всего, к нему.

Как можно было видеть из приведенных выше данных, Международный банк вместе с Русским банком для внешней торговли составляли ту пару русских банков, которая была наиболее тесно связана с германским капиталом. Но Русский банк для внешней торговли для нас менее интересен, так как к руководящему центру он близкого отношения не имел. С тем большим вниманием нам надо остановиться на Международном банке. Поэтому нам нелишне обратить внимание и на состав его акционеров.

Прежде всего, укажем относительно этого довоенные данные 1913 г. На состоявшемся 7 марта этого года общем собрании акционеров этого банка было представлено 90 093 акции, с правами на 660 голосов; приняло участие 114 акционеров с 83 683 акц., имевшими право на 590 голосов.

Наибольшее количество акций значились за следующими лицами:

Э. Ландсгоф	12 691 акц.	Hardy & C°	1 000 акц.
И. П. Манус . . .	11 225 »	СПБ. Учетно-Ссудный банк	1 000 »
Н. Н. Клименко . .	3 000 »	П. Я. Хесин	1 000 »
Disconto Gesellschaft.	2 559 »	Н. Н. Гартонг . . .	968 »
СПБ. Частный Коммерч. банк	2 000 »	Л. И. Бродский . .	864 »
Русско-Азиат. банк.	1 934 »	С. Г. Поляк	753 »
С. П. Патрикеев . .	1 905 »	А. И. Вышнеградский	750 »
СПБ. Торгов. банк.	1 554 »	С. С. Хрулев	750 »
С. Гренцелер . . .	1 450 »	Е. Г. Шайкевич . .	450 » [1]

Затем отметим состав крупнейших акционеров за 1915 г. На общее собрание 24 марта было представлено 182 акционерами 74 912 акций, с правом на 484 голоса; в собрании приняли участие акционеры, располагавшие 422 гол. Наибольшее количество акций представили:

И. П. Манус . . .	5 257 акц.	Сибирск. Торг. банк.	2 700 акц.
Н. Н. Клименко . .	5 000 »	Д. Б. Вургафт . . .	2 000 »
П. И. Балинский . .	4 000 »	Д. К. Золин	2 000 »
гр. Н. П. Ферзен .	3 906 »	Н. В. Арцыбушев .	2 000 »
М. А. Гинсбург . .	3 807 »	М. А. Маргулис . .	2 000 » [2]

[1] См. «Торгово-Промышленная Газета», 1913 г., 8 марта.

[2] Там же, 1915 г., 25 марта.

Наконец, приводим сведения, относящиеся к канупу революции — январю 1917 г.

7 января этого года состоялось вторичное «чрезвычайное собрание» акционеров, для обсуждения предложения правления об увеличении основного капитала на 15 миллионов рублей нарицательных путем выпуска 60 000 новых акций в 250 р. нарид. каждая. Этот проект был собранием утвержден единогласно. В собрании приняло участие 56 акционеров, представивших 33 066 акций, с правом на 197 голосов. Наибольшее количество акций представили:

И. П. Манус	13 580 акц.	П. Я. Хесин	1 250 акц.
Азовско-Донской банк	4 000 »	А.И.Вышнеградский	1 100 »
гр. Н. П. Ферзен .	3 125 »	Наследники С. П. Патрикеева . . .	1 100 »
Н. Н. Клименко . .	2 000 »	Я. И. Савич	1 100 »
С. С. Хрулев . . .	1 300 »	Н. Г. Хрулева . . .	600 »
Е. Г. Шайкевич . .	1 300 »	Банк. д. М. Нелькен.	500 »
Л. И. Бродский . .	1 283 »	Д. Б. Вургафт . . .	400 »[1]

Все эти списки выясняют нам, даже персонально, ту группу, которая была руководящей в рассматриваемой нами сфере.

Но посмотрим на довоенный состав акционеров 1913 г.: во главе всех их стоят крупнейший собственник акций Э. Ландсгоф и И. П. Манус (первому принадлежит 12 691 акц., второму — 11 225); о Манусе мы уже говорили много, что касается Э. Л. Ландсгофа, то это — русский тайный советник и, вместе с тем, казначей спб. общества германских подданных для оказания помощи нуждающимся соотечественникам; вместе с тем он был директором правления акционерного общества новороссийского завода «Цепь», общества Гербы-Келецкой жел. дороги и проч.[2]

Русско-германский характер Международного банка виден также и из состава «дирекции» банка. Вот этот состав директоров в 1913 г.: А. И. Вышнеградский, Е. Г. Шайкевич, И. Вебер, Ф.А. Пфейфер, А. Э. Гутман, А. И. Вебер; вице-директоры: С. Д. Габриель, А. И. Заруба.[3] После начала войны состав дирекции изменился; так, из старых директоров остались только Вышнеградский, Шайкевич, Гутман и Габриель (ставший директором), — то-есть четыре лица; остальные четыре члена дирекции выбыли,

---

[1] «Торгово-Промышлен. Газета», 1917 г., 8 января.

[2] «Весь Петербург», 1913 г.

[3] «Весь Петербург», 1913 г. О Зарубе см. «Падение царского режима», т. I, стр. 10 — показание А. Н. Хвостова.

как германские подданные.[1] Но это, несомненно, не изменило характера банка, как основанного на совместной «работе» германского и русского капитала.

Как мы говорили, Международный банк, в целом, был крупнейшим акционером большинства главных металлургических (а также и ряда других) предприятий. Но, помимо этого, и отдельные акционеры банка состояли, вместе с тем, акционерами различных промышленных предприятий, в которых участвовал банк, — и это, конечно, чрезвычайно усиливало его влияние в этих акционерных обществах.

Это можно подтвердить рядом примеров. В правление Международного банка входили следующие лица: председатель С. С. Хрулев, члены: А. И. Вышнеградский, Е. Г. Шайкевич, Н. И. Филипьев, Я. И. Савич. Но А. И. Вышнеградский, например, был не только директором банка, но и председателем правления Общества Коломенского машиностроительного завода, председателем правления Общества железоделательного, сталелитейного и механического завода «Сормово» и директором Никополь-мариупольского горного и металлургического общества (см. «Весь Петроград», 1915 г.). Возглавление всех этих предприятий директором Международного банка Вышнеградским объясняется, конечно, тем, что главным хозяином их был этот банк.

Если мы возьмем председателя правления банка Хрулева, то увидим, что это лицо состоит вместе с тем директором правления Тульского медно-прокатного и патронного завода (председателем правления этого Тульского завода состоит другой директор банка Е. Г. Шайкевич). Объяснение этой связи то же, конечно, как и в первом случае.

Но личность этого Шайкевича — лица весьма значительного в этой среде — заслуживает внимания и помимо этого. Этот директор Международного банка работал исключительно в тех предприятиях, которые были теснейшим образом связаны с германским капиталом.

Так, он состоял председателем «Русского Общества Всеобщей компании электричества», которое, как известно, является только филиальным отделением соответствующего германского треста. Вместе с тем Шайкевич состоял членом правления «Русских электротехнических заводов Сименс и Гальске» и «Общества электрического освещения 1886 г.», которые, как известно, также являлись филиальными отделениями германского треста «Сименс-Гальске» (см. также здесь, стр. 108). Помимо этого, Шайкевич был вице-председателем «Акционерного общества соединенных кабельных заводов», которое было организовано в России теми же германскими электрическими трестами. Вместе с тем Шайкевич состоял председателем правления общества «Тульского меднопрокатного и патронного заводов», которое, совместно с Соединенными кабельными заводами, входило в состав германского «синдиката потребителей меди» (см. А. Н. Зак, «Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности», П. 1914 г. стр. 19). Таким образом, все те предприятия, в которых участвовал Шайкевич, «работали» при крупнейшем участии германского капитала.

---

[1] «Торгово-Промышленная Газета», 1915 г., № 74.

Родственные и финансовые связи соединяют этого Шайкевича с другим, П. Г. Шайкевичем. Он также участвует в различных предприятиях; так, он состоит кандидатом в директора общества «Сормово» (финансируемого Международным банком). Вместе с тем он является директором правления следующих предприятий: Общества Русских машиностроительных заводов Гартмана, Горско-Ивановского каменноугольного общества, Общества Кузнецких каменноугольных копей, Общества «Бахмутская соль» и Восточного общества товарных складов. Все эти предприятия финансируются также при участии Международного банка.

Из этого видно, что, и по именам заправил этих предприятий, все они связываются с Международным банком, и вместе с тем не только через этот банк, но часть и непосредственно — связаны с германским капиталом.

Можно, кстати, отметить, что на этом примере, характеризующем связь различных предприятий с банками, мы видим то самое явление, на которое обращает внимание В. И. Ленин, говоря о «новой роли банков»: указывая, как все более и более развивается «зависимость промышленного капиталиста от банка», В. И. Ленин отмечает, что вместе с этим «развивается, так сказать, личная уния банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли, слияние тех и других посредством вступления директоров банков в члены наблюдательных советов (или правлений) торгово-промышленных предприятий, и обратно».

Приводя затем некоторые примеры из банковской практики Германии, В. И. Ленин говорит:

«Личная уния» банков с промышленностью дополняется «личной унией» тех и других обществ с правительством. «Места членов наблюдательных советов,—приводит Ленин свидетельство немецкого экономиста Эйдельса, — добровольно предоставляют лицам с громкими именами, а также бывшим чиновникам по государственной службе, которые могут доставить немало облегчений (!) при сношениях с властями».[1]

Все это видим и на наших примерах: так, директор Международного банка Вышнеградский был «камергером высочайшего двора», а что касается «бывших чиновников», которые могут доставлять «облегчение», то русская практика достигла здесь высших европейских образцов: в тесной зависимости от банков и металлургических предприятий стоял ни какой-нибудь «бывший чиновник», а сам министр внутренних дел Протопопов—

---

[1] В. И. Ленин. «Империализм, как новейший этап капитализма», стр. 29. Об этом же явлении говорит Гильфердинг в «Финансовом капитале» (перевод И. Степанова, М. 1924 г., стр. 127 — 128).

один из заправил финансируемого банками «совета съездов» металлургистов.

Из всего сказанного в настоящей главе можно сделать такие выводы:

Через Протопопова (рекомендованного Романовым Распутиным) правительственная власть непосредственно соединялась с руководящей группой промышленников-металлургистов, организованных в «совете съездов».

Металлургическая промышленность стояла в тесной зависимости от банков, среди которых руководящую, в данном случае, роль играл Международный Коммерческий банк.

Этот последний банк был, в свою очередь, тесно связан с германским капиталом и даже являлся, в сущности, «обществом-дочерью» берлинского «Учетного Общества».

5.

В предыдущей главе мы старались определить тот банковский и промышленный центр, который через Протопопова, Распутина, Мануса и др. непосредственно связывался с царским «троном». Теперь мы хотим привести ряд примеров, яснее определяющих политический характер этой связи.

Но, прежде чем говорить об этом, надо сказать несколько слов лично о Протопопове, которой был призван теснее связать власть с буржуазными группами.

Протопопов был владельцем крупной суконной фабрики и организатором «текстильного комитета»,[1] через который шли различные поставки на армию. Являясь одним из типичных представителей той военной буржуазии, которая наживалась на этих поставках, Протопопов стал играть в Государственной Думе роль «представителя промышленности» и, в качестве влиятельного человека, был приглашен позднее металлургистами-заводчиками к участию в их «совете съездов».

Назначение Протопопова министром (в сентябре 1916 г. было подготовлено при непосредственном участии Распутина и «тибетского врача» Бадмаева, связанного, подобно Протопопову, с влиятельной группой представителей металлургической промышленно-

---

[1] См. «Падение царского режима», т. I, стр. 114, показания Протопопова и писменные показания Белецкого; в последних указано, что Протопопов занимался военными подрядами при содействии главного интенданта (впоследствии военного министра) Шуваева.

стп. Отношение к ним Бадмаева объясняется тем, что «тибетский врач» как раз в это время задумывал организацию постройки некоторых железных дорог, между прочим, в только-что занятой русскими войсками Турецкой Армении. Бадмаев, совместно с Распутиным и Протопоповым, составлял тесно сплоченный «триумвират», при чем сам «тибетский врач» был едва ли ни наиболее «государственным умом» в этой троице. Он уже давно играл подозрительную «политическую» роль, и, в частности, именно ему принадлежит инициатива того ультиматума, который в 1894 г. предъявило царское правительство Японии, с целью отобрать плоды ее побед над Китаем, — этот же ультиматум, соответствовавший больше всего интересам Германии и вполне ею поддержанный был, несомненно, одним из поводов для русско-японской войны.[1]

Когда Протопопов, при непосредственном участии Бадмаева и Распутина, был назначен министром, то закулисная сторона «стокгольмского свидания» была ясна только немногим лицам из распутинской группы; широким же слоям буржуазии была известна твердая империалистская позиция Протопопова. Видя в нем своего человека, широкие слои торгово-промышленной буржуазии приветствовали «нового хозяина» внутренней политики. «Назначение Протопопова, — писало, например, «Русское Слово», — открыло окошечко, конечно, не к русской общественности, а к русской промышленности, и притом с самого правого уголка. Если от бюрократии власть должна клониться к буржуазии, то, в лице Протопопова, — первый вынужденный кивок к ней... И, может быть, для русской буржуазии не праздным занятием будет готовить дальнейших кандидатов для власти».[2]

Стараясь оправдать доверие буржуазии, Протопопов, в свою очередь, стал выдвигать мысль о необходимости теснейшего контакта правительства с промышленностью и банками. «Не могу я, — говорил он тогда, — плыть по паркету, я должен в воду броситься, чтобы плыть; я хочу броситься в эту воду деловую, прямо окунусь на бирже, и сразу войду в курс дела».[3]

Протопопов и действительно очень близко связался с руководящей банковской группой. Однако, по мере того, как стала определяться ультрареакционная его позиция, соединенная

---

[1] «За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева». Л., 1925 г., статья В. Семенникова «Тибетский врач и русская монархия», стр. XXV—XXVII.

[2] «Русское Слово», № 7, 21 сентября 1916 г., статья И. Жилкина.

[3] Показания в Следств. комиссии Челнокова.

с тяготением к сепаратному миру, отношение широких слоев буржуазии к новому, «своему», министру резко изменилось, и, в результате, Протопопов был признан «сумасшедшим». Мы не будем, конечно, рассматривать вопрос, было это в действительности, или нет (ведь, некоторая доля психической поврежденности вообще была необходима для служения Романовым),— мы отметим лишь, что, быть может, и в «сумасшествии» Протопопова был известный социальный мотив. Дело в том, что Протопопов от участия в текстильной промышленности перешел в «совет съездов» промышленности металлообрабатывающей, а политические позиции представителей этих двух главных групп промышленности были различны: первая была относительно «либеральна», но вместе с тем проявляла сильные империалистские настроения; вторая была реакционнее, но, как есть основания думать, была более склонна к «пацифистским» тенденциям.[1]

Попав в руководящий орган металлургистов, Протопопов, естественно, должен был служить им не за страх, а за совесть,— и что взятая Протопоповым политическая линия, в общем, соответствовала интересам этой промышленной группы, видно, между прочим, из того, что «совет съездов» не расстался с Протопоповым вплоть до революции. Таким образом, переход Протопопова от «октябризма» и «прогрессивного блока» к крайней реакционности, быть может, объясняется не «сумасшествием», а просто тем, что он, войдя в другую промышленную группу, должен был «приспособить» к ее интересам и свои «политические убеждения».

Но отвлекаясь от личности Протопопова, мы покажем теперь на нескольких характерных примерах проявления того политического «контакта», который, при посредстве Распутина, Штюрмера, Протопопова, стал намечаться у правительства с банками и некоторыми группами промышленности.

В этом отношении заслуживают, прежде всего, внимания факты, касающиеся происходившей летом 1916 г. подготовки выборов в V Государственную Думу.

В июле 1916 г. министерство Штюрмера решило приступить к разработке вопросов об этих выборах (срок полномочия IV Думы истекал в ноябре 1917 г.) — и, вот, в каком составе мыслилась фабрикация этой новой Думы: предполагалось пропустить в нее 80 крестьян, 80 священников, до 50 мест предоставить инород-

---

[1] См. здесь последний очерк: «От Антанты — к Германии».

цам, от 50—70 мест банкам и остальные (около 200 мест) предоставить интеллигенции.

Опора на попов, основанная на практике выборной кампании в IV Думу, вполне понятна: служители церкви составляли самую надежную опору правительства; понятно и желание иметь для «декорации» в Думе до 80 крестьян, соответствующим образом обработанных; октябристская и кадетская «интеллигенция» также являлась необходимым элементом в Думе. Но откуда появилось стремление провести в Думу до 70 представителей банков? Оказывается, правительство вошло в контакт с «представителями некоторых банков», которые, «по соглашению с правительством», предложили израсходовать 2 миллиона рублей на предвыборную агитацию, рассчитывая получить за это от 50 до 70 мест в Думе. «Предложение это, — говорится в составленной по этому поводу в министерстве внутренних дел записке, — представлялось бы приемлемым, при условии, чтобы в программу партии банков не включались аграрные и прочие острые социальные вопросы». [1]

Ясно, конечно, что эта последняя оговорка носила только формальный характер и, вероятно, была сделана для тех членов правительства, которые, зная таких опасных представителей буржуазии, как Гучков, или Рябушинский, могли бы подумать, что и данная промышленная группа способна на такой «либерализм».

Этот проект, как мы отметили, возник в июле 1916 г. Протопопов тогда еще не стоял у власти, но в письменных его показаниях в Следственной комиссии Временного правительства сообщаются также некоторые данные об этом плане. Оказывается, инициатива его возникла в кружке Бадмаева, где постоянно бывали Распутин, Курлов и Протопопов.

«Все высказывались, — пишет Протопопов, — за необходимость достигнуть выбора возможно более благонадёжного (консервативного) большинства Гос. Думы. Я находил, что в Государственной Думе и Совете почти нет представителей торговли, промышленности и банков, что этот класс должен готовиться к предстоящим выборам и провести в законодательные учреждения человек 50 — 80 своих представителей; для этой цели я предполагал возможным устроить «центральное выборное бюро» в Петрограде, которое могло бы вести переговоры и заключить соглашение с правительством». [2]

---

[1] Подробнее см. «Монархия перед крушением».

[2] Письменные показания Протопопова в Следств. комиссии.

Что касается той суммы, которая, как мы видели, могла быть ассигнована на это банками, то, по мнению Протопопова, она должна была бы итти на печать, агитацию, разъезды агентов, устройство собраний, покупку цензов и, «может-быть, подкуп голосов».

Но нужно было избрать опорные пункты для проведения этой кампании, и, вот, по словам Протопопова, «опорными выборными ячейками служили бы отделения частных банков в провинции — их число, помнится, около 1 200;[1] их сила — частный кредит и учетная вексельная операция».

На этом примере мы, таким образом, ясно видим, в какие отношения к распутинскому правительству становились банки.

Возьмем еще один характеризующий это пример, касающийся также довольно крупного вопроса — вопроса продовольственного, который к 1916 г. достиг уже чрезвычайной обостренности. Глава власти, Распутин, зная серьезное значение этого вопроса, предвидел, что уже на этой продовольственной почве можно ожидать серьезных народных волнений.[2] Правительство составляло различные проекты, чтобы бороться с продовольственной разрухой, но все эти проекты были мертворожденными, а частичные мелкие мероприятия не улучшали, конечно, положения, да и не могли его улучшить уже потому, что продовольственная разруха была лишь одним из проявлений того общего кризиса всей хозяйственной системы, который все более и более назревал с самого начала войны.

Продовольственное дело находилось в министерстве земледелия, но, когда министром внутренних дел был назначен Протопопов, то в руки этого ставленника Распутина было предположено передать и снабжение России продовольствием. На этом, как видно из писем А. Ф. Романовой к Николаю, очень настаивал сам Распутин, предполагавший, очевидно, хорошо поживиться на этом деле при ближайшей помощи «тибетского врача» Бадмаева, который даже выступил с особым проектом о снабжении всей России продовольствием.[3]

Протопопов, в связи с этим, решил привлечь на помощь банки. На созванном по этому поводу совещании Протопопов просил представителей банков помочь этому делу, и хотя они

---

[1] На съезде банков, о котором мы выше говорили, количество этих отделений было определено в 832.

[2] Об этом Распутин, как это видно из переписки Романовых, неоднократно их предупреждал.

[3] «За кулисами царизма. Архив Бадмаева», стр. XV — XVI.

сразу не дали определенного ответа, но Протопопов, по его словам, увидел, что «дело их интересует».[1]

Однако, позднее Протопопов, испугавшись Госуд. Думы, стал сомневаться в возможности перенести это дело без осложнений в свое министерство. Это вызвало крайнее неудовольствие Распутина: «Наш Друг, — писала А. Ф. Романова Николаю 1 ноября 1916 г.,— был страшно сердит на Протопопова, который из трусости не хочет, чтобы было объявлено о переходе продовольствия в его руки — из-за Думы; и Друг наш сказал ему (т.-е. Протопопову), что он мог бы объяснить, что он его (т.-е. продовольственное дело) взял и что надеется приблизительно в неделю все устроить, как следует».[2]

Мы не будем подробно рассматривать сущность этого проекта Протопопова, хотя последний и обладал, по мнению Распутина, такою магическою силою, что всю продовольственную разруху уничтожил бы в одну неделю; скажем только, что в основу организации дела было, по проекту Протопопова, намечено привлечение к делу банков, а прием, хранение и отправку хлеба и продуктов предположено поручить земствам под надзором губернаторов.

Отметим, что, обосновывая свой проект, Протопопов выставил в защиту его, между прочим, такие соображения:

«Я хотел, — пишет Протопопов,— передать продовольственное дело в губернии еще и потому, что эта серьезная работа отвлекла бы земских деятелей от политики. Я был противником объединения земств в союз, находя, что земский союз и союз городов захватили слишком много власти, оставив правительству второстепенную роль, и ведут агитацию, направленную против правительства. Министерство земледелия не препятствовало земствам, которым оно поручало продовольственное дело, входить в земский союз. В таких земствах служащие по найму тоже были из оппозиционно настроенных людей. Продовольственные местные комитеты, в состав которых вошли оппозиционные элементы, могли начать агитацию в деревне. Таким образом,

---

[1] На совещании были представители Международного банка (Е. Г. Шайкевич, Г. А. Блох, К. И. Савич), Русско-Азиатского банка (А. И. Путилов), Азовско-Донского (Б. А. Каменка), Русского Торгово-Промышленного (А. В. Коншин). Один из директоров Международного банка, Савич, составил даже особую записку по этому вопросу (письменные показания Протопопова, от 24 августа 1917 г.).

[2] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 225.

организация продовольственного дела министерства земледелия в губерниях, вошедших в союз земств, сливалась с организацией союза. По желанию распорядителей союза или по собственному почину, мелкие служащие на местах (приказчики, крючники, подрядчики извоза, весовщики на железных дорогах и пр.) могли забастовать. Тогда министерство земледелия было бы поставлено в невозможность снадбить армию и население продовольствием; произошли бы беспорядки, за которыми последовала бы, может-быть, перемена строя, но, наверное, перемена правительства и исполнение требований оппозиции — назначение нового состава правительства из лиц, пользующихся общественным доверием».[1]

Таким образом, мы видим, что план Протопопова имел и политическое значение: оно заключалось в том, чтобы, подкупив земства широким привлечением их к продовольственному делу, постараться парализовать этим их оппозиционное настроение.

На этом примере выступает снова и социальное разграничение: с одной стороны — правительство и представители банкового и связанного с ним «финансового» капитала, с другой — оппозиционная буржуазия и прогрессивная часть помещичьего класса («союзы» земств и городов и т. д.).

Естественно, что банки и металлургисты, стремясь наладить политический контакт с правительством, выставили вместе с тем и такую экономическую программу, которая соответствовала бы интересам этих банковских и промышленных групп. Эта программа была высказана от имени С. С. Хрулева (председателя правления Международного банка) в изданной им еще в январе 1916 г. книжке «Финансы России и ее промышленность».[2]

Основная мысль, которую «горячо рекомендует» здесь этот директор банка, это — «поднять таможенные пошлины». Но, кроме этого, нужен еще целый ряд мероприятий, на которые автор и указывает. Отметим только главное.

Прежде всего, Хрулев рекомендует установить план усовершенствования существующих железных дорог, как казенных, так и частных; железнодорожным вопросам Хрулев посвящает целых четыре пункта своей программы, указывая особенно на необходимость выяснения вопроса о постройке новых железнодорожных путей.

---

[1] Письменные показания Протопопова, 24 августа 1917 г.

[2] Петроград, 1916 г.; под предисловием дата: 4 января 1916 г.

В дальнейшем идут пункты: о водных путях, вольных гаванях, о развитии золотопромышленности, о тарифах, о нормальных уставах для акционерных обществ и проч.

Директор Международного банка, написавший эту книгу, весьма скептически отзывается о возможности провести эти меры путем какой-либо «междуведомственной комиссии». Эти комиссии, по нелишенному остроумия замечанию Хрулева, «у нас выдумали только по зависти к похоронным бюро,—для того, чтоб показать, что мы умеем всякую мысль, всякое предложение похоронить помпезно, по первому разряду».[1] Автор, тем не менее, предлагал все-таки учредить какую-то особую комиссию под председательством лица «по высочайшему назначению». Но, видимо, и этот «высочайший» путь не помогал — плана железных дорог не вырабатывали. Что оставалось делать Международному банку и металлургистам? Только одно: обратиться к Распутину; это и было, как мы видели,[2] сделано через Мануса и Путилова. В результате, в апреле, через три месяца после опубликования Хрулевым пожеланий Международного банка, вопрос о постройке железных дорог и выпуске на это займа встал в поле зрения А. Ф. Романовой, а еще через два месяца министр путей сообщения Трепов разработал уже соответствующий план железнодорожного строительства.

Все то, что мы говорили до сих пор, вскрывает некоторые проявления того контакта, который стал создаваться между распутинской властью и группами русских банков. Но эти факты касаются только внутренней политики и экономической жизни страны. Однако, «контакт» стал намечаться и в области политики внешней, непосредственно связанной с вопросами войны и мира. У распутинской власти был контакт с некоторыми русскими банками, а у этих последних с банками германскими. На этой именно почве состоялось, как мы видели, и «стокгольмское свидание» Протопопова с Варбургом по вопросу о сепаратном мире. Эта попытка может получить теперь несколько более углубленное освещение.

Свидание Протопопова с Варбургом состоялось в начале июля 1916 г., через четыре месяца после состоявшегося в Петрограде съезда металлургистов, председателем которого был Протопопов. А незадолго до этого в том же Стокгольме у германского

---

[1] «Финансы России и ее промышленность», стр. 140.

[2] См. стр. 131 — 134.

посланника Люциуса (который фигурировал и в «стокгольмской встрече» Протопопова) произошло свидание германского промышленника Стиннеса с японским посланником. Целью свидания была постановка вопроса о желательности сепаратного мира Германии с Японией и Россией. Имя Стиннеса — слишком громкое имя; был ли это сам создатель крупнейших германских трестов и «король металлургии», или один из уполномоченных им членов его «династии» — это уже не так важно; самое имя Стиннеса указывает на чрезвычайное значение его попытки нащупать почву для мира.[1]

Итак, Стиннес заговорил о необходимости мира. Об этом сообщает в своих мемуарах германский министр финансов Эрцбергер. Вот его слова:

«В конце марта 1916 г. немецкий промышленник Стиннес просил японского посла в Стокгольме о беседе, которая имела место в присутствии посла Ф.-Люциуса. Как мне передавали, немецкий посол заявил своему японскому коллеге, что, по его мнению, пришел момент для заключения мира между Германией и Японией и что русское правительство настроено в пользу мира. Японский посол возразил, что Японии не нужен скороспелый мир, и что сепаратный мир для его страны невозможен; германский посол ответил, что, если никто не возьмет на себя инициативы для начала мирных переговоров, то вообще нет никакой возможности заключить мир; представляется уместным, чтобы Япония, Россия и Германия обменялись мыслями с этой целью в полуофициальной, но конфиденциальной форме. Тогда японский дипломат выразил согласие сообщить содержание беседы своему правительству в Токио. Стиннес предложил, чтобы влиятельные представители России, Японии и Германии встретились в Стокгольме для обмена мнений об условиях мира;[2] тогда можно будет взаимно согласовать требования союзников и подготовить почву для переговоров между воюющими сторонами. Японский посол не думал, чтобы его правительство посоветовало бы России послать таких представителей, и уверял, что он не осведомлен об японских условиях

---

[1] Надо, кстати, заметить, что Стиннес развивал свою деятельность и в России: существовало, исключительно на германские капиталы, «Русское акционерное общество механических плавучих приспособлений для перемещения и выгрузки массовых грузов Гуго Стиннес» (правление в Петербурге).

[2] Подчеркнуто нами.

мира. Высказанная Стиннесом просьба о сохранении секрета не помешала тому, что русское посольство было тотчас же осведомлено обо всем». [1]

Для нас это сообщение Эрцбергера интересно тем, что оно дает возможность сопоставить «стокгольмское свидание» Протопопова с предложением, сделанным Стиннесом. Действительно— в конце марта 1916 г. Стиннес возбуждал вопрос о желательности встречи русских, японских и германских представителей, а уже в середине апреля состоялось второе свидание германского и японского посланников в Стокгольме для обсуждения вопроса о мире; [2] в июле же Протопопов имел, и именно здесь, в Стокгольме, беседу на эту тему с представителем германского посольства.

Отсюда видно, что план Стиннеса, хотя и в измененной форме,[3] был осуществлен. «Стокгольмское свидание» председателя съезда представителей русской металлургической промышленности Протопопова может быть поставлено в прямую связь с предложением, сделанным одним из столпов германской металлургии Стиннесом.

Таким образом, помимо официальных глав государств, представители металлургической промышленности России и Германии начинали подготовлять почву для заключения мира.

Романовы, учтя значение этой попытки, поспешили назначить Протопопова министром, подтвердив таким образом, что они и в этом случае шли на поводу у руководящей банковской группы. Эта же группа, как видим, отвечала в данном случае только на вызов германских империалистов (Стиннес).

По связи с этим последним вопросом об отношении к русскому банковскому центру германского капитала мы можем привести здесь любопытную выдержку из письма английского короля Георга к Николаю II. Английских империалистов очень тревожили те «пацифистские» настроения, которые стали замечаться в правящей русской клике. Об этом английский король писал Николаю в августе 1916 г.

---

[1] Эрцбергер. «Германия и Антанта». Гос. Изд—ство. 1923 г., стр. 201 — 202.

[2] Об этом втором свидании упоминает тот же Эрцбергер—цитиров. мемуары, стр. 202.

[3] Стиннес предлагал совместные переговоры германского, русского и японского представителей, но на практике вышло, что два последних имели отдельные переговоры с представителем германского посольства.

Николай II в ответном письме своем к Георгу, от 29 августа 1916 г., в связи с указанием последнего, что германские агенты пытаются посеять рознь между правительствами России и Англии, заявлял, что чувство «глубокой дружбы» к Англии все более и более укрепляется среди русского народа. Но к этому Николай прибавлял:

«Конечно, имеются отдельные лица, не разделяющие этого взгляда, но я постараюсь справиться с ними. Я считаю более серьезным явлением, требующим борьбы с ним, — продолжал Николай, — влияние некоторых банков, бывших до войны в германских руках, и влияние которых сильно, но невидимо чувствуется, в особенности в медленном исполнении заказов на изготовление военных материалов, аммуниции и проч.

«Я неоднократно,—прибавляет Николай,—обращал внимание моего правительства на этот факт. Я надеюсь, что г. Барк справится с этим затруднением».[1]

Так заверял Николай II английского короля. Но Николай, видимо, и сам не сознавал, что те «отдельные лица», которые не разделяли «глубокой дружбы» к Англии, были сильнее его, Николая, и «справиться» с ними он, конечно, не мог; эти лица были, прежде всего, жена Николая, Александра Федоровна, и сам Распутин.[2]

Что касается влияния банков, которые были до войны в германских руках (и, конечно, не порвали своих связей с Германией и во время войны), то эти банки, как было показано, играли заметную роль во всей распутинской системе, и мы считаем, что экономическая связь русских и германских банков была одной из причин того тяготения к сепаратному миру, которое усматривается в царской политике накануне революции.

Говоря о «банках и Распутине», мы старались, в связи с этим, наметить и тот банковский центр, который играл руководящую роль в экономической системе русской монархии накануне ее падения. На ряде примеров мы показали, как, через Распутина, этот банковский центр и отдельные, прикосновенные к нему, дельцы непосредственно связывались с Романовыми. Мы полагаем, что роль Распутина, как посредника между банковскими дельцами и Романовыми, выявилась при этом достаточно выразительно: такую роль играл Распутин и «распутинцы»

---

[1] Полный текст в сборнике «Монархия перед крушением».
[2] См., например, здесь, стр. 58 — 59.

и при назначении министров, и при их смене, и при организации «стокгольмского свидания», и при проведении займа. Настоящее правительство России составляли, таким образом, такие лица, как Манус, Рубинштейн, Путилов и другие крупнейшие банковские дельцы. Агентами этих лиц, по воздействию на правительственную политику, были Распутин и А. Ф. Романова. Что же касается самого Николая и официального правительства — всех этих Штюрмеров, Добровольских, Шаховских, — то они являлись простыми исполнителями воли того верховного банковского правительства, которое определяло общую правительственную политику.

Надо отметить при этом, что распутинская власть не без основания избрала именно банки своими «опорными ячейками». Ту же роль опорных пунктов, какую должны были играть теперь банковские отделения в России, они уже давно выполняли в других, более капиталистически развитых государствах. На экономическое значение такой «банковской сети» обращает внимание В. И. Ленин в своей, не раз уже нами цитированной, работе «Империализм, как новейший этап капитализма». Приводя примеры относительно Германии, Ленин пишет: «Мы видим, как быстро вырастает густая сеть каналов, охватывающих всю страну, централизующих все капиталы и денежные доходы, превращающих тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем и «всемирнокапиталистическое хозяйство».[1] Эта фраза даст свой смысл и тем небольшим примерам, которые нами здесь приведены.

Но в России, по словам Ленина, которые мы берем из другого места той же книги, «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических».[2] И эти слова справедливы не только в области экономики, но и в связанной с нею области политики. Так, например, у власти в России стоит, хотя и неофициально, Распутин, тесно связанный с банками; так и полагается быть правителю государства в капиталистической стране. Но кто такой этот Распутин? «Странник», «божий человек», привлекший к себе официальную власть какими-то мистическими чарами. Так, новейший этап капитализма уживался в России со средневековьем.

---

[1] В. И. Ленин. «Империализм, как новейший этап капитализма», стр. 22.

[2] Там же, стр. 65.

РАСПУТИН И ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ.

При той политической системе, когда государственная власть России принадлежала Распутину и окружавшим его банковским ельцам, не должно показаться странным, что влияние этих лиц казывалось не только в различных областях внутренней и внеш-ей политики, но даже и на руководстве военными действиями арской армии.

Тем моментом, с которого Распутин близко стал к военному омандованию, была смена верховных главнокомандующих, уже ассмотренная нами подробно. Говоря об этой смене, мы, ежду прочим, отметили, что она вполне соответствовала не олько желаниям Распутина с А. Ф. Романовой, но и инте-есам германских империалистов, которые небезосновательно ассчитывали, что новый «верховный» Николай II будет удоб-ым объектом для различных «пацифистских» влияний, чего ни каком случае нельзя было бы сказать об его предшественнике.[1]

Ведя кампанию против вел. кн. Николая, Распутин, и . Ф. Романова, естественно, сочли нужным постараться также о том, чтобы обеспечить Николая-царя от нежелательных влия-ий и со стороны других чинов «ставки». В этом отношении служивает внимания эпизод с генералом Данловым («чер-ым»), генерал-квартирмейстером штаба вел. кн. Николая.

В то время, как известно, везде искали шпионов: в связи этим особые подозрения возбуждала как раз среда, окру-вшая Распутина и А. Ф. Романову. Последняя, не желая

[1] Заметим, что в русской военной литературе смена в. к. Николая иколаевича рассматривается, как «большая нравственная победа» Гер-ании — см. А. М. Зайончковский. «Мировая война 1914 — 1918 гг.» р. 216. М. 1924. Военная Академия Р-ККА.

остаться, видимо, в долгу, начала сама разыскивать шпионов, — и таким неожиданно оказался упомянутый нами генерал Данилов. А. Ф. сообщала об этом Николаю в письме от 14 июня 1915 г., правда не лично от себя, а со слов вел. кн. Павла Александровича. «Друг мой, — прибавляла к этому сообщению А. Ф., — Воейков[1] хитер и умен, поговори с ним об этом и вели ему умно и осторожно следить за этим человеком (Даниловым). Конечно, как Павел[2] говорит, у нас теперь мания на шпионов — но все же раз такое сильное подозрение возникло, раз делается известным за границей все, что могут знать лишь близкие посвященные лица в ставке, Павел счел своим долгом спросить меня, упоминал ли ты мне об этом. Я ответила, — прибавляет она, — что нет. Только не говори об этом Николаше,[3] пока не будешь иметь достаточно материала, так как он все может испортить своей горячностью и сказать Данилову все в лицо, или не поверить».[4]

В одном из следующих писем, сообщая Николаю о слухах, распространившихся относительно мирных предложений, сделанных германцами через Васильчикову, А. Ф. вновь напоминает Николаю о «шпионстве» Данилова:

«Говорил ли ты с Воейковым относительно Данилова?—спрашивает она в письме от 16 июня. — Прошу тебя, сделай это. Только не говори об этом с толстым Орловым,[5] который приятель Н.[6] Они постоянно в переписке, когда ты бываешь здесь. — Воейков об этом знает. Это все не к добру. Он не одобряет посещения Григорием[7] нашего дома, и поэтому хочет удержать тебя в ставке, вдали от него. Если бы они только знали, как они тебе вредят, вместо того, чтобы помочь — слепые люди, со своей ненавистью к Григорию».[8]

Но, Николай, несмотря на такие настойчивые указания на «шпионаж» Данилова, не склонен был поверить на этот раз А. Ф. и Распутину: «Что касается Данилова,—писал он жене 16 июня,—то

---

[1] Дворцовый комендант.
[2] В. кн. Павел Александрович.
[3] В. кн. Николай Николаевич.
[4] «Переписка», т. III, стр. 212.
[5] Орлов — начальник походной канцелярии, вскоре после этого переведенный на Кавказ.
[6] Николай Николаевич.
[7] Распутин.
[8] «Переписка», т. III, стр. 222, письмо от 16 июня.

я думаю, что мысль о том, будто он шпион, не стоит выеденного яйца».[1] Впрочем, как вполне ясно видно из следующего письма А. Ф. суть дела тут была вовсе не в шпионстве: «Все говорят, что он держит в руках Н. и других вел. князей»[2] — пишет про Данилова, вскоре после этого, А. Ф. и этим раскрывает истинную причину брошенных против него раньше подозрений.

Таким образом, борьба Распутина и А. Ф. против генералов Данилова, Орлова, Брусилова[3] и других вызывалась, несомненно, желанием возможно лучше расчистить «ставку» от всех тех лиц, которые могли влиять на Николая, вопреки целям распутинцев. Позднее ими велась кампания и против фактического верх. главнокомандующего — генерала Алексеева, но об этом мы скажем ниже.

Перейдем теперь к вопросу о влиянии Распутина и А. Ф. Романовой на руководство военными действиями русской армии.

Вмешательство Распутина в военные операции отражается неоднократно даже в переписке Романовых. При этом, надо отметить, что Распутин принимал, видимо, во внимание психическую их поврежденность и предпочитал потому давать свои стратегические директивы в особой форме «ночных видений», «снов» и т. п., — и уже такая форма, приноровленная к умственному складу Романовых, могла иметь на них, — как знал это Распутин, — свое решающее воздействие.

Вот что, например, в связи с положением на северном фронте, в ноябре 1915 г. советовал Распутин Николаю:

«Теперь, чтоб не забыть, — писала А. Ф. мужу,— я должна передать тебе поручение от нашего Друга, вызванное Его ночным сновидением. Он просит тебя п р и к а з а т ь[4] начать н а с т у п л е н и е в о з л е Р и г и, говорит, что это необходимо, а то германцы там твердо засядут на всю зиму, что будет стоить много крови, и трудно будет заставить их уйти. Теперь же мы застигнем их врасплох и добьемся, что они отступят. Он говорит, что и м е н н о т е п е р ь это самое важное, и н а с т о я т е л ь н о просит тебя, чтобы ты приказал нашим наступать. Он говорит, что мы можем и должны это сделать, и просит меня немедленно тебе об этом написать».[5]

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 223.
[2] Там же, т. III, стр. 225, письмо от 22 июня.
[3] Это см. в письме А. Ф., от 23 августа («Переписка», т. III, стр. 258).
[4] Подчеркнуто везде А. Ф.
[5] «Переписка», т. III, стр. 459, письмо от 15 ноября 1915 г.

Можно было бы привести ряд примеров подобных советов; иногда их давала и сама А. Ф., повидимому, лично от себя. Так, 12 сентября 1915 г., она писала Николаю:

«Неужели правда, что мы опять в 200 верстах от Львова? Нужно ли нам торопиться вперед, и не повернуться ли нам и раздавить немцев?».[1]

Тут практическое значение имела, собственно, только первая часть совета — не торопиться с наступлением ко Львову; что касается второй, то она была трудно выполнима, и, прежде всего, потому, что, если бы армия «повернулась», то к русской границе, — где, конечно, никаких немцев не было.

Но особенную энергию проявил Распутин, совместно с А. Ф., во время летнего брусиловского наступления 1916 года. Этот вопрос мы рассмотрим подробно, так как роль здесь этих лиц во многих отношениях характерна.

Первый отклик на это мы находим в письме А. Ф. к Николаю от 4 июня 1916 г., — А. Ф. пишет:

«Аня[2] забыла сказать тебе, что наш Друг посылает б л а г о с л о в е н и е в с е м у п р а в о с л а в н о м у в о и н с т в у. Он просит, чтобы мы пока не наступали слишком усиленно на севере, потому что, по его словам, если мы будем продолжать иметь успех на юге, они сами отступят на севере, или предпримут там наступление, и тогда их потери будут очень велики, — если мы начнем там наступать, наши потери будут очень тяжкими».[3] «Он, — прибавляет А. Ф., — предлагает это, как совет», то-есть от себя, а не как «ночное видение»,—и потому, значит, этот совет можно принять, а если решатся, то и не принять. Но даже и «советы» Распутина имели для Романовых «божественное» значение, — а потому посмотрим, какой смысл мог иметь этот совет.

То наступление, которое было в мае 1916 г. предпринято армиями юго-западного фронта (Брусилова), должно было быть связано с о б щ и м н а с т у п л е н и е м русской армии, то-есть в нем, помимо юго-западного фронта, должны были принять участие армии также южного и северного фронта. Таков был стратегический план, выработанный на военном совете, состоявшемся в апреле, и одобренный Николаем. Предполагалось быть гото-

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 341.
[2] Т.-е. Вырубова.
[3] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 108.

вым к выполнению этого плана 1 мая; однако, начало операций несколько задержалось, и срок о б щ е г о наступления был определен в конце мая и даже в первых числах июня.[1] Но уже с 7 мая итальянское командование стало обращаться в русский штаб, в виду упорных атак на итальянскую армию австрийцев, с просьбами об ускорении наступления русских армий, и даже о немедленном выполнении этого; эти просьбы, — как отмечает ген. Алексеев, — были «близки к требованиям». Вследствие этого было решено ускорить наступление, но это ускорение, — по словам Алексеева, — не должно было, однако, «изменить общего плана наших действий, уже намеченного и одобренного на совещании 1 апреля».

Однако, — как пишет ген. Брусилов,[2] — 21 мая ген. Алексеев его уведомил, «что главковерх (т.-е. Николай II) желал бы отсрочить атаку недели на две, с тем, чтобы п е р е м е н и т ь в к о р н е с и с т е м у м о е г о (т.-е. Брусилова) н а с т у п л е н и я,[3] т.-е., чтобы все армии стояли на местах, атаку же произвести только одной 8-й армией, направленной на Ковель».[4]

Брусилов ответил, что предлагаемая ему система атаки лишь на одном фронте «уже многократно испытывалась у нас и на Западе, французами, англичанами, и немцами у Вердена, и везде одинаково терпела неудачу», а потому применять ее он не хочет и просит его сменить; так как Николай в момент получения этого ответа «лег спать», то Алексеев, после некоторых возражений, разрешил Брусилову действовать по его усмотрению, — и 22 мая он начал атаку противника (как это было первоначально решено).

Брусилов, вместе с тем, «для пользы общего дела всего нашего фронта, а не одного южного фронта, полагал целесообразным настоятельно требовать перехода в решительное наступление западного и северного фронтов», и тем более, что «все средства для главного удара были у западного и часть у северного фронтов».

---

[1] Излагаем это по тексту доклада Алексеева Николаю II, от 13 мая 1916 г. — С подлинника.

[2] «Из записок А. А. Брусилова» — журнал «Россия». 1924 г. № 3 стр. 137 — 142. — Брусилов сообщает также, что, в случае отказа от немедленного перехода в наступление русской армии, Италия угрожала «заключить сепаратный мир» (стр. 138).

[3] Везде подчеркнуто нами.

[4] 8-я армия находилась на юго-западном фронте (Брусилова).

В результате, что касается западного фронта, то он, хотя и произвел наступление, но с запозданием, почему потерпел крупную неудачу, что же касается северного фронта, то о нем, — по словам Брусилова,—«не стоит и говорить: никому и ничем он не помог».[1]

Возвращаемся теперь к совету Распутина. Указывая на то, чтобы усиленно не наступали на севере, Распутин, в сущности, подавал свой авторитетный голос за разрушение всего плана общего наступления, так как именно в это время северный фронт (равно как и южный) должны были начать энергичные действия. Правда, сам Николай, еще ранее, 21 мая, высказывал желание «переменить в корне» намеченный план наступления; но есть основания думать, что и эта мысль Николая шла от того же Распутина: свое мнение об изменении общего плана наступления Николай высказал от себя (а не по инициативе Алексеева) лишь через четыре дня после того, как в течение нескольких дней он пробыл вместе с приезжавшей в ставку женой, [2] и, следовательно, уже тогда знал все взгляды на этот счет Распутина; последнему же, очевидно, план наступления был сообщен, как это и всегда делалось, сразу же после того, как он был разработан.

Брусиловское наступление и в дальнейшем своем развитии тесно связано со «стратегическими» советами Распутина, — это мы сейчас и покажем.

С конца июля 1916 г. Распутин начинает вести кампанию в пользу уменьшения интенсивности, а затем — и окончательного прекращения наступления.

«Он, — пишет А. Ф. Николаю 25 июля, — находит, что было бы лучше не наступать слишком настойчиво, так как потери будут чрезмерно велики, — нужно быть терпеливым и нечего форсировать, так как в конце концов мы все получим, можно наступать очертя голову и закончить войну в два месяца, но тогда тысячи жизней будут принесены в жертву, а терпением также дойдешь до цели и не будет пролито столько крови».[3]

---

[1] Надо, однако, заметить, что главнокомандующий северным фронтом Куропаткин пессимистически относился с самаго начала к возможности наступления своего фронта, хотя позднее признал, что надежда на успех «все-таки есть». («Из записок Брусилова», стр. 137.) Мы пользуемся также работами А. М. Зайончковского: «Мировая война 1914—1918 гг.» (1924 г.) и «Стратегический очерк войны», часть VI (Высший Редакционный совет. М., 1923 г.).

[2] Это было с 5 по 17 мая.

[3] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 150.

На войне чужды эти гуманные, христианские соображения, и военный штаб едва ли бы согласился с желанием Распутина. Поэтому нужно было лично воздействовать на Николая, и А. Ф. в июле и августе три раза ездила в «ставку». Для большего успеха миссии, Распутин велел взять туда и Вырубову: «... скажи мне, — писала А. Ф. Николаю 25 июня,— могу ли я ее экстренно привезти с собой — наш Друг так этого хотел; она тоже принесла бы войскам счастье, как, по Его словам, приносит счастье твоя женка, когда она туда ездит».[1]

Во время этих свиданий в «ставке» Николай был, очевидно, соответствующим образом обработан, а генерала Алексеева А. Ф. хотела подкупить путем передачи ему иконы от Распутина: вместе с тем Николай должен был объяснить Алексееву все великое его значение.

Возвращаясь из первой за это время поездки в ставку, А. Ф. в письме к Николаю (от 3 августа) подтверждала совет Распутина, чтобы «они не спешили вперед», и вместе с тем замечала:

«Если только Алексеев принял образ, посланный нашим Другом, в надлежащем духе, то Бог, наверное, благословит его работу. Не бойся называть имя Григория, говоря с ним,—благодаря Ему ты остался тверд и год тому назад принял командование, когда все было против тебя,—скажи ему это, и он поймет тогда Его мудрость, и расскажи о многих удивительных случаях, когда спасались чудесно, кто Его знает и о ком Он молился во время войны, не говоря уже о Беби [2] и Ане».[3]

Поездка в это время А. Ф. в «ставку» и настояния ее о приостановке брусиловского наступления имели, несомненно, свой особый смысл. Дело в том, что как раз приблизительно в это время—в начале июля—состоялось «стокгольмское свидание», о котором, надо думать, сразу же были осведомлены и Распутин и А. Ф. 6 июля она прибыла в ставку, а уже на следующий день, 7-го, Николай подписал указ об отставке Сазонова (чего так давно добивалась А. Ф.) и о назначении на его место Штюрмера. Хронологическая близость «стокгольмского свидания» с назначением Штюрмера позволяет думать, что оба эти момента стоят в логической связи.

---

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 133.
[2] Наследник Алексей.
[3] «Аня» — Вырубова — «Письма А. Ф.», т. II, стр. 151.

Распутинская власть в обоих этих случаях подчеркивала свое желание встать на «мирные» позиции. При таком положении, в условиях империалистической войны, могло быть две военных тактики: или постараться до начала мирных переговоров забрать как можно большее количество территории, находившейся в руках противника, — или же, обратно, — не производить энергичных активных действий, приостановить наступление, и тем наглядно показать противной стороне свою выжидательную позицию.

«Ставка», верховное командование (если не считать колебавшегося в обе стороны Николая) придерживалась первой позиции, Распутин и А. Ф. Романова — второй.

В этом, видимо, и заключается сущность тех мотивов, по которым распутинская группа настаивала на уменьшении интенсивности наступления, а позднее — и на полном его прекращении.

После тех первых указаний Распутина, которые были сделаны им в этом отношении и выше нами приведены, распутинская кампания развивалась так:

8 августа 1916 г. А. Ф. пишет Николаю.

«Наш Друг надеется, что мы не будем переходить Карпаты и не попытаемся овладеть ими, так как Он повторяет, что потери опять будут слишком велики».[1]

Это было, конечно, умеренное желание, но, видимо, требовать большего было неудобно. Занятый в это время различными «делами» — Рубинштейна, Манасевича-Мануйлова, Сухомлинова и проч., — Распутин в течение некоторого срока не давал военных указаний. Лишь 23 сентября мы находим в письмах А. Ф. такое сообщение:[2]

«Наш Друг, — пишет она, — говорит по поводу новых приказаний, которые ты дал Брусилову и т. д.: «Очень доволен распоряжением Папы, видет[3] хорошо». Он об этом никому не скажет, но мне пришлось испросить Его благословения для твоего решения».[4]

«Папа», то-есть Николай, отдал распоряжение остановить наступление — этим и был «очень доволен» Распутин.

---

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 156.

[2] Надо сказать, что А. Ф. в течение предшествующего времени с 22 августа по 3 сентября была в «ставке».

[3] Очевидно — «выйдет».

[4] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 197.

Это удовольствие также имело свой смысл. Дело в том, что как раз перед этим распутинская группа добилась новой «пацифистской» удачи: 16 сентября Протопопов был назначен министром. Это очень усиливало «пацифистские» позиции и прекращение наступления именно в этот момент было особенно своевременным.

Однако... наступление продолжалось. Это вызвало, естественно, — неудовольствие Распутина. 24 сентября А. Ф. писала Николаю:

«Душка, наш Друг очень недоволен тем, что Брусилов не послушался твоего приказания остановить наступление. Он говорит, что ты вдохновлен свыше отдать это приказание, и насчет перехода через Карпаты до зимы, и Бог это благословит — теперь, Он говорит, опять будут бесполезные потери».[1]

На следующий день, 25 сентября, А. Ф. высказывается еще решительнее:

«Ах, отдай приказание Брусилову остановить эту бесполезную бойню... Младшие чувствуют, что у вождей их также нет никакой веры в успех там, зачем повторять безумия германцев под Верденом. Твои планы были так мудры, их одобрил наш Друг — Галич, Карпаты, Dorna Vatra, Румыны. Держись за это. Ты ведь «главный директор», все тебя поблагодарят на коленях и наша славная гвардия. Эти боятся наступления — открытые пространства, невозможно скрываться, мало лесов, скоро листья осыпятся и уже для наступления не будет спасительного прикрытия. Пришлось посылать людей далеко в обход болот — запах там ужасен — их товарищи остались без погребения... Наши генералы не считают «жизней» — они закалены и привыкли к потерям, — а это грех, — когда уверен в успехе, то другое дело. Бог благословил твою мысль, пусть она будет выполнена — пощади эти жизни».[2]

В письме от 26 сентября А. Ф. вновь повторяет, что «наш Друг волнуется», по поводу того, что Брусилов не послушался Николая, и тот уступил.[3]

Николай представил жене относительно этого какие-то оправдания, и тогда, 25 сентября, она писала:

«Спасибо, дорогой, за объяснения насчет Брусилова — раньше я не вполне понимала, в чем дело. Во всяком случае,

---

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 197.
[2] Там же, т. II, стр. 149.
[3] Там же, т. II, стр. 203.

наш Друг говорит, что следует поступать по твоим идеям, первая твоя мысль наиболее правильная».[1]

Наконец, в письме от 12 октября, А. Ф., проведя перед этим десять дней в ставке и уезжая из нее, снова взывает:

«Ах, мой муженек, останови это бесполезное кровопролитие — почему они лезут словно на стену, надо выждать удачный момент и не итти вперед и вперед».

При этом А. Ф. упрашивает мужа приехать к ней, в Царское: «Тебе, — уговаривает она, — не нужно будет принимать никого другого, кроме Протопопова, — это было бы хорошо, — или опять попали за ним, пусть он чаще говорит с тобой, спрашивает твоего совета, говорит тебе свои намерения. . .». [2]

Затем в письме от 15 октября А. Ф. высказывала Николаю свое удовольствие относительно тех указаний, которые он дал Протопопову:

«Я рада, — писала она, — что ты сказал П., чтобы он поговорил с Г. и Б.». [3] Вот три вершителя судеб «войны и мира»: П., Г., Б. Это — Протопопов, Распутин и, видимо, Бадмаев. У этой «троицы» были и ключи к сепаратному миру.

Надо, однако, указать, что, при отмеченных выше своих вмешательствах в дела верховного командования, Распутин и А. Ф. Романова встречали обычно противодействие со стороны начальника штаба Николая ген. Алексеева, фактического руководителя военных действий. Распутинская икона, видимо, не оказала на него своего чудотворного действия. В таком случае А. Ф. и Распутину не оставалось ничего иного, как постараться убрать и Алексеева, подобно тому, как раньше был убран в. к. Николай. Поводом для возбуждения у Николая недоверия к Алексееву послужила «переписка» его с Гучковым, то-есть, в сущности, два-три письма о разных злоупотреблениях в военном ведомстве, написанных Гучковым начальнику штаба «верховного».

«Я читала, — пишет А. Ф. 21 сентября 1916 г., — копию двух писем Гучкова к Алексееву и попросила начисто переписать одно из них, — ты увидишь, какой он [4] негодяй. Теперь я понимаю, почему Алексеев злобствует против всех министров после каждого письма (видно, что их было много): он расстраивает бедного Алексеева, и потом те факты, кото-

---

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 207.
[2] Там же, т. II, стр. 212.
[3] Там же, т. II, стр. 213.
[4] Гучков.

рые он приводит, очень часто умышленно извращены для А.[1] Все министры чувствуют его антагонизм в ставке, и теперь они понимают, откуда это. Когда я пошлю тебе письмо, ты должен иметь серьезный разговор с Ал., так как этот негодяй[2] подрывает все правительство в глазах А., — это в самом деле низость и в 40 000 000 раз хуже, чем все то, что мог написать Пален своей жене. Нужно вырвать Алексеева у Гучкова с его скверным коварным влиянием».[3]

Эта кампания, проводившаяся и в ряде следующих писем, протекала в т е с а м ы е д н и, когда Распутин требовал приостановки наступления, которое, однако, вопреки указаниям Николая, продолжалось, очевидно, по настоянию Брусилова и, главным образом, Алексеева. В этот момент последний был особенно неприятен распутинской группе: именно потому, конечно, и начат был против него поход.

В позднейшем письме (от 5 ноября 1916 г.) А. Ф. делает относительно Алексеева такой вывод:

«Работа человека, который так страшно настроен против нашего Друга, как бедный Алексеев, не может быть благословенной».[4]

А уже через три дня читаем в тех же письмах:

«Это совершенно правильно, что Алексеева посылают для хорошего отдыха в Крым, это для него абсолютно необходимо: спокойствие, воздух и настоящий отдых».[5]

К этому надо прибавить, что сам Николай, видимо, затруднялся отстранить Алексеева, но на это царю было дано еще ранее соответствующее разъяснение от Распутина.

«Он,[6] — писала А. Ф. Николаю 15 сентября, — сказал, чтобы я тебе передала, что ты не должен смущаться, когда ты смещаешь генерала, от мысли, что он может быть невиноват,—ты всегда впоследствии можешь его простить и опять принять на службу, а ему никогда не повредит, что он пострадал, так как это внушает ему с т р а х б о ж и й».[7]

Заместителем Алексеева был назначен ген. Гурко. Но А. Ф. и тут сочла нужным предупредить Николая: «Не забудь запретить

---

[1] Алексеева.

[2] Гучков. О переписке Гучкова с Алексеевым А. Ф. предупреждала мужа и за три дня ранее, 18 сентября («Письма А. Ф.», т. II, стр. 184).

[3] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 189.

[4] Там же, т. II, стр, 229.

[5] Там же, т. II, стр. 232.

[6] Распутин.

[7] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 181 — 182.

Гурко разговаривать или вмешиваться в политику — это погубило Никол(ашу) и Алекс(еева); последнему Бог послал эту болезнь, очевидно, для того, чтобы спасти тебя от человека, который потерял свою дорогу и вредил тем, что прислушивался к дурным письмам и людям, вместо того, чтобы слушаться твоих приказаний насчет войны, и не быть упрямым».[1]

Генерал Гурко «не разговаривал» и был мало подготовлен для своей роли — цель Распутина и А. Ф. Романовой была достигнута.

Такова, в общих чертах, была вырисовывающаяся из писем Романовых история вмешательства Распутина в руководительство русской армией во время наступления 1916 года.

Распутин и А. Ф. давали эти стратегические советы не наугад: как мы уже видели из их роли в брусиловском наступлении, они были отлично осведомлены о военном положении. Вообще Николай, находясь в ставке, постоянно сообщал об этом в своих письмах к жене. Это можно видеть, например, из письма его к А. Ф. от 31 августа 1915 г.:

«Теперь, — пишет Николай, — несколько слов о военном положении: оно представляется угрожающим в направлении Двинска и Вильны, серьезным в середине к Барановичам и хорошим на юге (ген. Иванов), где наши успехи продолжаются. Серьезность заключается в страшно слабом состоянии наших полков, насчитывающих менее четверти своего состава; раньше месяца их нельзя пополнить, потому что новобранцы не будут подготовлены, да и винтовок очень мало. А бои продолжаются и вместе с ними потери.

«Тем не менее прилагаются большие старания к тому, чтобы привезти какие возможно резервы из других мест к Двинску, чтобы отбить неприятеля от этого места. Но, опять-таки, на наши железные дороги уже нельзя полагаться так, как раньше. Только к 10 или 12 сентября будет закончено это сосредоточение, если, Боже упаси, неприятель не явится туда раньше».

Написав все это, Николай вдруг спохватывается, — он прибавляет:

«Прошу, любовь моя, не сообщай этих деталей никому, я написал их только тебе».[2]

«Никому», но, конечно, кроме Распутина. А это может означать многое... Чтобы показать какой смысл это могло иметь, мы приведем один пример.

---

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 243, письмо от 4 декабря.

[2] «Переписка», т. III, стр. 290.

В своих показаниях, данных в Следственной комиссии Временного правительства, бывший директор департамента полиции Белецкий говорит, между прочим, о том, как были обставлены поездки Николая II на фронт:

«Поездки эти, — сообщает Белецкий, — были обставлены так легко, что о них было известно в Германии; там знали маршруты царских поездов. Так, например, в ноябре, когда государь ехал с наследником на фронт, агентура западного фронта сообщила, что на участке за Бахмачем должна быть брошена бомба с немецкого аэроплана. Поезд шел со станции Сарны. Немецкий аэроплан шел навстречу. У них в распоряжении имелись сведения о маршрутах царских поездов, даже по часам, что я впоследствии проверил. Я поставил в известность генерала Воейкова, чтобы эти поезда лучше скрывались от них. Получив определенные сведения, я прекратил телефонные сношения и дал срочную телеграмму Воейкову, чтобы он боялся этого пролета. Произошла случайность: у наследника случилось кровоизлияние из носу, и поезд, повернув назад, срочно отправился в Царское. Но в тот самый час, на этом пролете, с высоко стоящего немецкого аэроплана была действительно брошена бомба во вспомогательный поезд, который идет впереди царского. Я по этому случаю составил записку и передал в ставку генералу Алексееву».[1]

Итак, мы имеем указание Белецкого, что в Германии были точно известны маршруты царских поездов. Надо заметить, что Белецкий, в отличие от большинства других деятелей старого режима, давал свои показания очень откровенно и правдиво. И сообщенный здесь им факт находит себе подтверждение в том, что эпизод с внезапной болезнью наследника Алексея и поворотом, вследствие этого, царского поезда действительно произошел. Это видно, между прочим, из переписки Н. и А. Романовых. 3 декабря 1915 года Николай, находясь в поезде, в пути на южный фронт, дал следующую телеграмму своей жене:

«Вследствие простуды у Алексея целый день с перерывами было кровотечение из носа. Решил, по совету Федорова,[2] вернуться в Ставку. Буду очень рад, если ты приедешь провести 6 декабря[3] вместе. Крепко обнимаю.

Николай».[4]

---

[1] 2-е показание Белецкого в Следств. комиссии.

[2] Придворный врач.

[3] День именин Николая.

[4] Подана 3 декабря в 10 ч. 10 мин. пополудни, принята в Царском Селе 4 декабря в 12 ч. 5 мин. пополуночи. («Переписка», т. III, стр. 485.)

Эта телеграмма была подана со станции Мена Либаво-Роменской железной дороги: Мена находится весьма близко от указанного Белецким Бахмача.[1]

В телеграмме Николая он, как видим, сообщая о болезни наследника и возвращении, вследствие этого, из поездки, вместе с тем приглашает жену приехать к 6 декабря в «ставку»,—однако, потом этот план был изменен, и Николай решил сам вернуться к этому дню в Царское.

Таким образом, мы можем видеть, что Белецкий указал, в общем весьма точно, и время и место этого случая. На основании этого можно отнестись с доверием и к сообщению Белецкого, что германцы знали маршруты поездок Николая. Но откуда? Каким путем? Этого Белецкий не сообщает.[2]

Но ответ на этот вопрос может дать та же переписка Романовых.

3 ноября 1915 г., перед предыдущей поездкой Николая II (тоже на юг), А. Ф., передав ему некоторые просьбы А. Н. Хвостова (министра внутренних дел), между прочим, сообщала:

«Он[3] привез мне твои с е к р е т н ы е[4] маршруты (от Воейкова), и я н и к о м у н е с л о в а о б э т о м н е с к а ж у, т о л ь к о н а ш е м у Д р у г у,[5] чтобы Он тебя всюду охранял».[6]

Несомненно, такая распутинская «охрана» нужна была и при следующей поездке Николая, а при таких условиях, в связи с эпизодом у Бахмача, сообщение этих секретных маршрутов «только нашему Другу» приобретает особый, трагический смысл. Для объяснения его проследим теперь за ходом мыслей А. Ф.

Н е п о с р е д с т в е н н о после цитированных нами строк А. Ф. о маршрутах, в письме ее говорится следующее:

«Только бы Кирилл[7] имел успех! Наш Друг сказал еще одну вещь, а именно: если будут предлагать большие суммы (с тем, чтобы получить награды), их нужно принимать, так как деньги очень нужны; поощряешь их делать добро, уступая их слабостям, и тысячи от этого выигрывают, — верно, но все-таки

---

[1] Не более часа езды по жел. дороге. — Надо заметить, что ближайшая прифронтовая полоса находилась отсюда примерно в 400-х верстах.

[2] Он высказывает только предположение, что это могло быть известно от находившихся в охране жандармов.

[3] Т.-е. Хвостов.

[4] Подчеркнуто А. Ф.

[5] Подчеркнуто нами.

[6] «Переписка», т. III, стр. 429.

[7] Вел. кн. Кирилл Владимирович, посылавшийся тогда в Румынию.

это безнравственно. Но в военное время все по-иному. Поговори с Хвостовым о Живахе[1] ... Андр(оников) передал все не совсем так, как было».

Переписка Романовых дает ответ и на вопрос, кто именно предлагал «большие суммы» за награды.

В письме А. Ф. от 10 сентября того же года находим строки, в которых она хлопочет перед Николаем относительно изобретателя каких-то аэропланов и при этом сообщает:

«Какой-то Рубинштейн дал уже 1 000 руб. и согласен дать еще 500 000 руб. на изготовление аппарата, если он получит то же самое, что и Манус».[2]

Таким образом, в письме, где сказано о секретных маршрутах, А. Ф., говоря непосредственно после этого о том, что нужно принимать большие суммы, которые будут предлагать за награды, имеет в виду, прежде всего, того же Рубинштейна: последний желал получить чин действительного статского советника, каковой незадолго до этого был дан Манусу, — и А. Ф. в письме от 3 ноября только напоминала о том, о чем говорила 10 сентября, т.-е., что нужно дать Рубинштейну чин, получив за это от него 500 тысяч.

Но, хотя Рубинштейн и был личностью в высшей степени подозрительною, мы не хотим из приведенных сопоставлений сделать заключение, что именно он причастен к вопросу о «секретных маршрутах»,—и это, прежде всего, потому, что тогда, в конце 1915 г., Рубинштейн, повидимому, еще не был близок к Распутину. Зато в том же письме, как мы видели, упоминается еще одно темное имя, имя князя Андроникова; по газетным сообщениям именно он, весьма близкий тогда к Распутину, выхлопотал Рубинштейну чин действительного статского советника.[3] Таким образом, при вопросе о путях перехода к германцам «секретных маршрутов», мы, кроме имени Распутина, подходим и к имени кн. Андроникова, который, кстати сказать, упорно подозревался в шпионаже.[4]

---

[1] Кн. Н. Д. Жевахов, который проводился в это время А. Ф. в помощники обер-прокурора синода.

[2] «Переписка», т. III, стр. 332.

[3] «Речь», № от 11 января 1917 г.

[4] См. письменные показания Белецкого. — Как мы уже видели (см. стр. 109 и след.), Андроников, добиваясь назначения министром внутренних дел А. Н. Хвостова, действовал в качестве агента немецкого электрического «Общества 1886 года». — Заметим, кстати, что маршруты были переданы А. Ф. Романовой Распутину, несомненно, в письменной форме, а не на словах: Распутин должен был «всюду охранять» Николая, а для этого надо

Во всяком случае, из подобных фактов видно, что секретнейшие сведения, которые А. Ф. «никому», кроме Распутина, не сообщала, попадали (не знаем — иногда, или всегда) каким-то путем в Германию; мы, таким образом, прямо подходим к вопросу о шпионаже.[1]

Как отчасти можно было уже видеть из предыдущего, Распутин, так же как и А. Ф., был хорошо осведомлен о различных стратегических планах и предположениях, — даже больше: без преувеличения можно сказать, судя по переписке Романовых, что Распутин знал все те военные тайны, которые были для него интересны.

Было, в сущности, даже особое предписание Распутина сообщать ему обо всем выдающемся,—за неисполнение этого Романовым объявлялся выговор. Это мы видим, например, из письма А. Ф. к Николаю от 22 декабря 1915 г.

«Наш Друг, — пишет она, — все молится и думает о войне. Он говорит, чтоб мы Ему тотчас же говорили, как только случается что-нибудь особенное, — она[2] Ему сказала про туман, и Он сделал выговор, что Ему этого не сказали тотчас же, — говорит, что туманы больше не будут мешать».[3]

Итак Распутин, распорядившись, чтобы не было больше туманов, вместе с тем подтвердил необходимость сообщать ему обо всем «особенном»; однако, почему-то Николай потом допустил оплошность, не сообщив Распутину о происходившем вскоре наступлении на одном из фронтов. Тогда последовало напоминание:

«Он (Распутин), — писала А. Ф. в январе 1916 г., — жалеет, что начали это движение, не спросивши Его. Он бы сказал, что нужно подождать. Он всегда молится и обдумывает, когда придет хороший момент наступления, так, чтобы не терять людей без пользы».[4]

было, очевидно, знать точно, в каждый час, где именно теперь находится Николай (говоря так, мы, естественно, приноравливаемся к умственному развитию А. Ф.). Равным образом и германцам маршруты должны были передаваться в письменной форме, ибо им, как и Распутину, также желательно было знать час и минуту прибытия Николая на каждую из станций, а запомнить этого, конечно, никто бы не мог.

[1] Существует также известие, что английский фельдмаршал Китченер, погибший на крейсере, взорванном германской подводной лодкой, подвергся такой участи потому, что об его поездке было сообщено германцам кем-то из распутинского круга. Об этом см. в приложениях.

[2] Вырубова.

[3] «Переписка», т. III, стр. 506.

[4] «Письма А. Ф.», т. I, стр. 357.

Вообще на многих примерах можно видеть, что, если чего-либо нужного для Распутина ему своевременно Романовы не сообщали, то он обращался к А. Ф. (а та к Николаю) с соответствующими запросами.

Так, 7 ноября 1915 г. А. Ф. пишет Николаю, находившемуся тогда в Одессе:

«Жажду телеграммы из Одессы, все мои мысли там с тобой... Дорогой ангел, так хочется задать тебе тысячу вопросов о твоих планах относительно Р(умынии). Наш Друг очень хочет это знать...».[1]

Или письмо от 4 февраля 1916 г.:

«Теперь,— пишет А. Ф.,— совсем конфиденциальный вопрос от меня лично: так как все время приходится читать о том, что немцы продолжают посылать артиллерию и войска в Болгарию, если, когда мы, наконец, перейдем в наступление, они ударят в тыл через Румынию, — кто тогда защищает наш тыл? Посылается ли гвардия к югу от Келлера и чтобы защищать направление Одессы?.. Теперь, если они пробьются через Румынию и нападут на наш левый фланг, какие силы остались, чтобы защищать нашу границу? Прости меня, что я к тебе пристаю, но такие мысли приходят невольно. Какие у нас планы теперь после взятия Эрзерума? Как далеко мы находимся от английских войск?».

В связи с этим А. Ф. также интересуется: «Я хотела бы знать, годится ли противогазовая маска Алека?..».[2]

А. Ф. получила, конечно, ответы на все эти вопросы и, очевидно, информировала обо всем и Распутина.

Все подобные выпытывания военных тайн, несомненно, очень подозрительны, особенно в связи с историей о «секретных маршрутах». Однако, было бы неосторожно делать, на основании этого, какие-либо определенные выводы относительно непосредственной роли Распутина в германском шпионаже. М. Н. Покровский, касаясь бегло, в предисловии к переписке Романовых, вопроса о том, были ли у «божьего человека», при его вмешательстве в военные дела, какие-либо «руководители», замечает, между прочим, что, «имея к своим услугам кошелек самой богатой семьи в России, не говоря уже о приношениях бесчисленных поклонниц и толпы просителей, Распутин едва ли польстился бы немецким жалованьем».[3] Это, несомненно, справедливо:

---

[1] «Переписка», т. III, стр. 439.

[2] Алек — принц А. П. Ольденбургский. («Письма А. Ф.», т. II, стр. 10.)

[3] «Переписка», т. III, стр. XXI.

германского жалованья Распутин не получал, — но не могло ли его «посредничество» осуществляться в каких-либо более «деликатных» формах? Как бы то ни было, но нам представляется очень мало вероятным, чтобы вокруг Распутина не существовало хорошо поставленной германской агентуры.

Распутин не таил про себя получаемых им от Романовых секретов, и они, несомненно, становились известны всему окружавшему его сброду, — дальнейшее же направление этих сведений к нужному пункту, при желании, было дать не трудно.

Министр внутренних дел А. Н. Хвостов оставил характерный рассказ о том, как технически проводилось это осведомление разных дельцов о военных тайнах.

«Распутин, — говорит Хвостов, — ездил в Царское, и ему давал поручение Рубинштейн узнать о том, будет ли наступление или нет... При чем Рубинштейн объяснял другим, что это ему нужно для того — покупать ли в Минской губернии леса, или нет? (потому что, если будет наступление, значит, можно покупать, — тогда это представляло бы большую ценность; если же нет, если не будет наступления, — то не следует). Мне сообщили, — продолжает Хвостов, — что Распутин поехал с таким поручением, а когда приехал, то, действительно, он рассказывал, что он говорил в Царском Селе».

Николай сказал, оказывается, что наступления не будет. «Когда же будешь наступать?» — спрашивает Распутин. — «Ружья будут только через два месяца; раньше не могу...».

«Нужны ли были, — прибавляет Хвостов, — Рубинштейну эти сведения, чтобы купить лес, или чтобы по радиотелеграфу сообщить в Берлин, чтобы потом могли послать 5—6 корпусов на Верденский фронт — это трудно установить».[1]

Это, конечно, только пример того, как могло быть организовано подобное «дело»: если не Рубинштейн, то кто-либо другой мог с успехом выполнять при Распутине подобные функции.[2]

---

[1] «Падение царского режима», т. I, стр. 32.

[2] Распутин, как умный человек, не мог, конечно, не сознавать, какое употребление могут сделать соответствующие лица из сообщаемых им военных секретов. Но Распутин, видимо, смотрел на это «сквозь пальцы», «делал вид», что он и не подозревает, куда идут те сведения, которые у него, под разными предлогами, выспрашивали «заинтересованные лица», вручавшие вместе с тем Распутину, опять-таки под разными предлогами, и подарки и деньги. В общем, тут применялся, надо думать, тот прием, которым обычно пользуются при подобной «осведомительной» прак-

Но, даже оставляя в стороне этот последний вопрос, мы имеем основание думать, что, и при вмешательстве в дела верховного командования, у Распутина были те самые «руководители», которые наставляли его и тогда, когда он действовал в области «гражданского управления»: при назначениях министров, при их увольнении, при организации займов и т. п. Это, очевидно, всё те же Андрониковы, Рубинштейны, Манусы, Манасевичи-Мануйловы и весь прочий, присосавшийся к Распутину, сброд. Заинтересованность этих биржевых дельцов в тех или иных военных операциях в значительной степени определялась успехом их финансовых комбинаций, при чем крупное поражение русской армии часто бывало для «понижателей» гораздо выгоднее удачных ее действий: поражение, отзываясь иногда на бирже понижением бумаг, сулило все выгоды тем спекулянтам, которые играли именно на этом; с другой стороны, «повышатели», по таким же мотивам, имели все основания желать хорошей победы. Таким образом, есть основание думать, что некоторые «стратегические» советы Распутина были связаны просто с интересами направлявших его отдельных спекулянтов. Не исключена, однако, и та возможность, что в некоторых случаях через Распутина передавались Романовым директивы германского штаба.

В заключение этого очерка надо отметить, что, в общем, роль Распутина и А. Ф. Романовой, при их вмешательстве в дела военного командования, вполне соответствовала той позиции, которую они занимали в вопросе о сепаратном мире. Этой цели, в конечном итоге, соответствовали и достигнутое распутинцами свержение вел. кн. Николая, и борьба против Алексеева и, наконец, — настояния о задержке, и даже совершенном

тике. Так, например, хотя бы член Госуд. Думы Крупенский, состоя секретным осведомителем департамента полиции, получал деньги от министерства внутренних дел не прямо за эти услуги, а на «устройство продовольственной лавочки», при чем министр «делал вид», что верит в такое назначение этих денег, хотя и платил их не за что иное, как за «осведомление» о секретных заседаниях «прогрессивного блока» (см. здесь, стр. 90). Так, предполагаем мы, могло быть и с Распутиным: он бы, наверное, с благородной гордостью отклонил какую бы то ни было сумму, если бы ему было прямо сказано, что — это деньги от германцев за такие-то «услуги», — но почему было не принять деньги на «благотворительные цели»? Ведь, как мы видели, сам Распутин указывал, что «если будут предлагать большие суммы, их нужно принимать, так как деньги очень нужны...».

прекращении, летнего наступления 1916 г., на широкий размах которого были возложены все надежды русских империалистов.

Таким образом, в то время, как на полях сражений шла борьба за достижение «победоносного мира», правящая распутинская группа, при своем вмешательстве в руководство военным командованием, в противовес этому, вела другую, закулисную борьбу — за прекращение войны, за сепаратный мир.

ОТ АНТАНТЫ — К ГЕРМАНИИ.

Во время империалистической войны все основные вопросы политики, естественно, определялись интересами войны; силою оружия разрешались теперь те, основанные на столкновениях двух империалистических групп, вопросы, которые дипломатия заинтересованных государств не только не могла разрешить мирным путем, но, наоборот, всячески старалась обострить, чтобы довести дело до мировой бойни. «Война до победы», «всё для войны» — эти принципы устанавливали основную линию политики всех воюющих государств. В частности, в России этими принципами определялось не только «единение с союзниками», но и полнейшее, во многих случаях, подчинение царизма интересам англо-французского капитала. Но «союзники», гораздо более экономически сильные, еще далеко не исчерпали всех своих ресурсов, когда Россия, принесшая наибольшие жертвы войне, стала уже изнемогать от непосильного гнета. «Священные» связи, соединявшие русскую монархию с ее союзниками, основанные более всего на интересах собственного русского империализма и на тех займах, которыми снабжали романовскую власть англо-французские империалисты, постепенно начали ослабевать, и в результате, как мы видели, вместо лозунга «война до победы» в единении с «союзниками», стал определеннее вырисовываться другой, противоположный лозунг — сепаратного мира с Германией.

Этот вопрос о мире, хотя бы и сепаратном, должен был встать тогда даже вне всякой зависимости от той или иной воли правительства и тех социальных групп, которые его поддерживали. Этот вопрос ставился прежде всего назревшими к тому времени объективными условиями, связанными, в своей основе, с тем разложением всей экономической системы, которое протекало в процессе войны. Но правящая клика могла понимать всю

серьезность тех причин, которые вызывали необходимость постановки вопроса о мире, и могла, по слепоте своей, их не вполне учитывать, в тупой и нелепой надежде, что какими-либо чудодейственными мерами можно будет преодолеть непреодолимые объективные условия. Примером последнего образа действий является вся политика «временного правительства», которое ни о чем так не старалось, как о войне «до победного конца», и, во славу интересов своего и «союзного» капитала, кинуло массы, требовавшие мира, в преступное июньское наступление 1917 года.

Но было ли у правящей распутинско-романовской группы с о з н а н и е необходимости ликвидировать войну? Ряд данных указывает, что оно было, хотя основывалось не столько на понимании требовавших этого объективных условий, сколько на все более и более уяснявшейся опасности дальнейшего продолжения войны как для династии, так и для монархии вообще. Однако, решающую роль играло даже не это сознание: политику царской России, в ее уклоне к сепаратному миру, определило, с одной стороны, то, что, после смены в. к. Николая Николаевича, к аппарату власти стали, через Распутина, подходить, взамен империалистских, те социальные группы, которые были настроены «пацифистски»; с другой стороны, здесь, как увидим ниже, имело значение также то обстоятельство, что и некоторые империалистские группы, на которых ранее опиралось правительство, вынуждены были, в силу своих экономических интересов, отходить на «мирные» позиции.

Но, прежде чем говорить об этом, мы считаем необходимым подвести итоги тем данным, которые свидетельствуют, что, по тем или иным причинам, романовско-распутинская политика была с о з н а т е л ь н о направляема к сепаратному миру.[1]

Первая попытка германцев нащупать, через Васильчикову, почву для сепаратного мира не дает еще никаких данных,

---

[1] Мы считаем полезным подвести здесь некоторые общие итоги, так как различные данные об этом, помимо очерка «Романовы и сепаратный мир», встречаются и в других очерках, а также в приложениях, основанных на вновь опубликованных данных. Среди них особенно для нас важны новые данные об отношении Романовых к опубликованию соглашения о Константинополе и проливах, опубликованные в вышедшем во время печатания настоящей книги издании Н. К. И. Д. «Константинополь и проливы», составленном по секретным документаам б. министерства иностранных дел, под редакцией и со вступительной статьей Е. А. Адамова.

чтобы можно было сделать какие-либо положительные на этот счет заключения, даже несмотря на благожелательное отношение к этому вопросу А. Ф. Романовой. Это первое предложение сепаратного мира, хронологически связанное со временем «уступки» союзниками царской России Константинополя и проливов, свидетельствует, однако, что тогда у Романовых было два пути — или пойти на переговоры с германцами о сепаратном мире, или продолжать войну «до конца» в согласии с «союзниками»: Романовы пошли по этому, второму, пути, но, если они поступили так, а не иначе, то в этом, несомненно, кроме ряда других причин, крупнейшую роль играл тот факт, что «союзники» как-раз в это время, предотвращая германские планы, подкупили Романовых Константинополем и проливами.

Однако, последовавшее в январе 1916 г. назначение Штюрмера председателем совета министров уже явно свидетельствует, что царская власть становилась на «пацифистские» рельсы.

Все обстоятельства «стокгольмского свидания» Протопопова (в июле 1916 г.) и состоявшееся затем назначение его министром (в сентябре 1916 г.) уже не только совершенно определенно показывают желание укрепить «пацифистские» позиции правительства, но, вместе с тем, отчасти свидетельствуют о сочувственном отношении к этому вопросу самого Николая,— выявляя, кроме того, и ту социальную группу, которая придавала этому делу сознательное направление.

Даже оставляя в стороне, вследствие недостаточной определенности известий, ту последнюю попытку к сепаратному миру, о которой говорит Чернин (где, вероятно, даже и инициатива принадлежала правящей русской группе), мы с особой ясностью видим выжидательное, в отношении к вопросу о мире с германцами, положение Романовых, во-первых, на истории отказа от опубликования акта об автономии Польши и, во-вторых, на факте т о р м о ж е н и я самим Николаем II обнародования соглашения об «уступке» Константинополя и проливов (о чем мы говорим в приложениях к настоящей книге).[1]

Затем, переходя к области военных действий русской армии, мы видим, что вся история вмешательства Распутина и А. Ф. Романовой в ход наступления русской армии в Галиции и на Кар-

[1] На опубликовании соглашения теперь настаивало уже не русское правительство, а английское, которое таким путем рассчитывало создать для Романовых невозможным постановку вопроса о сепаратном мире. Об этом см. здесь, в приложениях к очерку «Романовы и сепаратный мир».

натах в 1916 г. свидетельствует, что советы Распутина о задержке, и даже полной остановке, этого наступления хронологически связаны с теми моментами, когда так или иначе обнаруживались «пацифистские» позиции тех «сил», которые руководили политикой правительства (эти моменты — «стокгольмское свидание» и назначение Протопопова министром).

Вся совокупность этих фактов с достаточной, как мы думаем, определенностью показывает, что распутинско-романовская власть сознательно, хотя и весьма осторожно, стремилась к сепаратному миру.

Почему же в этом отношении не было сделано решительного шага? Этот вопрос частично нами уже намечен.[1] В общем, яснее других здесь выступают три причины. Формулируем их кратко. Первая—это, что романовская власть, естественно, боялась пойти на разрыв с англо-французским капиталом; вторая (и, может-быть, для Романовых особенно сильная) связана с убеждением их, что заключение сепаратного мира вызовет революцию, со стороны той самой либерально-империалистской буржуазии, которая, обслуживая англо-французский капитал, настаивала на войне «до победного конца»; и, наконец, третья причина, видимо, зависела уже от германцев — именно, что стоявшая у власти в Германии милитаристская группа не хотела итти на такие условия мира, которые могли бы удовлетворить царизм, и, в частности, не давала ему желательного разрешения вопроса о проливах и Константинополе.

К этому надо присоединить и ряд грубых тактических ошибок, допущенных германцами, — особенно издание акта об образовании зависимого от Германии Польского государства; ошибкою было, между прочим, и откровенное расхваливание немецкими газетами Штюрмера, ловко использованное Милюковым в думской речи об «измене» (1 ноября 1916 г.), и явившегося одной из причин увольнения этого министра, на которого германцы, видимо, не без основания, возлагали такие надежды.[2]

Как мы отмечали выше, для поворота царской политики — от Антанты к Германии — назрел к концу 1916 года ряд объек-

---

[1] См. здесь, стр. 70.

[2] Позднее германское правительство поняло неуместность публичного высказывания надежд на тех «союзных» деятелей, которые склонялись к миру с Германией: так, было запрещено писать что-либо в этом смысле относительно Кайо.

тивных условий, преодолеть которые, естественно, не могла бы правящая власть. Для общей оценки создавшейся тогда в этом отношении ситуации, мы приведем самый авторитетный отзыв,— отзыв В. И. Ленина, который в своей статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» выясняет возможность назревавшего тогда «поворота в мировой политике».[1]

«Есть признаки, — говорит Ленин, — что такой поворот наступил, или наступает. Именно: это — поворот от империалистской войны к империалистскому миру».

О том, каковы эти признаки, В. И. Ленин говорит далее:

«Несомненное сильное истощение обеих империалистских коалиций; трудность продолжать войну дальше; трудность для капиталистов вообще и для финансового капитала в частности содрать с народов еще сколько-нибудь кроме двух и более шкур, содранных в виде скандальных «военных» прибылей; пресыщение финансового капитала нейтральных стран—С. Штатов, Голландии, Швейцарии и др.,—который нажился гигантски на войне и которому не легко продолжать дальше это «выгодное» хозяйство в виду недостатка сырых материалов и съестных припасов; усиленные попытки Германии отколоть от ее главного империалистского соперника, Англии, того или другого союзника; пацифистские выступления германского правительства, а за ним и ряда правительств нейтральных стран— вот главнейшие из этих признаков».

Далее В. И. Ленин задает вопрос: «имеются ли шансы на быстрое окончание войны, или нет?», и указывает, в ответ на это, что вырисовываются довольно определенно две возможности: «пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический». Первая

---

[1] По вопросам, связанным с возможностью сепаратного мира В. И. Ленин написал две статьи в «Социал-Демократе»: 1) «О сепаратном мире» — в № 56 от 6 ноября 1916 г. и 2) «Поворот в мировой политике» — в № 58 от 31 января 1917 г. Кроме того, была написана статья «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», законченная 1 января 1917 г. и в свое время полностью не напечатанная. Эта статья подразделена самим автором на главки, и первая из них носит название «Поворот в мировой политике», соответствуя, в общем, части той статьи, которая была напечатана в «Социал-Демократе» от 31 января 1917 г. Работа «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» впервые опубликована в «Ленинском Сборнике» № 2, Института Ленина, под редакцией и с предисловием Л. Б. Каменева, издание Госиздата, 1924 г., стр. 295—314 (вышла также отдельно в «Ленинской Библиотеке»). Мы пользуемся преимущественно этой, напечатанной в «Ленинском Сборнике», редакцией, так как она оттеняет лучше некоторые интересные для нас черты.

возможность — это, что сепаратный мир между Россией и Германией уже заключен, хотя бы не в обычной форме формального договора, вторая — такого мира не заключено, и Англии, с ее союзниками, действительно, под силу продержаться еще и год, и два и т. п. «В первом случае, — указывает Ленин, — война, не теперь, так и в ближайшем будущем, неминуемо превращается, и серьезных изменений в ходе ее ждать нельзя. Во втором случае возможно неопределенно долгое продолжение ее».

В. И. Ленин останавливается на первом случае:

«Что переговоры, — говорит он, — о сепаратном мире между Германией и Россией совсем недавно велись, что сам Николай II или влиятельнейшая придворная шайка на стороне такого мира, что во всемирной политике обрисовался поворот от империалистского союза России с Англией против Германии к не менее империалистскому союзу России с Германией против Англии, — все это не может подлежать сомнению».[1]

В дальнейшем тексте статьи В. И. Ленин указывает, что «чем больше вырисовывается для царизма фактическая, военная невозможность вернуть Польшу, завоевать Константинополь, сломать железный германский фронт, который Германия великолепно выравнивает, сокращает и укрепляет своими последними победами в Румынии, тем более вынуждается[2] царизм к заключению сепаратного мира с Германией, то-есть к переходу от империалистского союза с Англией против Германии к империалистскому союзу с Германией против Англии».

Вот, весьма ценные для нас, указания В. И. Ленина о той международной ситуации, которая вырисовывалась к концу 1916 года.

Итак, мы видим, что — по взгляду Ленина — к этому времени назрели такие причины, которые могли обеспечить откол России от «союзников» и переход ее к союзу с Германией.

В связи с этим будет уместно привести слова Г. Е. Зиновьева, который, оценивая, подобно Ленину, создававшуюся тогда политическую конъюнктуру, попутно отмечает:

«Возможность нового союза царской России с юнкерской Германией в зародыше была уже с первого дня войны».[3]

---

[1] «Ленинский сборник № 2, стр. 298. Подчеркнуто нами.

[2] Здесь и далее подчеркнуто В. И. Лениным.

[3] Г. Зиновьев. Сочинения, т. V, стр. 288, статья «Война и мир».

Таким образом, в течение всей войны шел процесс назревания этого «зародыша», который, после двух лет войны, уже мог получить вполне реальную силу, вызывавшую возможность «поворота в мировой политике».

Каковы же причины, на основе которых мог назреть такой поворот? Они, в известной степени, предуказаны самим В. И. Лениным: это «сильное истощение обеих империалистских коалиций, трудность продолжать войну». Это «истощение», которое позднее, при помощи Америки, могли еще довольно долго преодолевать «союзники», раньше всего, как известно, сказалось именно в России, которой собственно и касается статья Ленина.

В этом «истощении», проявившемся в России в 1916 г. уже во всех областях хозяйственной жизни, в этой всеобщей разрухе, предвещавшей кризис всей капиталистической системы, и была, очевидно, та основная причина, по которой царизм «вынуждался» (по выражению Ленина) итти к сепаратному миру.

Мы не будем, конечно, рассматривать различных проявлений назревавшего кризиса, так как, с одной стороны, это — факт слишком хорошо известный; с другой — все проявления этого кризиса требуют специального исследования. Но все-таки мы отметим вкратце некоторые симптомы этого кризиса.

Первым тревожным симптомом, дававшим громадную трещину в лозунге «война до победы», был недостаток орудий и снарядов, обнаруживавшийся уже с начала 1915 года; чем дальше, тем грозное значение этого «недостатка» стало ощущаться все более и более, и, в конце концов, одним из результатов его было бегство русской армии из Галиции и ряд тех небывалых поражений, которые понесла русская армия летом 1915 года. Однако, «мобилизовавшаяся», в связи с этим, буржуазия пришла в этом отношении на помощь распутинскому правительству, благодаря чему снабжение армии орудиями и снарядами, в большей или меньшей степени, стало налаживаться. Но мобилизованные для военных надобностей заводы почти не могли заниматься уже той «мирной» работой, которая, однако, была необходима и во время войны: вагоны и рельсы изнашивались, а новых не было — вследствие этого явилась «разруха» транспорта, в котором, — по выражению М. Н. Покровского, — «есть корень всех вещей»,[1] связанных с данным вопросом. Затем пришла

[1] М. Н. Покровский. «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.». Курс лекций. Москва. 1924 г., Изд-во «Красная Новь», стр. 191.

принимавшая грозные размеры продовольственная «разруха» и связанная с ней дороговизна, немало способствовавшая усилению общего недовольства народных масс. Потом стали обнаруживаться разные другие «разрухи», и, в конце концов, не оставалось уже ни одной области хозяйственной жизни, в которую война не внесла бы своей разрушающей силы. И решающим фактором, в результате, становились не пушки и снаряды, которые предназначались для уничтожения неприятельских армий, а именно те условия, которые создавались в тылу и разрушали с неменьшею силою всю хозяйственную жизнь страны.

Помимо тех причин к миру, которые связаны с происходившим в хозяйственном организме России разложением, мы отметим здесь еще две.

Прежде всего — это, что русской армии, даже при полном обеспечении снарядами, фактически было не под силу воевать на два фронта: и с австро-германцами, и с турками, — между тем именно от Турции должна была царская Россия отхватить свою главную добычу — Константинополь и проливы. Стратегическая невозможность преследовать эту последнюю цель стала выясняться в «ставке» уже с февраля 1915 г., а в октябре того же года генерал Алексеев пришел к заключению о необходимости для России заключить сепаратный мир с Турцией. «Положение, созданное решением Болгарии присоединиться к нашим врагам, — сообщалось тогда об этом мнении Алексеева Сазонову, — считается ген. Алексеевым настолько серьезным, что мы из него не выйдем, если не заключим мира с Турцией». Только тогда, — по мнению Алексеева, — «создастся положение, при котором разумно можно будет рассчитывать на достижение цели войны: изгнания врага из наших пределов и сокрушения опасной для нашего существования военной мощи Германии. Преследовать иные цели, — значит, гоняться за миражем...».[1]

Но, хотя для немногих разумных людей из правящей группы создававшееся положение и давало повод подумать о необходимости мира, отказаться от «миража» русская империалистская буржуазия не могла...

Однако, чем дальше продолжалась война, тем сильнее начинал слышаться протестующий против нее голос рабочих масс —

---

[1] «Константинополь и проливы», т. I, стр. 107, 108. См. также «Сборник секретных документов из архива б. Министерства Иностр. Дел», № 1 (изд. 2), стр. 13.

это было той второй причиной для мира, которую хотим мы отметить.

Революционное настроение рабочих масс уже заметно проявилось во второй половине 1915 года; в этом отношении нужно особенно отметить большие забастовки в Петрограде и Москве. Этот, с каждым днем все более нараставший, революционный подъем был, между прочим, одним из мотивов возникшего в «ставке» проекта о необходимости учреждения военной диктатуры. С большой тревогой, в связи с этим, докладывал ген. Алексеев Николаю II 15 июня 1916 г.:

«Заводы, работающие на оборону, переживают тяжелый кризис с рабочими. Забастовочное движение непрерывно растет, преступная пропаганда широко ведет свое убийственное дело, главным образом на столь благодарной почве, как необеспеченность рабочих предметами пропитания и дороговизна предметов первой необходимости».[1]

Парализовать рабочее движение предполагалось, между прочим, милитаризацией заводов, попытка к чему была сделана еще и ранее.[2] Сообщая в другом своем докладе Николаю, от 24 июля 1916 г., о забастовке на Луганском патронном заводе, Алексеев, «во избежание непоправимых бедствий, грозящих нашему отечеству от приостановки заводов, работающих на оборону», находил необходимым немедленную организацию на всех таких заводах продовольственных магазинов и снабжение рабочих по дешевым ценам продуктами первой необходимости. Но подобные мероприятия, во-первых, правительством не проводились в жизнь и, во-вторых, никакие генеральские меры не могли, конечно, предотвратить главного — прояснения сознания масс, часть которых, опутанная в начале войны националистическим дурманом, стала теперь убеждаться в преступности и бесцельности затеянной империалистами бойни.

Нарастание революционного настроения масс было одним из тех мотивов, по которым в некоторых слоях буржуазии начинали задумываться о необходимости мира, посредством которого предполагалось подавить назревавшую революцию. И этот мотив, следует отметить, имел известное значение не только у нас, в России, но и в других государствах, особенно же у австро-германской коалиции. Это можно видеть, например, из доклада австрийского

---

[1] «Монархия перед крушением».

[2] В конце февраля 1916 г. был милитаризирован Путиловский завод.

министра иностранных дел Чернина, представленного императору в апреле 1917 г.: Чернин в этом докладе настаивает на том, что необходимо стремиться к миру, и, в качестве главнейшего основания, на котором, по словам этого министра, зиждется «вся тяжесть его аргументации», он выдвигает «революционную опасность, застилающую горизонт всей Европы».

«Всякий государственный деятель должен понять, если только он не слеп и не глух, — указывает Чернин, — что тупое отчаяние населения ежедневно усиливается; он должен слышать глухой ропот, доносящийся из широких масс, и, если он отдаст себе отчет о своей ответственности, он должен считаться с этим фактором».

И далее:

«Я утверждаю категорически, что, если Германия будет пытаться вести дальнейшую зимнюю кампанию, то внутри империи также произойдут перевороты, которые кажутся мне гораздо более чреваты дурными последствиями, чем мир, заключенный монархами. Если монархи центральных держав не в состоянии заключить мир в ближайшие месяцы, то народы сделают это сами через их головы, и революционные волны затопят тогда все, за что сейчас еще борются и умирают наши братья и сыновья».[1]

Эта тревога весьма симптоматична. Чернин говорит не только за себя — он отражает настроение всей той правящей клики, к которой он принадлежал. Можно было бы привести и другие подобные примеры: столь же пессимистически был, например, настроен один из самых влиятельных вождей австрийских клерикалов, упоминавшийся нами князь Лихтенштейн.[2] Предпринимая различные шаги в пользу сепаратного мира, Лихтенштейн в то же время совместно с другими клерикалами строил планы о восстановлении в Австрии абсолютной монархии, мечтая об упразднении «рейхсрата», который признавался учреждением «противоестественным», и т. п.[3] И мотивы, требовавшие этой реакционной политики, прекрасно видны из приведенного отзыва Чернина: надо было подавить «глухой ропот, доносящийся из широких масс», надо было сокрушить назревавшую революцию, возможность которой выростала все более и более по мере продолжения войны. И для этого прежде всего надо было кончать

---

[1] Чернин. «В дни мировой войны», стр. 163 — 164.

[2] См. здесь, стр. 11, 65.

[3] Г. Зиновьев. «Австрия и мировая война». П. 1918 г., стр. 87—91.

войну. Таким образом, на приведенном примере настроений австрийской правящей клики мы видим аналогию с условиями, существовавшими в России, где правящая группа, стремясь к сепаратному миру, вместе с тем также рассчитывала подавить революционное настроение масс путем самой черной реакции.

Однако, надо сказать, что, несмотря на возраставшую с каждым днем разруху, на почве которой у некоторых наших буржуазных групп являлось сознание грозной опасности, связанной с дальнейшим продолжением войны, широкие слои буржуазии, и особенно так называемая «либеральная» буржуазия, не хотели сдавать своих империалистских позиций. На этой, главным образом, почве империалистская буржуазия вступила в борьбу с правительством, которое, вместе с поддерживавшими его группами, явно становилось на пути, ведущие к сепаратному миру. Мы приведем далее различные примеры, подтверждающие эту мысль, но ранее остановимся на взгляде М. Н. Покровского, который в своих «Очерках по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» рассматривает вопрос о смысле происходившей тогда политической борьбы. В этом отношении М. Н. Покровский, согласно с своим основным взглядом, противопоставляет интересы промышленного капитала капиталу торговому, указывая, что именно последний был заинтересован в скорейшем заключении мира.

«В начале войны,—пишет М. Н. Покровский,—несомненно, доминировал торговый капитал. Задача захвата проливов — это была задача торгово-капиталистическая. Это был эпизод борьбы России за торговые пути. Промышленный капитал в первые месяцы отнесся к войне довольно прохладно, но постепенно, по мере того, как война оказывалась великолепным рынком, с лихвой заменявшим обычный рынок, на котором уже было тесновато русской промышленности, по мере того, как, с другой стороны, прекращение всякого вывоза из России отнимало у торгового капитала всю прелесть войны, надежда на то, что война кончится в 3—4 месяца блестящей победой, не оправдалась, урожай 1914 года был потерян, урожай 1915-го года был также потерян, урожай 1916 года также не был вывезен за границу, — по мере того, как шло это, интересы торгового и промышленного капитала должны были переместиться. Промышленный капитал, чем дальше, тем больше втягивался в войну, торговый капитал, чем дальше, тем больше начинал скучать и горько осуждать войну. Это сказалось во взаимоотношениях прогрессивного

блока, который представлял собой, главным образом, промышленный капитал, и придворных кругов, дворянства, которое искони представляло из себя на Руси, главным образом, торговый капитал ибо помещик был, как вы помните, агентом торгового капитала».

«Необходимость закончить войну, — говорит М. Н. Покровский далее, — чтоб открыть, наконец, русскому хлебу вывоз за границу, сознавалась все сильнее. Правда, было два обстоятельства, смягчавших, так сказать, горе торгового капитала. Это, во-первых, все уменьшавшаяся урожайность русского хлеба: урожай к 1917 году упал на 30—40%, смотря по тому, берем ли мы пшеницу или рожь, и это держало хлебные цены, а затем смягчали помещичью беду военные поставки. Но так или иначе, всякое отсутствие не только активного, но какого бы то ни было баланса, превращение всего баланса сплошь в баланс пассивный, должно было обеспокоить, и даже не столько уже один торговый капитал, сколько русское накопление вообще. Промышленный капитал относился к этому легко, поскольку в его карман лились огромные барыши, но в общем и целом даже русский капитализм находился под некоторым вопросом. Всё это вместе взятое должно было дать ход тем пацифистским тенденциям, которые с начала войны представлял Витте, умерший в 1915 г., но которые в начале войны никакого эха не встречали».[1]

Эти слова М. Н. Покровского достаточно ясно обрисовывают тот важнейший экономический мотив, по которому царская власть должна была стремиться закончить войну. Но, при всей справедливости указанного мотива, мы, в отношении собственно дворянства, не видим, однако, сколько-нибудь существенных данных, которые показывали бы, что широкие его слои действительно стали отклоняться от лозунга «война до победного конца» и становиться на «пацифистские» позиции.

Факты, наоборот, свидетельствуют, что очень влиятельные дворянско-помещичьи круги до самой революции были настроены вполне империалистски и, видя, что политика России клонится к сепаратному миру, старались подстегивать Романовых к энергичной борьбе до «победного конца».

Это видно уже из того, что даже в «прогрессивный блок», особенно усердно старавшийся о бесконечном продолжении войны,

---

[1] М. Н. Покровский. «Очерки по истории русского революционного движения», стр. 201 — 202.

помимо торгово-промышленной буржуазии, входила и довольно значительная помещичья группа (особенно «националисты», «октябристы»), которая вполне поддерживала крайнюю империалистскую позицию «блока». В соответствии с этим, в ноябре 1916 г. даже такое помещичье-бюрократическое учреждение, как Государственный Совет, в значительном своем большинстве заявило о своей солидарности с той же прогрессивно-империалистской программой.[1] Наконец, даже «объединенное дворянство» также отрицательно относилось к политике власти,—и все на той же почве: «война до полной победы», «долой темные силы». О таких настроениях мы можем судить хотя бы по резолюции, принятой на съезде «объединенного дворянства» 1 декабря 1916 г. В этой резолюции, между прочим, говорилось, что «необходимо решительно устранить влияние темных сил на дела государственные, необходимо создать правительство сильное русское по мысли и чувству, пользующееся народным доверием и способное к совместной работе с законодательными учреждениями, — только такое правительство может обеспечить доведение войны до полной победы, без которой народная мысль (!) не допускает мира».[2]

Только м е н ь ш а я часть «объединенного дворянства» не встала на эту позицию, большая же часть, выражавшая, видимо, настроения помещиков капиталистического типа, явно тяготела к программе «прогрессивного блока» (в его самом умеренном крыле). Что касается этой меньшей, но очень влиятельной, части, отражавшей интересы помещиков-феодалов, то в эту группу входили представители самой сгущенной реакции: о необходимости сепаратного мира они, однако, открыто сказать не могли, хотя вполне последовательно отрицали самое существование всяких «темных сил», — отрицали именно потому, что эти «силы» делали как-раз то, что было нужно этой помещичьей группе.[3]

---

[1] Соответствующая резолюция была принята в заседании 26 ноября 1916 г.

[2] Эта резолюция была принята подавляющим большинством: из 126 членов съезда только 25 были против. («Речь», от 2 декабря 1916 г.) Конечно, такие резолюции не вполне надежный материал для характеристики настроений: чтобы услужить правительству, люди нередко поддерживали такие резолюции, которым вовсе не сочувствовали, — однако, в данном случае, едва ли можно признать этот мотив, так как могли угодить власти как-раз те, которые были п р о т и в резолюции.

[3] В таком смысле говорил тогда в Госуд. Совете, между прочим, граф Бобринский, министр земледелия (бывший раньше председателем

Однако, высказывание дворянских «народных мыслей» ни к чему не приводило... «Темные силы» продолжали действовать, и с каждым днем все яснее становилось, что дело идет к сепаратному миру. Что оставалось делать? Убить Распутина, как главную «темную силу». Это и было выполнено немного спустя Юсуповым и К°, при полном сочувствии всех слоев дворянства и буржуазии, видевших, по своему недомыслию, в этом акте не только «очищение» самодержавия от «темных сил», но и предупреждение себя от революции и надвигавшегося сепаратного мира.

Естественно, что и эта мера не помогла — оставалось сделать какой-то новый, решающий шаг. Шаг этот был предуказан, между прочим, и в цитированной резолюции дворянства: «Необходимо создать правительство сильное, русское по мысли и чувству, пользующееся народным доверием...». Но кто же как не дворянство пользуется этим самым «народным доверием»?

Поэтому вполне естественно, что, когда распространились в последние дни существования монархии слухи о предстоящем разгоне Думы,—с чем, как мы видели, мог быть соединен и план сепаратного мира,[1] — председатель Думы Родзянко решил организовать нечто в роде диктатуры дворянства; опасаясь своего ареста, Родзянко вызвал в Петроград нескольких крупных дворянских деятелей и просил их, в случае своего ареста, «стать на страже интересов родины и взять на себя долг бороться с теми оскорблениями, которые, несомненно, выпадут на долю родины». Это совещание постановило, что дворянство «обязано, в случае роспуска Думы, встать во главе движения для блага родины и для борьбы с предателями ее». В связи с этим решено было экстренно созвать дворянский съезд.

Ближайшей, непосредственной целью этих дворянских предположений было стремление предотвратить сепаратный мир: это видно из слов самого Родзянко, который, в связи с этим, указывает, что он «отлично понимал», что «дело идет, несомненно, к сепаратному миру и позору России». «Предателями родины» оказывались, таким образом, прежде всего сами Романовы. Характерно, что Родзянко, при этих своих замыслах, решил отмежеваться от «союзов» земств и городов, отклонив,

---

«объединенного дворянства»); отрицая существование «темных сил», он обвинял противников в присоединении к «осаде власти», «в дешевых нападках на правительство, прошедшее, настоящее и будущее (!?)». («Речь» 1916 г., № от 27 ноября.)

[1] См. здесь, стр. 60 и след.

под благовидным предлогом, приглашение действовать с ними совместно.[1]

Приводя эти факты, мы имеем целью показать, что, хотя объективно помещичий класс и должен был стремиться к миру, но значительные дворянско-помещичьи слои не были склонны стать на «пацифистские» позиции; наоборот, они настаивали на «войне до конца», и именно на почве недовольства романовской политикой, клонившейся к сепаратному миру, эти слои стали отрицательно относиться к правительству.

Является, однако, вопрос, чем объяснить такой «патриотизм» помещиков? Нам представляется, что «горе» крупного торгового капитала не только «смягчалось» отмеченными М. Н. Покровским обстоятельствами, но, в значительной степени, и вовсе уничтожалось, давая даже место некоторой «радости», поддерживавшей «патриотическое» настроение помещиков.

Для характеристики этого весьма любопытна происходившая в июле — августе 1916 г. борьба помещиков за высокие твердые цены, по которым правительство закупало хлеб для армии и населения. Министр земледелия Наумов (сам, кстати сказать, принадлежавший к составу «объединенного дворянства») пытался несколько сдерживать аппетиты крупных землевладельцев, и именно за это в июле 1916 г. поплатился отставкой; против него поднялись не только «правые», но даже такие дворянские «либералы», как кн. Щербатов (бывший министр внутренних дел).[2] В этой борьбе были забыты политические разногласия, и широкие помещичьи круги слились в одном классовом чувстве. Ставший вместо Наумова министром земледелия богатейший аграрий граф Бобринский примыкал к «пацифистской» группе Штюрмера; но как у «пацифистов», так и у империалистов (мы говорим про помещиков), была одна общая цель: несмотря на тот или иной исход войны, постараться теперь же, в данный момент, побольше нажить на поставках для армии. Этой цели и стал служить Бобринский. В образованном по этому поводу особом совещании было принято повышение твердых цен от 40% до 60%, что, в несколько измененном виде, было утверждено и советом министров.

---

[1] «Февральская революция» (сборник в серии «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев»). Составил С. А. Алексеев. 1926 г., стр. 28, 35.

[2] «Русские Ведомости», № от 2 июля 1916 г.

Вместе с тем надо отметить, что, по связи с этим вопросом, возник и другой — о необходимости принудительного труда крестьян для помещичьих имений, которые, кстати сказать, и без того широко пользовались трудом военнопленных. Принудительный труд крестьян на помещиков, по личной инициативе некоторых губернаторов, уже был тогда введен в нескольких губерниях, но министерство земледелия (равно как и внутренних дел) находило, что эта мера должна носить «не случайный и частный, а планомерный общий характер»; это обосновывалось тем, что «все большие экономии испытывают обостренную нужду в рабочих руках», а «крестьяне совершенно не желают наниматься на работы».[1] Таким образом, этим последним мероприятием крестьяне ставились уже совершенно в крепостническое положение.

Такие мероприятия, естественно, весьма укрепляли позиции торгового капитала: отсутствие экспорта заменялось возможностью здесь же, у себя на родине, — притом с «патриотическими» целями, — продать по мародерским ценам хлеб; это, в связи с принудительным трудом военнопленных и даже крестьян на помещиков, естественно, должно было поддерживать их желание вести войну «до конца».

Вместе с тем возникает и такой вопрос: был ли вообще для торгового капитала выход в сепаратном мире? М. Н. Покровский признает, что торговый капитал все-таки «не мог отказаться от главного приза этой войны, от проливов».[2] Но допустим даже, что этот вопрос был бы, по соглашению с Германией, как-либо урегулирован,—однако, о такой возможности широкие слои представителей торгового капитала просто не подозревали: они смотрели на сепаратный мир, как на мир позорный, т.-е. экономически порабощавший, прежде всего, представителей этого же класса. Потому, если даже некоторые слои его и стали «горько осуждать войну», то, все-таки, не видя выхода, продолжали стоять на прежнем, опять-таки безнадежном, пути — «войны до победы».

Таким образом, на вопросе о войне романовская власть, клонившая дело к сепаратному миру, отрывалась от своей широкой дворянской основы. Вместе с тем получалось странное,

---

[1] «Русское Слово», № от 23 августа 1916 г.

[2] М. Н. Покровский. «Очерки по истории революционного движения», стр. 205.

противоречивое положение: естественно, служа во всех других вопросах и, в частности, в отмеченной нами «твердой» аграрной политике, интересам помещиков, распутинская власть именно этой аграрной политикой более всего у к р е п л я л а, вопреки своей «пацифистской» линии, стремление помещиков к «войне до конца».

Такой результат мог бы быть неизбежным следствием того положения, в которое попадала романовская власть, идя по пути к сепаратному миру; но, вместе с тем, возможно и так, что усиленные уступки вожделениям помещиков, вопреки даже военным интересам,[1] делались теперь именно потому, что таким путем правительство фактически привлекало к себе эту дворянскую «оппозицию» и, может-быть, в конце концов примирило бы ее с перспективой сепаратного мира, если бы он мог быть заключен на приемлемых для торгового капитала условиях.

Что касается той части помещичьего класса, которая поддерживала и, в известной мере, определяла «пацифистское» направление политики правительства, то основной слой этой группы составляли, несомненно, те крупнейшие аграрии, которые, в силу своих классовых интересов, находили для себя целесообразнее стремиться к миру; мотивы для этого указаны М. Н. Покровским в цитированной его работе. Эта группа крупнейших помещиков могла позволить себе роскошь даже и не увлекаться временными наживами на «твердых ценах», связанных с дальнейшим продолжением войны,—тем более, что в данной группе было хорошо понято, что именно война может угрожать революцией, то-есть концом их классового господства.[2]

Интересы этой руководящей группы крупных аграриев обслуживали и различные черносотенные организации: «союзы русского народа», «палаты» каких-то архангелов и т. п., а также «салоны» (Римского-Корсакова, Штюрмера). К этим салонам примыкало и большинство тех присяжных бюрократов, из которых формировались министры.[3] Что касается рядовых участников

[1] Военное министерство протестовало против увеличения твердых цен

[2] См. записку Дурново — здесь, стр. 48 — 49.

[3] Так, в «салон» Штюрмера входили такие, например, лица: гр. А. А. Бобринский, Стишинский, Дейтрих, Фриш, кн. А. А. Ширинский-Шихматов и много других лиц, делавших бюрократическую карьеру. «Кроме того, — по словам Белецкого, — Б. В. Штюрмер, для связи с провинцией, приглашал в свой салон приезжавших в Петроград губернских предводителей, губернаторов и некоторых владык, принимавших участие в политической жизни страны» (письменные показания Белецкого).

правых организаций, то они, как известно, состояли из всякого сброда, «идеология» которого определялась денежными подачками от правительства и проявлялась более всего во время еврейских и других погромов. Но это уже были «низы», тесно, однако, связанные с верхами, а через них и с самим «тропом».

В среде руководящей группы «правых» несомненны те настроения, которые можно назвать уже не «пацифистскими», а прямо германофильскими: тяготение к Германии основывалось здесь, прежде всего, на принципе необходимости политической солидарности двух монархий. Эти тенденции, выражавшиеся до войны в «Русском Знамени» и других рептилиях, иногда проскакивали наружу и тогда, когда властью был признан принцип «священного единения» с союзниками.[1] Это же сказалось и после революции, когда, напримєр, один из главарей «союза русского народа» сенатор Римский-Корсаков, из «салона» которого вышел последний решительный план подавления революции и сепаратного мира,[2] вошел в состав «совета» организованной в 1919 г. авантюристом Бермондтом-Авиловым русско-германской армии, имевшей целью свержение Советской власти и восстановление в России монархии. Для организации этой авантюры, в которой принимали участие и другие русские реакционеры, инициаторы ее вошли в связь с германскими коммерческими кругами и с военным командованием, при чем и тут и там встретили соответствующую поддержку; «коммерческие круги» рассчитывали, идя на это, достичь, в качестве компенсации, заключения с этой теоретически-восстановленной монархией выгодного торгового договора.[3]

---

[1] Так, уже в начале войны «Русское Знамя» выражало гнусную радость по поводу налета на «жидовский Париж» цеппелинов, несущих «до ста пудов полезного груза». Эта выходка вызвала все-таки предостережение со стороны военной власти, и «Русское Знамя» притихло, запявшись травлей «внутренних врагов».

[2] См. здесь, стр. 67 — 69.

[3] Судя по разоблачениям с.-д. Гаазе, напечатанным в сентябре 1919 г. в «Times», авантюра эта была задумана в «салоне графини К...» (Клейнмихель?). «Армия» (во главе германской части которой стоял известный фон-дер-Гольц) должна была начать действия с Прибалтийского края, где этот план встретил поддержку и со стороны некоторых баронов; как и следовало ожидать, вся эта жалкая попытка монархистов кончилась крахом очень скоро (см. статью Ю. Стеклова «Российские царисты и германские империалисты», в журнале «Новый Мир», 1925 г., № 1, стр. 115—119).

Итак, «правые» действовали в этом отношении довольно последовательно, как до войны, так во время ее, и после революции.[1] Вот эти-то «правые», возглавляемые крупнейшими русскими аграриями, и были одной из двух социальных групп, на которых опиралась политика Романовых накануне революции.

Другим исходным пунктом, дававшим директивы для этой политики, мы считаем банки, т.-е. представителей одной, уже намеченной нами, группы банкового и, связанного с ним, промышленного капитала. Эта группа, как мы видели, возглавлялась синдикатом банков и «советом съездов» металлургической промышленности. Эта группа, через Распутина, Протопопова, Манусса и др., имела, как было показано нами, тесную связь с «тропом», и Распутин был, в различных случаях, лишь простым агентом банков и отдельных банковских дельцов. Заметим кстати, что собственно к Распутину гораздо ближе стояли эти банковские дельцы, а не руководители «правых»: имея все возможности лично влиять на власть, аристократы-черносотенцы, несмотря на поклонение Романовых Распутину, несколько сторонились этого «мужика», тогда как Манусов, Рубинштейнов и Путиловых, более, очевидно, «демократически» настроенных, это смущать не могло. Вместе с тем, по размаху своему, банковская группа была даже сильнее группы «правых»: через Распутина и Протопопова к романовскому «трону» протягивались здесь нити от различных групп международного капитала, тогда как помещичья группа действовала всецело на «национальной» почве.

Мы не имеем, конечно, возможности рассматривать здесь сколько-нибудь подробно вопрос об отношении к войне промышленной буржуазии; нам важно только отметить, что на тогдашней политической арене явно намечается борьба двух противоположных ее групп.

С одной стороны, мы видим широкие слои империалистской буржуазии, с такими ее представителями, как Рябушинский, Коновалов, Гучков и т. п.; в этом слое буржуазии видную роль играли представители текстильной промышленности. Этому слою промышленной буржуазии, стоявшей на прогрессивной позиции, объективно служила и вся вообще так называемая либеральная буржуазия, — в частности, кадеты. Против

---

[1] Этого нельзя сказать, например, о кадетах, во главе с Милюковым, которые в 1919 г. стали поддерживать «германскую ориентацию».

этой либерально-империалистской буржуазии правительство ведет ожесточенную борьбу, а Гучков даже оказывается «главным врагом» монархии и династии.[1]

На другом фланге выявляется небольшая, но очень сильная группа, представителями которой выступают Манус, Путилов, даже Протопопов. Эта группа, тяготеющая к «пацифизму» и к крайней реакции, пользуется полной поддержкой Романовых и, через Распутина и Протопопова, оказывает решающее влияние на политику. Поэтому именно эта группа буржуазии и должна сосредоточить на себе наше внимание.

Мотивы «пацифистского» настроения этой группы мы попытаемся ниже наметить; что касается причин ультра-реакционного настроения этой группы, прикосновенной к металлургической промышленности, то относительно этого мы скажем то, что уже подмечено М. Н. Покровским.

В своей статье «Пятая годовщина Октябрьской революции»,[2] он сравнивает, между прочим, текстильных фабрикантов с фабрикантами «тяжелой индустрии». М. Н. Покровский указывает, что «текстильные фабриканты были *либеральнее*, были *левее* фабрикантов тяжелой индустрии». Подтверждая это наблюдение рядом примеров (например, что текстильщики московского района составили в 1912 г. ядро так называемой «прогрессивной партии»), М. Н. Покровский дает и объяснение этому явлению: именно—фабриканты «тяжелой индустрии» были связаны с государственной властью, тогда как «текстильная промышленность, которая работала на широком свободном рынке, была в несколько более свободном положении, потому что у нее был гражданский покупатель помимо правительства,—хотя она поставляла и на армию, но это не играло здесь такой большой роли».

Столь же реакционными, как представители металлургической промышленности, были и представители банкового капитала. Правда, М. Н. Покровский в цитированной своей статье, говоря о контр-революционности буржуазии, указывает: «только

---

[1] Приведем здесь характерную выдержку из письма А. Ф. Романовой к Николаю, от 17 сентября 1915 г., относительно избрания в Государственный Совет представителей промышленности: «Как противно,—пишет А. Ф.,—что Гучков, Рябушинский, Вейнштейн (наверное, настоящий жид), Лаптев и Жуковский выбраны в Гос. Сов. всеми этими скотами! Вот будет действительно приятная работа с ними!». («Переписка», т. III, стр. 361.)

[2] «Спутник коммуниста». Издание Московского Комитета РКП. 1922 г. (1 декабря), № 18, стр. 25.

представители капитала в чистом виде, банкового капитала, только они у нас в своей прогрессивности шли до кадетизма».[1] Но что касается интересующего нас периода, то здесь о какой-либо прогрессивности руководящей группы представителей банкового капитала даже и говорить нельзя. Уже один приведенный нами план выборов в Г. Думу, согласно которому банки совместно с распутинским правительством собирались сфабриковать новую думу из реакционных помещиков, духовенства, интеллигентов и представителей промышленного и банкового капитала,[2] показывает, что эти последние политически солидаризировались не с кадетами, и даже не с октябристами, а с группами «крайних правых» и «союзом русского народа». Это касается большинства объединенных петроградских банков, заключивших тесный союз с правительством Романовых; если же и были некоторые более либерально настроенные банковские «деятели», то они водились, видимо, на более благоприятной для «либерализма» и «патриотизма» московской почве; но эта «либеральная» группа стояла обособленно от петроградской группы и в общей банковской политике заметного влияния не имела.

Таким образом, уже приведенные данные определяют некоторые разграничения в политических позициях двух главнейших групп промышленной буржуазии.

Но, приходя к основанному на фактах выводу, что именно указанная нами банковская группа стояла в центре государственного аппарата, мы сталкиваемся с необходимостью выяснения ряда вопросов, и прежде всего: п о ч е м у именно реакционно-пацифистская политика, проводившаяся через Распутина и Протопопова Романовыми, может соответствовать интересам рассматриваемой нами группы буржуазии (мы имеем в виду, главным образом, группу, связанную с банками и с металлургической промышленностью).

К этому вопросу, требующему предварительно выяснения некоторых основных положений, мы теперь и перейдем.

---

[1] Вместе с этим М. Н. Покровский, однако, замечает, что кадеты еще в 1905 году заявляли, что они идут в Государственную Думу, чтобы бороться с революцией, и что, следовательно, «наиболее прогрессивная группа капиталистов уже тогда была открыто контр-революционной».

[2] См. здесь, стр. 153 — 155.

Что касается «пацифизма» банков, то в этом отношении, хотя бы в работах М. П. Павловича,[1] можно найти ряд примеров того, как европейские банки придерживались более или менее миролюбивой политики.

Из русской практики также можно в этом отношении привести некоторые факты, относящиеся ко времени, непосредственно предшествовавшему войне. Так, например, Вильгельм II в своих мемуарах рассказывает, что, в феврале 1914 г. (когда, по сведениям Вильгельма, Николаем война уже была предрешена), Коковцов, имевший большое значение в банковских кругах, подал Николаю записку, в которой советовал «тесно связаться с Германией», и «предостерегал против войны, которая будет неудачной и приведет к революции и гибели династии».[2] В мемуарах Гельфериха, который был не только крупным политическим деятелем Германии, но вместе с тем и одним из руководителей «Немецкого Банка» (Deutsche-Bank), рассказывается также, что «русская партия мира», во главе с Коковцовым, перед самым началом войны посылала в Берлин бывшего директора кредитной канцелярии Л. Ф. Давыдова с директивами воздействовать в берлинском банковском кругу в пользу мирного разрешения конфликта.[3] Этот Давыдов в банковском мире значил едва ли не больше самого Коковцова и, в частности, был председателем Русского для Внешней торговли банка, связанного с тем самым «Немецким Банком», который возглавлялся Гельферихом.

Общее объяснение подобным пацифистским настроениям хорошо и кратко формулировано М. П. Павловичем, слова которого мы здесь и приведем:

«Финансовый пацифизм, — говорит он, — имеет под собой вполне реальные основания. Интернационализация хозяйственной жизни, сплетающая между собою интересы всех более или менее крупных промышленных предприятий нашего времени, с особой силой связывает в одно интернациональное

---

[1] См. «Собрание сочинений», особенно том I, посвященный «Империализму».

[2] Вильгельм II. «Мемуары. События и люди». С предисловием А. В. Луначарского. П. 1923 г., стр. 123. — По словам Вильгельма, содержание этой записки было сообщено ему после Брестского мира графом Мирбахом.

[3] К. Гельферих. «Накануне мировой войны». Под ред. Ф. Роттштейна. М., 1924 г., стр. 124 — 130. Как отсюда видно, Давыдов действовал в Берлине 26 и 27 июля, то-есть за 4 — 5 дней до общей мобилизации России.

делое современные банки. Правда, очень часто эта интернационализация капитала, процесс образования мирового хозяйства, лишь обостряет конкуренцию между капиталистическими группами различных стран и разжигает международные конфликты, подобно тому, как раньше процесс развития капитализма и роста производительных сил внутри данной страны, процесс образования национального капитализма обострял конкуренцию между предпринимателями внутри данной страны; зато, с другой стороны, эта же интернационализация капитала создает порой общность интересов целого ряда промышленных и финансовых предприятий различных стран, так что потрясение, испытываемое банками одного государства, сейчас же отзывается на другой стране. Помимо того, не следует забывать, что именно крупнейшие банки являются наиболее чувствительными организмами современного мирового и национального хозяйства, и что всякие международные осложнения и войны с особою силой действуют на понижение бумаг именно самых крупных банков и порой даже таких, которые являются как бы финансовыми крепостями данной страны».[1]

В другой своей работе «Итоги мировой войны» М. П. Павлович, согласно со своим постоянным тезисом, что металлургия является «основным базисом империализма», по тому же вопросу говорит:

«Международный финансовый капитал, п о с к о л ь к у о н н е с в я з а н с м е т а л л у р г и е й,[2] обнаруживает скорее пацифистские тенденции, чем воинственные».[3]

И, тем не менее, факты приводят нас к тому выводу, что именно из распутинско-протопоповской банковской среды, связанной с металлургической промышленностью, шли пацифистские тенденции.

Для объяснения этого мы остановимся на взгляде М. Н. Покровского относительно существующего мнения о роли в происхождении войны металлургической промышленности.

М. Н. Покровский, говоря о «виновниках войны», задается вопросом: «были ли у р у с с к о й промышленной буржуазии какие-нибудь основания желать войны?». Отвечая на этот вопрос, М. Н. Покровский говорит, что в этом отношении «прежде всего

---

[1] М. П а в л о в и ч. «Собрание сочинений», том I, стр. 101 — 102.

[2] Подчеркнуто нами.

[3] «Итоги мировой войны». 1924 г. Изд-ство «Московский рабочий»,— стр. 157.

приходится вспомнить, что годы, непосредственно предшествующие войне, были годами чрезвычайно быстрого подъема русской металлургии». Приводя данные о том, как быстро возрастала выплавка чугуна за последнее, перед войной, пятилетие, М. Н. Покровский отмечает, что так называемое немецкое засилье «нисколько не стесняло роста русской тяжелой индустрии». И следовательно: «представлять себе войну, как единственное средство избавления от конкурента, она не имела никакого основания». «Оттого, — говорится далее, — ее представители и обнаружили так мало «патриотизма», когда война началась, и глава московского общества фабрикантов и заводчиков, металлург Гужон (француз по происхождению), удостоился даже от «Русского Слова» титула «предателя» за неуклонное отстаивание интересов германского электрического «Общества 1886 г.».

Далее М. Н. Покровский переносит внимание из области металлургии на русскую текстильную промышленность, но к своим, только-что изложенным нами, замечаниям он делает еще такое добавление, которое, хотя и помещено лишь в выноске, но представляется нам очень существенным.

«Это, конечно, — пишет М. Н. Покровский, — противоречит распространенному у нас мнению, будто металлургия — чуть не главная виновница войны, будто весь шовинистический угар Европы вышел из труб чугунно-плавильных заводов. Объяснение подкупает своей простотой: металлургия изготовляет пушки и броню, на войне стреляют из пушек, действуют броненосцы — кому же, как не металлургам, это может быть выгодно?».

«Не входя, — говорится далее, — в обсуждение этого вопроса во всей его широте (напомнив только, что 40 лет европейского мира были как-раз временем пышного расцвета металлургии), для России мы должны указать, что военные заказы у нас в руках немногих привилегированных заводов, находившихся в иностранных руках: «дяди Виккерса», «работающего», по крайней мере отчасти, на романовские капиталы, Шнейдера-Крезо и т. п. Простые смертные, вроде Гужона, больше нажили бы на кровельном железе, чем на броне, — на рельсах, чем на пушках. Им, в данной стадии развития, расширение внутреннего рынка важнее завоевания десяти внешних, — и они слишком хорошо помнят, как обострили железный кризис начала века японская война и революция».[1]

[1] М. Н. Покровский. «Внешняя политика». Сборник статей. II. 1919 г., стр. 169.—Статья «Виновники войны», которую мы цитировали,

Таков взгляд, высказанный М. Н. Покровским, который, как видим, отмечая умеренность «патриотического» настроения металлургистов, дает вместе с тем этому весьма важному наблюдению вполне понятное экономическое обоснование: непривилегированные заводчики (т.-е. их значительная часть) «больше нажили бы на кровельном железе, чем на броне, — на рельсах, чем на пушках». Основываясь на таком мнении, мы могли бы дать объяснение и тому «пацифистскому» настроению металлургистов, о котором мы говорим.

Но о том, что было выгоднее для металлургистов — кровельное железо и рельсы и другие «мирные» производства, или же военные заказы, — можно, в известной степени, судить по наблюдению тех изменений, какие оказала война на ценность акций русских металлургических предприятий (а также связанных с ними банков), или по сравнению тех дивидендов, которые получали акционеры этих предприятий до и во время войны. Этот путь, принимая во внимание необходимость учета соответствующего обеспечения стоимости рубля, представляется, однако, весьма сложным и, в конечном итоге, не дающим безусловно точных результатов. Этот вопрос мы пробуем, однако, поставить в приложениях к настоящей книге, и, быть-может, приведенные там данные могут представить экономическое обоснование для «пацифизма» некоторых слоев связанной с банками и металлургической промышленностью буржуазии. Но, как бы ни решать этот вопрос, не подлежит, однако, сомнению, что руководящую роль в банковской политике играл не более или менее широкий слой мелких «держателей акций», а очень небольшая группа [1] крупнейших воротил, располагавших десятками миллионов и связанных с европейскими биржами. Доказать, что эта группа не имела колоссальных барышей от войны, было бы невозможно,

---

была написана М. Н. Покровским еще в мае 1915 г., т.-е. в конце первого года войны (стр. 162). Необходимо отметить, что позднее — вероятно, под влиянием оценки военных фактов — М. Н. Покровский, видимо, несколько изменил приведенное мнение. Это особенно заметно в его «Очерках по истории революционного движения в России» (стр. 186—187), где автор, говоря о военных прибылях, обращает в этом отношении внимание как-раз на металлургические предприятия: «Во всяком случае,—говорит М. Н. Покровский, — текстильные фабрики оживились всего меньше под влиянием войны, зато металлургия, горное дело, химия чрезвычайно процвели».

[1] Об этом см. приложения.

тем более, что эти воротилы располагали различными приемами, обходя даже интересы рядовых акционеров, захватывать себе значительную часть прибылей. Правда, такие приемы практиковались и в мирное время, и, таким образом, все-таки вопрос — что выгоднее: пушки и броня, или рельсы и кровельное железо — может сохранять свое значение.

Мы принуждены, вследствие намеченных выше причин, упростить попытки разрешения этого вопроса, и потому приведем здесь только несколько общих соображений.

Так, отметим, прежде всего, что в течение всей войны протекало соревнование, с одной стороны, между пушками и снарядами, с другой — между рельсами. Это видно, например, из доклада Штюрмера Николаю II, от 9 октября 1916 г.; в кратком положении этого доклада, сделанном самим Штюрмером, мы читаем:

«Доложено о положении металлургического дела. Разверстка металлов между артиллерийским ведомством и министерством путей сообщения на октябрь месяц выполнена согласно плану артиллерийского управления. На ноябрь же месяц для нужд артиллерийского ведомства обнаружится недохватка в 1 200 000 пудов металла, необходимого для выработки тяжелых снарядов, что может быть устранено только путем уменьшения количества изготовляемых для ведомства путей сообщения рельсов. Военный министр, препровождая мне копию письма своего на имя начальника штаба верховного главнокомандующего, обращается к сему последнему с просьбою дать указания о том, возможно ли, сохраняя норму выпуска металла для министерства путей сообщения, сознательно итти на уменьшение выделки снарядов для действующей армии».[1]

Последний вопрос, действительно, серьезный, — но кто подстрекал министерство путей сообщения к энергичному железнодорожному строительству? Как мы видели раньше, это были те же заводчики, по инициативе Мануса и Путилова, проведшие тогда через Распутина и А. Ф. Романову железнодорожный заем.[2] Не подтверждает ли этот факт той мысли, что для Манусов, Путиловых и К°, действительно, выгоднее было бы изготовлять рельсы, а не снаряды? И не объясняет ли это и «пацифистского» настроения той группы металлургистов, к которой они принадлежали?

[1] «Монархия перед крушением».

[2] См. здесь, стр. 131 — 134.

Из числа других примеров, которые мы могли бы привести, возьмем еще только один. В декабре 1916 г. «Торгово-Промышленная Газета» сообщает:

«В последнее время перед металлургическими предприятиями встала новая задача, для разрешения которой предвидится необходимость больших затрат. Мы имеем в виду подготовку заводов к будущему мирному экономическому строительству. В связи с этим четыре крупных металлургических предприятия на юге России заявили о намерении к увеличению своих основных капиталов».[1]

Таким образом, мы видим, что, подобно Манусам и Путиловым, и эти заводчики думают не о «войне до конца», а о «мирном строительстве». Это имеет, конечно, такой же смысл, как и выше отмечено.

Надо обратить также внимание на такие факты, как недостаток металла и топлива, ставившие частные металлургические заводы в критические условия.

Вот что, между прочим, говорится по этому поводу в докладе Николаю II ген. Алексеева, когда последний летом (15 июня) 1916 г. выступил с проектом учреждения должности «верховного министра государственной обороны» (т.-е. военного диктатора).

«В настоящее время, — пишет Алексеев, — ясно обозначился «металлический голод» на мировом рынке.

«Все, без исключения, работающие на оборону заводы испытывают нужду в металле, которого не хватает даже на текущую потребность. Кроме общих причин недостатка металла на мировом рынке, исключительной трудности доставки его в Архангельск и дальше по России, наступивший кризис объясняется неналаженностью добычи металла в России. У нас неисчерпаемые богатства руды, угля и флюсов. Но, вместо широкого развития добычи металлов, столь нам необходимых, в Донецком районе из 62 домн уже потушены 17 и, как оказывается, из-за того, что не могут подвезти угля, руды и флюсов, находящихся в том же районе, и получить несколько тысяч рабочих рук... При таком угрожающем, почти трагическом положении вопроса о металле, конечно, нельзя рассчитывать на увеличение подачи снарядов и патронов».

В частности, в связи с этим Алексеев приводит такие факты:

«На теперешнюю производительность заводов артиллерийского ведомства и Путиловского завода, — говорит Алексеев, — запа-

---

[1] «Торгово-Промышленная Газета», № от 6 декабря 1916 г.

сов топлива и металлов может хватить лишь на несколько дней; генерал Маниковский тщетно добивается предотвратить остановку Луганского патронного завода, которому необходимо подать минимальное, хотя бы, количество нефти, купленной, готовой и ожидающей очереди отправки в Баку. Обуховский завод морского ведомства также крайне нуждается в подвозе топлива и металлов. Частные же заводы поставлены в отношении топлива и материалов в несравненно худшие, прямо критические условия».

Эти данные ясно говорят о том кризисе металла, который стал тогда наступать, и обострение этого кризиса едва ли могло быть в интересах значительного числа промышленников-металлургистов; улучшение же этих критических условий, — как, надо думать, они рассчитывали, — могло быть достигнуто только при возвращении к мирному порядку.

К этому надо прибавить, что даже те слои промышленной буржуазии, которые действительно колоссально наживались на войне, не могли не понимать, что полное расстройство транспорта, отсутствие топлива, сырья, наконец, общее разложение народного хозяйства, не могли в конце концов не привести к какому-то кризису; акционеры банков лучше чем кто-либо другой, конечно, знали, что трагический для них биржевой кризис немину-

ем. Именно потому уже в 1916 году началась перекачка денег из русских банков за границу; другие же предприниматели, имевшие дело с за-границей, даже и прямо сохраняли «остатки» от своих операций по экспорту и импорту на текущих счетах заграничных отделений русских банков; конечно, наибольший размер такая «перекачка» приобрела уже после революции, но существование этого явления еще в 1916 г., во всяком случае, является характерным симптомом.

Немудрено поэтому, что, даже несмотря на военные прибыли, промышленники были настроены тревожно. Вот, что, например, пишет Палеолог, еще в июне 1915 г., про настроения одного из крупнейших финансовых воротил, не раз нами уже упоминавшегося, Путилова:

«Дни царской власти, — говорил уже тогда Путилов, — сочтены, она погибла, погибла безвозвратно; а царская власть — это основа, на которой построена Россия, единственное, что удерживает ее национальную целость... Отныне революция неизбежна; она ждет только повода, чтобы вспыхнуть».

Далее Путилов объясняет, что все-таки «революция может быть большим благополучием для народа, если, разрушив, она сумеет построить вновь», — и с этой точки зрения революции во Франции и в Англии кажутся ему «скорее благотворными». Не то, однако, в России:

«У нас, — скорбит Путилов, — революция может быть только разрушительной, потому что образованный класс представляет в стране лишь слабое меньшинство, лишенное организации и политического опыта, не имеющее связи с народом... Сигнал к революции дадут, вероятно, буржуазные слои, интеллигенты, кадеты, думая этим спасти Россию. Но от буржуазной революции мы тотчас перейдем к революции рабочей, а немного спустя — к революции крестьянской.

«Тогда начнется ужасающая анархия, бесконечная анархия... анархия на десять лет... Мы увидим вновь времена Пугачова, а может-быть, и еще худшие... ».[1]

Это сознание неизбежности «анархии», несомненно, разделялось тем слоем буржуазии, к которому принадлежал Путилов, и укрепляло мысль о необходимости мира, чем, предполагалось, можно будет предотвратить ненавистную революцию.

Отмеченные нами мотивы могут дать некоторую почву для объяснения «пацифизма», как банков, так и связанной с ними группы металлургической промышленности; но к этим мотивам нужно прибавить еще один — основанный на интересах не столько русского, сколько германского капитала, проявлявшего через некоторые русские банковские группы свое стремление к сепаратному миру.

О роли в русских банках иностранного, и в частности германского, капитала мы уже говорили в очерке «Банки и Распутин». Нам остается теперь лишь подчеркнуть, что в русской промышленности вообще влияние капитала германского было, как известно, значительно ниже роли капитала «союзного». При этом, — как указывает исследователь данного вопроса Оль, — в отличие от капиталов «союзных» государств и нейтральных, монополизировавших отдельные отрасли русской промышленности, «германские капиталы направлялись в русские промышлен-

---

[1] Палеолог. «Царская Россия во время мировой войны», стр. 232—233. — Палеолог означает имя «виднейшего русского заводчика-металлурга и финансиста» только буквой «П», но не подлежит сомнению, что это именно Путилов, упоминаемый и в других местах мемуаров Палеолога.

ные предприятия гораздо более равномерно», за исключением, впрочем, химической и электротехнической промышленности, где германский капитал играл преобладающую роль. Но, по словам Оля, — «наибольшее значение имели германские капиталы, вложенные в русские коммерческие банки: они оказывали существенное влияние на политику наших коммерческих банков и, через них, оказывали влияние на развитие отдельных отраслей промышленности».[1]

И, прибавим от себя, не только на политику банков, но и на политику царской России вообще.

В этом отношении, помимо банков, заметна и роль крупнейших германских трестов и концернов, в частности электрических.[2] Примеры этой роли мы видели, между прочим, на обстоятельствах назначения министром внутренних дел А. Н. Хвостова, — также на организации, по инициативе Стиннеса, «стокгольмского свидания» Протопопова с Варбургом, последствием чего, несомненно, было и назначение Протопопова министром. Эти примеры весьма характерны: они показывают, что, хотя германский капитал и не играл в экономической жизни России преобладающего значения, но он имел пути к непосредственному, даже во время войны, воздействию на аппарат русской государственной власти. Эти пути, как мы говорили, шли через Распутина и окружавших его банковских дельцов,— и, конечно, поскольку в проводимую ими политическую линию входили элементы непосредственного германского воздействия, «пацифизм» такого рода был простым орудием германского империализма.

Вместе с тем, понятно, что это воздействие германского капитала было гораздо меньше той роли, которую играл англо-французский капитал в своем влиянии, как на империалистскую политику царской России, как на руководство русской армией, так и на широкие слои русской буржуазии, которые во что бы то ни стало стремились к войне «до конца». Тем не менее, бой двух главнейших империалистских групп — англо-французской и германской — протекал не только на полях сражений, но и в организме капиталистическо-молодой России, в военной политике которой отражалось соревнование враждующих могущественных европейских трестов.

---

[1] О л ь. «Иностранные капиталы в России», стр. 99; там же, стр. 79.

[2] О германских электрических трестах и о их филиалах в России см. в приложениях (к главе «Банки и Распутин»).

Таким образом, как мы видим, «пацифистская» линия распутинско-романовской политики была основана на различных, переплетающихся между собой, сложных мотивах. Определяя эти мотивы, мы старались, вместе с тем, наметить и те социальные группы, которые поддерживали эту «пацифистскую» линию: в общем, это были численно небольшие, но очень могущественные группы, представлявшие собою союз некоторых слоев крупного землевладения и крупного промышленного (также банкового) капитала.

Рассматриваемые нами «пацифистские» группы, как мы видели, стали подходить к власти не ранее чем через год после начала войны. «Поворотным этапом» царской политики, согласно нашему взгляду, является момент увольнения в. к. Николая Николаевича и, в известной мере связанный с этим, разгон Государственной Думы (в сентябре 1915 г.). Эти мероприятия отстранили претензии на приближение к государственному аппарату либеральной буржуазии и открыли доступ к нему пацифистски-реакционным ее слоям, которые, постепенно отстраняя империалистские элементы, в конце концов почти овладели государственным аппаратом. Таким образом, дальнейшие наскоки на власть либерально-имперпалистской буржуазии имели своей главной целью овладение государственным аппаратом, путем свержения «темных сил» и установления «министерства общественного доверия».

Эти стремления либеральной буржуазии были тем более естественны, что, организовавшись в «союзы» земств и городов, в «военно-промышленные комитеты», укрепившись в «думах», либеральная (промышленная) буржуазия фактически распоряжалась уже всей военной экономикой страны. Только верхушка власти не была в ее руках, и, вопреки интересам широких слоев буржуазии, направляла дело к сепаратному миру. Естественно, что это вызвало сначала «осаду власти», а потом, когда эту власть поколебать не удалось, и планы дворцовых переворотов, имевших целью устранить Николая II и Распутина и водворить на их место какого-либо другого, более приемлемого для империалистской буржуазии, Романова.

Отражение борьбы двух течений—либерально-империалистского и реакционно-пацифистского—проявилось, между прочим, на сменах и назначениях министров. Это вовсе не была какая-то беспорядочная «чехарда»,—тут имелась своя с и с т е м а. Поставив к власти Штюрмера, распутинская группа вместе с тем

стремилась к тому, чтобы придать «кабинету» однородный, реакционно-пацифистский характер; но делать это надо было (из боязни империалистской буржуазии) осторожно, постепенно: приходилось временно мириться с либерально-империалистскими элементами (в роде Сазонова, пользовавшегося «уважением» союзников). Однако, постепенно эти элементы устранялись, и их места занимались или кандидатами распутинской группы или же людьми беспринципными, готовыми играть какую-угодно роль. Когда же скрытые цели такой механики обнаруживались более чем следовало, приходилось убирать нужных людей и заменять их лицами более или менее приемлемыми для противной стороны: таков, например, был смысл отставки Штюрмера и замена его (в ноябре 1916 г.) Треповым, который хотя и был реакционером, но все-таки мог бы примириться с империалистской буржуазией на принципе «войны до конца». Но это была половинчатая позиция, не удовлетворявшая ни ту, ни другую сторону, — потому Трепова убрали, а на его место назначили бесцветного князя Голицына, которому пришлось быть уже последним председателем совета министров.

Говоря о борьбе двух групп буржуазии, реакционно-пацифистской и либерально-империалистской, мы не можем обойти и еще одного вопроса: что̀ было о с н о в н ы м мотивом этой борьбы? Во имя чего империалистская буржуазия, изо всех сил стремившаяся помочь правительству в ведении войны, подвергалась преследованиям: ради ли своего, сведенного до минимума, либерализма, или именно потому, что эта буржуазия требовала «войны до победного конца»?

Этот вопрос может допускать только предположительное решение, но, во всяком случае, есть значительные основания думать, что основным мотивом преследований был не «либерализм» противной стороны: Романовы хорошо знали, что империалистская буржуазия стремилась во время войны быть с правительством в «священном единении», и, если она и становилась в оппозицию к власти, то это вызывалось лишь сомнением в ее способности успешно вести войну.

Итак, основным пунктом была война, значит и нужно было бить, прежде всего, за «воинственность».[1] Этот мотив, как мы думаем, и был основным в той борьбе, которая велась

---

[1] См. также здесь, стр. 27—28.

распутинской властью с «прогрессивным блоком», «союзами» и вообще со всей либерально-империалистской буржуазией.

Оценивая происходившую борьбу, мы можем также заметить, что сама верхушка власти — «трон» — была в одно и то же время точкой приложения двух боровшихся сил. Этот «трон», в сущности, был «троичен в лицах»: на нем восседали трое: Николай, Александра Федоровна и Распутин. Если двое последних представляли здесь «пацифистское» течение, то сам Николай, хотя и колебался под его ударами, но все-таки, уже в силу своего положения, не мог не возглавлять империалистские стремления русской буржуазии.

Однако, несмотря на такую раздвоенность власти, поскольку главенствующую роль играла перед революцией «пацифистская» группа, мы можем стремление к сепаратному миру — к «повороту мировой политики» — считать основной, руководящей линией этой распутинско-романовской политики.

Последний бой империалистской буржуазии с «пацифистскою» группою намечался уже тогда, когда над всеми слоями буржуазии обнаружилась угроза революции народных масс. Тогда и та и другая группа буржуазии, стараясь предотвратить выступление общего врага, пролетариата, пытались организовать государственный переворот, при чем у «пацифистской» группы он связывался с вопросом о сепаратном мире, у империалистской — с стремлением к войне «до конца».

Первый план, предусматривавший, между прочим, роспуск Государственной Думы и превращение ее в «законосовещательное» учреждение, был уже рассмотрен нами в очерке «Романовы и сепаратный мир». Этот план, одобренный и Николаем II, непосредственно вышел из кружка «правых» Римского-Корсакова; кружок же этот, как мы видели, был связан и с «пацифистской» финансовой группой (Манус и К⁰).[1] План этот, возвращавший самодержавие к его «чистой» форме, открывал теоретическую возможность и для союза с Германией.

Противоположный этому план имел целью предотвращение сепаратного мира и «войну до конца». Кроме кружка руководителей «объединенного дворянства», замышлявших, во главе с Родзянко, введение дворянской диктатуры, было еще две группы, подготовлявших такой переворот. Руководителем одной, в которую входили преимущественно офицеры, был генерал Кры-

[1] См. здесь, стр. 66 — 69 и 139 — 140.

мов, намечавший, совместно со своим отрядом, план нападения на царский поезд во время поездки Николая II в «ставку»; предполагалось предложить ему отречься от престола, — если же он откажется, «физически его устранить», провозгласив царем наследника Алексея, а регентом брата Николая, Михаила Александровича. Эта группа, в лице офицерского отряда, представляла физическую силу для переворота; государственную же власть, после его совершения, должна была, очевидно, взять другая группа, хотя и «работавшая» отдельно от первой, но через некоторых участников осведомленная о ней. Ядро этого второго кружка составляли некоторые члены «прогрессивного блока», в том числе и значительное число из тех лиц, которые потом вошли в состав первого «временного правительства». Этот кружок, подобно кружку Крымова, также поддерживал мысль о необходимости водворения на престол Алексея, с регентством Михаила.

Примыкавший к этому кружку Милюков, признавая, что «главным мотивом», которым руководились «парламентские круги, делавшие оппозицию правительству», было «желание довести войну до конца в согласии с союзниками и всё возраставшая уверенность в том, что при данном правительстве эта цель не может быть достигнута», именно этим объясняет участие представителей «блока» в плане указанного дворцового переворота; вместе с тем Милюков «оправдывает» себя от всякой прикосновенности к революции. Целью упомянутого кружка было, таким образом, обеспечение продолжения войны «до конца», и лишь с р е д с т в о м для того, чтобы достигнуть этой цели, был намечавшийся переворот. Но, вместе с тем, к этому присоединялась и другая цель — предотвращение революции народных масс: буржуазия была уверена, что произведенный ею дворцовый переворот парализует революционное движение. Эта, вторая цель наглядно видна из следующих слов Милюкова: «против идеи, — говорит он, — достигнуть этой цели (ответственного министерства) революционным путем парламентское большинство боролось до самого конца. Но, видя, что насильственный путь будет все равно избран и помимо Государственной Думы, оно стало готовиться к тому, чтобы в в е с т и в с п о к о й н о е р у с л о п е р е в о р о т, к о т о р ы й о н о п р е д п о ч и т а л о п о л у ч и т ь н е с н и з у, а с в е р х у».[1]

[1] П. М и л ю к о в. «История второй русской революции». 1919 г., стр. 22.

Последние слова Милюкова лишний раз показывают, насколько боялась даже так называемая либеральная буржуазия революции,—и, таким образом, все слои буржуазии соединялись в отношении к ней на общем чувстве классового страха. Но либеральная буржуазия, однако, не замечала, что, преследуя сразу две отмеченные цели, она попадала в нелепое, противоречивое положение: ибо, настаивая на войне «до конца», буржуазия уже этим более всего разжигала то революционное движение масс, подавить которое, вместе с тем, она стремилась.

И планы либеральной буржуазии и чаяния крайних «правых», естественно, поддерживались теми государствами, к которым обращали они свои надежды.

Германские империалисты, жизненно заинтересованные в сепаратном мире, постоянно (в частности, и при попытках к сепаратному миру) указывали Романовым на противоестественность союза монархической России с республиканской Францией, противопоставляя этому целесообразность союза России и Германии, создававшего «прочный оплот» монархического начала в Европе; вместе с тем германцы рассчитывали подчинить таким путем Россию и экономической зависимости от германского капитала.

С другой стороны, империалисты «союзные» благосклонно смотрели на борьбу либеральной буржуазии с властью, и когда Романовы стали обнаруживать некоторое колебание в вопросе о верности «союзникам», последние, боясь заключения сепаратного мира, были не против того, чтобы в России произошел маленький переворот, который приблизил бы к кормилу власти эту самую либеральную буржуазию, непоколебимую в своей готовности вести войну «до конца» во славу интересов «союзного» капитала.

Вот как, например, поощрял Ллойд-Джордж русскую либеральную буржуазию в одной из своих речей, произнесенной 5 августа 1915 г., т.-е. уже в то время, когда, с одной стороны, царская армия потерпела крупные поражения, а с другой, стали распространяться известия о возможности сепаратного мира:

«На востоке небо еще темно и пасмурно, звезды застилаются тучами. Я с беспокойством смотрю на этот предвещающий бурю горизонт, но не страшусь его. Сегодня я видел проблески новой надежды, озаряющей небо. Неприятель в своем победоносном шествии не ведает, что творит. Пусть он остережется, потому что он снимает оковы с русского народа. Своей чудовищ-

ной артиллерией германцы разбивают вдребезги ржавые оковы, в которые закован русский народ. Он расправляет свои могучи члены, сбрасывает с себя душившие его развалины старог здания и готовится к борьбе, преисполненный новой силы. Я повторяю, враг не сознает, что он делает для России. Австри и Германия делают сейчас для России то же, что их военны предки когда-то так неразумно осуществили для Франции. Он куют меч, который сокрушит их самих, и освобождают великий народ; этот народ возьмет в свои руки меч и могучим взма хом нанесет самый сильный удар, который он когда-либо наносил».[1]

В сравнении с этими поэтическими словами, где, очевидно, помимо воли оратора, есть несколько мыслей, оказавшихся пророческими,[2] совсем прозаически звучит связанная с тем же вопросом речь другого англичанина посла в России, Бьюкенена, произнесенная 1 января 1916 г.: Бьюкенен в этой речи, обращенной к членам английской колонии, указывает им на «крайнюю необходимость производства подготовительной работы для занятия того места, которое Германия занимала здесь (в России) до сих пор. Русская империя,—подчеркивает он,—**является собой огромный рынок для сбыта всех видов английских товаров...**». После этих слов, где так наглядно обнаруживаются стремления английского капитала, следовало, однако, разъяснение, что указанная цель войны — борьба за рынки — является войной «за великие принципы правды и справедливости...».[3]

Итак, когда русская буржуазия вырабатывала планы переворота, всё это внимательно учитывалось, с одной стороны — германской, с другой — англо-французской буржуазией: германцы надеялись, что сепаратный мир с Россией приведет ее к союзу с Германией, англичане и французы верили, что приход к власти либеральной буржуазии обеспечит еще большее подчинение России англо-французскому капиталу.

---

[1] **Ллойд-Джордж.** «Речи, произнесенные за время войны». П. 1916 г., стр. 210—211.

[2] Мы имеем в виду указание на то, что русский народ «нанесет самый сильный удар, который он когда-либо наносил». Ллойд-Джордж не предвидел, однако, что этот, нанесенный русскими народными массами, удар будет направлен не только против царизма, но против всего капиталистического строя.

[3] «Речь», № от 3 января 1916 г.

В России произошла революция. У власти стала та самая либеральная буржуазия, которая была готова «до конца» служить интересам англо-французского капитала. Но рабочий класс, который, вопреки этой буржуазии, произвел революцию, не мог быть орудием борьбы ни русских, ни германских, ни «союзных» капиталистов. Октябрьская революция прекратила войну. Советская власть в Бресте заключила *сепаратный мир* с германскими империалистами.

Но для чего пошел русский пролетариат на этот мир? *Для победы над германским империализмом, для торжества социалистической революции.*

Таким образом, сепаратный мир Советской России с Германией, блестяще оправданный уже фактом германской революции, разорвавшей и брестский договор, являлся лишь одним из этапов для великого поворота, — но не от Антанты к Германии, — а от мирового капиталистического строя к строю коммунистическому.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Романовы и сепаратный мир.

1.

К стр. 10. Есть указание, что Австрия, независимо от Германии, возбуждала вопрос о сепаратном мире с Россией еще и ранее того совместного австро-германского плана, попытка выполнения которого была сделана через Васильчикову. По крайней мере, 4 января 1915 года (н. ст.) греческий посланник в Петербурге Драгумис телеграфно сообщал председателю совета министров Венизелосу следующее:

«Я узнал, что председатель совета министров (Горемыкин) ездил в ставку, где находился и император. Сербский посланник сообщает, что, по сведениям из главного штаба, целью свидания (Горемыкина и Николая) было обсуждение вопроса об отдельном мире с Австрией. Условия русского правительства следующие: Россия получает Галицию, Сербия—Боснию, Богемия становится автономной. С другой стороны, мне сообщают, что Германия и Австрия, чтобы спасти прежде всего свои собственные территории, склонны признать за Россией право на проливы. Сербский посланник получил приказание ходатайствовать перед русским правительством о движении русских войск в Венгрию».

К этому надо прибавить, что Сазонов, еще более чем за две недели до этого (19 декабря н. ст. 1914 г.), сообщал о том же вопросе в следующей телеграмме к послу в Париже Извольскому:

«Сюда также доходят слухи о возможной попытке Австрии заключить отдельный мир, но пока эти слухи еще весьма неопределенны, и их подтверждение представляется гадательным. Во всяком случае, почин подобных переговоров должен принадлежать Австрии, и нам необходимо будет выслушать ее предложения, прежде чем установить наши условия» (см. М. Н. Покровский, «Царская Россия и война». М. 1924 г. Госиздат, стр. 32—34).

Однако, никаких других данных, подтверждающих это известие, не имеется.

В связи с этим можно, впрочем, отметить, что к декабрю 1914 г. относится категорическое заявление о мире, который Австрия предлагала Сербии: об этом телеграфировал Сазонову (16 декабря н. ст.) русский посол в Лондоне, Бенкендорф, «как о вещи общеизвестной» (там же, стр. 31).

2.

К стр. 16—18. Приводим подлинный французский текст беседы Васильчиковой с фон-Яговым из ее третьего письма.

«Tous ici sont d'accord que la paix entre l'Allemagne et la Russie est une question vitale pour les deux pays qu'unissent tant d'intérêts commerciaux et en réalité aucune divergences politiques ne séparent. Certes, l'Autriche devrait y être comprise, car l'Allemagne ne peut et ne veut lâcher l'Autriche, qui en tout cas sortira de cette guerre affaiblie. Il faut faire cesser le carnage justement maintenant où, malgré les grandes pertes de part et d'autre, pas un des pays qui est en guerre n'est battu. La Russie gagnerait beaucoup plus si elle faisait une bonne paix avec l'Allemagne même dans la question des Dardanelles, que l'Allemagne admet est une question de première importance pour la Russie. On est convaincu ici, que l'Angleterre voudra et insistera à avoir les coudées libres dans la Mer Noire, autrement dit, qu'elle voudra y dominer, car elle se dit être «la Maîtresse de la Mer».

«Ce serait un grand danger si un jour la Russie avait une guerre avec l'Angleterre. On m'a fait observer que l'Angleterre n'a jamais été la vraie amie de ses alliés, — elle aime qu'on lui tire les marrons du feu. L'Angleterre vise à obtenir l'influence dominante à Constantinople et malgré toutes ses promesses elle ne permettra jamais à la Russie de prendre cette ville ou de la garder si la Russie l'occupe.

«En Allemagne on a besoin d'une Russie forte et monarchique et les deux Maisons Voisines et Regnantes doivent soutenir les vieilles traditions monarchiques et amicales. La prolongation de la guerre est considérée comme un danger pour la Dynastie. On conçoit parfaitement que la Russie ne veut pas abandonner la France, mais là encore l'Allemagne comprend le point d'honneur russe et ne fera aucune difficulté à un arrangement équitable.

«Ici on ne songe pas à créer un nouveau royaume de Pologne, qui serait une source de discordes et outre cela finira bien vite par être suffoquée, n'ayant pas de libre issue à la mer, car ni la Russie, ni l'Allemagne ne songeront à sacrifier pour la Pologne un de ses ports sur la Mer du Nord.

«On comprend aussi que pour la sécurité de l'Europe contre la race jaune il faut une Russie puissante. Du reste, le testament de Bismarck était de laisser la politique de la Russie libre en Asie.

«La guerre avec l'Italie n'effraye personne. Depuis l'automne tout le sud du Tyrol est rempli de troupes autrichiennes et les Allemands depuis quelque temps y ont également envoyé des forces. La guerre d'après des sources certaines est faite avec l'argent anglais et les meneurs politiques, francs-maçons, radicaux et tutti quanti dont le vrai but est de renverser les trônes, ont recueilli quelques millions de lires. Du reste, on croit savoir ici que Votre Majesté a été contre que l'Italie se melât à cette guerre. Et de la manière la plus positive on m'a repété maintes fois qu'il n'y a aucune haine dans le pays contre la Russie.

«On m'a aussi parlé du mauvais traitement des prisonniers allemands civils en Russie et on m'a raconté que Votre Majesté l'ayant appris a daigné écrire de Sa Main propre d'améliorer le traitement, et qu'au Ministère de

guerre on avait ajouté «seulement avec ceux de provenance slave». Pétrograd les civils ne se plaignent pas autant, mais un secrétaire de mbassade d'Amérique a écrit ici que le traitement en province «is a scan», plus encore pour les prisonniers civils que militaires. On est aussi impressionné du sort du Consul Allemand à Kowno Baron Lerchenfeld, depuis neuf mois se trouve à la forteresse Petro-Pavlowsk, étant accusé voir eu chez lui des cartes éditées dans la topographie militaire. Une re chose qu'on ne comprend pas içi est la condamnation à mort des deux ciers-aviateurs M. M. de Knobelsdorf et de Bubille, changée par la grâce Votre Majesté à une condamnation aux travaux forcés. Ils auraient jété proclamations, simple truc de guerre dont on se sert, parait-il, dans tou. les armées.

En général de toutes ces conversations il est clair de comprendre que ngleterre n'est pas une vraie amie à la Russie et cela n'étonnerait pas llemagne si en quelques années elle propose ses forces à l'Allemagne tre la Russie, — m a i s l ' A l l e m a g n e v e u t l a p a i x d u r a b l e ec la Russie».

Приводим здесь также ту часть третьего письма Васильчиковой, орая была нами опущена в основном тексте (стр. 18), как не имею- я политического значения (после слов: «сколько вообще находится сских пленных в Австрии, мне неизвестно»).

«Чтобы я могла видеть и судить, как содержатся здесь русские военно- енные, мне прислали военный автомобиль с молодым адъютантом Pritvitz и, как огромное изъятие (женщины не допускаются в военные геря, где находятся военнопленные), позволено было показать мне весь герь в Döberitz около Берлина и свободно говорить с кем хочу из енных. Конечно, очень грустно было видеть наших солдат в плену, слава богу, у них вид бодрый, здоровый, и, казалось, рады были, что ли со мной говорить. Почти все говорят: «грех сказать, чтобы нас жали, только страсть скука, так и тянет на родину, куда жизнь дома ше,—а что слыхать, скоро мир?». — Конечно, ваше величество, говорила ними о вас и смела сказать, что напишу вам, что их видела,—у всех аза засверкали, лица оживились, и один фельдфебель просил сказать: емной поклон нашему царю, мы все у его ног».

«В Döberitz около 5 000 пленных, живут они более чем в 40 бараках зде очень чисто, везде канализация и воздух чистый. Наши солдаты — ояры, сапожники, портные — занимаются своим мастерством в светлых стерских. Повара готовили ужин в больших кухнях. Хлеб хороший, поминает наш черный. Я спросила, что́ бы они желали иметь? Все о́сят русские книги для чтения, учебники русско-немецкие, некоторые— литвенники, евангелия, святцы, тоже польские книги. Может-быть, величество соблаговолит приказать послать книги в Döberitz (bei rlin). Вообще наши солдаты жалуются, что так мало получают из ссии, и начальник лагеря Oberst Leutenant Alberti мне это подтвердил удивлялся, что, в сравнении с англичанами, русские почти ничего не лучают; я сама видела в отделении для посылок более половины боль- ой комнаты заставлено английскими посылками, а русских лежали только сколько на полке. Alberti мне сказал, что часто означенное на посылках усских) не находится там, или же иногда съестные припасы до того порчены, что ради гигиены приходится их уничтожать.

«Все лагери для пленных построены как лагерь в Döberitz. В насто
щее время в Döberitz 2 000 человек русских, остальные находятся
полевых работах у помещиков, артелями по 30 — 50 человек. Им пол
жена ежедневная плата, которую они получат на руки по заключени
мира. Каждые 15 дней приезжает в лагери русский священник. В Döb
ritz, кроме врачей, нет офицеров. Я говорила с одним доктором, которы
сказал, что больных очень мало, есть некоторые с больными глазами,
и те все выбежали, даже добрый хохол, у которого горло болело, посм
треть на свою землячку».

(Далее напечатанный текст: «Мой племянник Милорадович».
и проч.)

Это письмо было вложено в конверт со следующим адресом:

«A Sa Majesté l'Empereur de Russie en mains propres. — Е
Величеству Государю Императору в собственные руки. О
М. Васильчиковой».

Письмо было запечатано печатью с гербом Васильчиковой.

Подлинники писем Васильчиковой, так же как и другие документы
использованные в нашей книге, хранятся в Архиве Октябрьской Рево
люции СССР.

3.

К стр. 21. По вопросу о связи германских предложений о сепарат
ном мире с «уступкой» царской России Константинополя и проливо
(об этом см. также у М. Н. Покровского «Царская Россия и война
стр. 41—42) весьма ценные документальные данные приводятся в вышед
шем во время печатания настоящей книги издании Н. К. И. Д. «Констан
тинополь и проливы». Во вступительной статье Е. А. Адамова здесь при
водится следующая выдержка из английской официальной «History of th
Great War, Nawal operations», by J. S. Gorbett.

«Отчасти в результате своего преждевременного усилия обеспечит
давление (германской армии) на Францию Россия жестоко бедствовал
во всех отношениях, — так жестоко, что Германия, как это было
известно нашему Foreign Office (подчеркнуто нами *В. С.*) уже
выработала соблазнительный план привлечения России к сепаратному
миру и отречению от своих союзников. Поэтому ничто не было столь
своевременно, как отказ от нашей прежней (до 1903 г.) обструкционист
ской политики (в отношении проливов). По этим соображениям
с полного согласия лидеров оппозиции, было решено предоставить России
контроль (над проливами), которого она так долго жаждала». («Константи
нополь и проливы», стр. 118.)

Повидимому, Васильчиковой и было поручено предпринять пер
вые шаги к осуществлению того германского плана, о котором говорится
в этом английском сообщении.

Напомним, что согласие на «уступку» проливов было передано
Бьюкененом Сазонову 12 марта н. ст. 1915 г., согласие же на это фран
цузского правительства было сообщено Палеологом Сазонову лишь
10 апреля; что касается писем Васильчиковой, то первое из них, как мы
видели, датировано 10 марта н. ст. (т.-е. за два дня до английского
«согласия») второе — 30 марта, третье — 27 мая; при этом надо заметить,

что в течение этого промежутка времени, именно 30 апреля н. ст. (17-го по ст. ст.), А. Ф. Романова сообщала мужу и о получении по тому же поводу письма от своего брата герцога гессенского (см. здесь, стр. 24). Почти несомненно, что, при соответствующей организации «агентуры», англичане должны были знать об этих сношениях.

Весьма любопытно также отметить, что и германцы хорошо учитывали связь возбужденного ими вопроса о сепаратном мире с вопросом о переговорах насчет Константинополя. Это видно из следующего.

Во втором письме своем, от 30 марта н. ст., Васильчикова, между прочим, говорит:

«Меня просят довести до сведения вашего величества, что из секретнейшего источника известно, что Англия намерена себе оставить Константинополь и создать на Дарданеллах новый Гибралтар»... (здесь, стр. 14).

Ясно из этой фразы, что германцы з н а л и уже об обещаниях Англии и хотели этим указанием «из секретнейшего источника» подорвать доверие к ней Романовых. Кроме этого мы хотим обратить внимание на тот факт, что это письмо Васпльчиковой было писано 30 марта, а в т о т ж е с а м ы й д е н ь великобританский статс-секретарь по иностранным делам Э. Грэй давал послу в Петрограде Д. Бьюкенену следующую шифрованную телеграмму:

«Из Стокгольма № 69. — Я узнал от одного коллеги, который только что видел хорошо известного... (в подлиннике пропуск одного слова. *В. С.*), весьма близкого с германским посланником (т.-е. с фон-Люциусом. *В. С.*), что последний распространяет в печати слух, будто бы Англия и Франция заключили сепаратное соглашение о Константинополе. Цель соглашения помешать переходу Константинополя во владение России. Цель таких слухов очевидна, и хорошо было бы получить опровержение для здешней печати».

В связи с распространением таких слухов, товарищ министра иностранных дел Нератов телеграфировал 31 марта русскому посланнику в Стокгольме Неклюдову (с сообщением того же в Париж и Лондон):

«Благоволите опровергнуть известие из Берлина, напечатанное в «Svenska Dagblad», в статье «Франко-английское соглашение против России», об обсуждении министром в ставке отношения России к заключенному будто бы между Англией и Францией соглашению о Константинополе, долженствующему достаться Англии. Не только вопрос этот никогда не обсуждался, но и возникновение его не могло иметь места в виду тесной близости, существующей между тремя союзниками, исключающей всякую возможность сепаратных соглашений. Союзники сплочены в борьбе с общим врагом, старающимся напрасно внести между ними рознь путем сообщения такого рода заведомо неверных сведений». (Эти и два другие документа по тому же вопросу напечатаны в издании «Константинополь и проливы», стр. 289 — 290, 294.)

Совпадение, день-в-день, указания Васильчиковой на желание Англии оставить себе Константинополь с подобными же слухами, распространявшимися в Стокгольме фон-Люцпусом, лишний раз показывает взаимную связь двух вопросов—вопроса о сепаратном мире и вопроса об «уступке» союзниками Константинополя (согласие на которую, кстати сказать, действительно тормозилось в э т и д н и французским правительством).

4.

К стр. 37—44. В цитированном выше издании «Константинополь и проливы» напечатано шесть документов относительно переговоров Протопопова с Варбургом (стр. 405—411); в число этих документов входят: две телеграммы об этом английского посла Бьюкенена Грэю, телеграмма итальянского посла Карлотти министру иностранных дел Соннино, телеграмма временно-управляющего министерством иностранных дел Нератова посланнику в Стокгольме Неклюдову, телеграмма последнего Нератову и письмо министру иностранных дел Покровскому, а также телеграмма Протопопова Неклюдову.

Сообщенные нами на стр. 37—44 данные вскрывают обстоятельства этой истории значительно подробнее. Можно, на основании опубликованных в указанном издании документов, прибавить только некоторые мелкие штрихи.

Так, по сведениям, сообщенным самим Протопоповым Бьюкенену (см. телеграмму последнего от 28 июня 1916 г.), свидание предполагалось устроить в Шведском банке: «германский посланник в Стокгольме попросил его (Протопопова) зайти в Шведский банк для беседы. Протопопов тогда ответил, что он встретится с посланником при условии, если последний попросит его об этом в письменной форме. Германский посланник заболел, но банк устроил ему (Протопопову) свидание с г. Варбургом, назначенным советником при германской миссии» («Константинополь и проливы», стр. 405).

По сведениям итальянского посла Карлотти (телеграмма от 13 декабря) во время «свидания» был затронут вопрос о Дарданеллах, при чем Варбург заявил: «если Россия потребует свободы плавания в Дарданеллах, то этот пункт не помешает заключению мира, так как, несомненно, можно будет найти modus vivendi» (там же, стр. 409).

Отметим также, что, как видно из официальных сообщений русского посланника в Стокгольме Неклюдова, он, действительно, никакой просьбы относительно того, чтобы Протопопов побеседовал с Варбургом, не высказывал (это и указано у нас на стр. 42). В связи с этим в телеграмме к временно-управляющему министерством иностранных дел Нератову, от 30 ноября (13 декабря) 1916 г., Неклюдов писал: «Если, после вышеупомянутого ложного утверждения, г. Протопопов сохранит какое-либо официальное положение, я обязан представить и представлю в отставку» (там же, стр. 408).

Пользуемся случаем здесь отметить, что вышедшие недавно в Лондоне мемуары упоминаемого здесь Неклюдова нами не могли быть использованы.

5.

К стр. 47. Отрицательное отношение Распутина к перспективам войны не раз высказывалось им до войны в «интервью» с сотрудниками разных, преимущественно бульварных, газет. Теперь, когда мы из «Переписки Н. и А. Романовых» и разных других данных знаем действительное

отношение Распутина к войне, представляют некоторый интерес и эти газетные статьи 1913 — 14 гг., так как из них видно, что взгляд Распутина как тогда, так и во время войны оставался, в общем, неизменен.

Приводим выдержку из одного такого «интервью», относящегося к октябрю 1913 г.,—здесь Распутин высказывает свой взгляд на балканскую войну.

«Ведь вот, родной, — говорил Распутин, — ты то́, к примеру сказать, пойми!.. Была война там, на Балканах этих. Ну, и стали тут писатели в газетах, значит, кричать: быть войне, быть войне!.. И нам, значит, воевать надо... И призывали к войне, и разжигали огонь. Да... А вот я спросил бы их, — с особенной экспрессией подчеркнул Г. Е., — спросил бы писателей:

— Господа! Ну, для чего вы это делаете? Ну, нешто это хорошо?... Надо укрощать страсти, будь то раздор какой, аль целая война, а не разжигать злобу и вражду. И вот, конечно, тому и тем, кто совершил так, что мы, русские, войны избегли, тому, кто доспел в этом, надо памятник поставить, истинный памятник, говорю... И политику мирную, против войны, надо счесть высокой и мудрой. Что нам показали наши «братушки», о которых писатели так кричали, коих защищали, значит... Мы увидели дела братушек и теперь поняли... Все... Да... А что касаемо разных там союзов, то, ведь, союзы хороши, пока войны нет, а коль разгорелось бы, где бы они были?.. Еще неведомо...». («Петерб. Газета», 1913 г., № 281, от 13 октября.)

Добавим к этому, что, по имеющимся известиям, именно сам Распутин, говоря его языком, «доспел» в том, что Николай II удержался от желания ввязаться в балканскую войну (см. здесь, стр. 47).

Вполне согласно с приведенными выше взглядами Распутина стоит и мнение его, высказанное в «беседе» с некиим Д. Разумовским, изложенной в националистическом еженедельнике «Дым Отечества» и, видимо, довольно точно излагающей взгляды Распутина.

В связи с вопросом о крестьянстве, собеседник Распутина заметил, что «крестьянство наше вообще не умеет пользоваться полезным, а русские вообще не могут обойтись без иностранцев» и «везде оттерты и поставлены на задний план».

«Беды в этом большой нет, — ответил на это Распутин. — Разве в этом их (русских) сила? Все равно от них (русских) ничего не останется. Как-нибудь потом вспомнят, что были, а их уже и не будет. А что иностранцы идут к нам — это хорошо, потому что русский народ хороший — дух в нем выше всего. Самый плохой человек у нас, а лучше духом, чем иностранец. У них машина. Вот они чувствуют это и сами идут к нам за духом. Одной машиной не проживешь... Кажется, все хорошо кругом, а в самом человеке у них ничего. Вот это главное».

В дальнейшем автор статьи перевел беседу на вопрос о том, что «защитить от притеснений угнетаемые Турцией народы давно (бы) следовало, так как это было бы лучшим проявлением человеческого духа».

«А бог, ты думаешь, — говорил Распутин, — не видит это и не знает? А, может-быть, славяне не правы, а, может-быть, им дано испытание? Я ездил в Иерусалим, бывал в Старом Афоне — великий грех там от греков, и живут они неправильно, не по-монашески. Но болгары еще хуже. Как они издевались над русскими, когда нас везли; они — ожесточенная

нация, ощетинилось у них сердце; турки — куда религиознее, вежливее и спокойнее. Вот видишь как, а когда смотришь в газету — выходит по иному. А я тебе говорю сущую правду».

После этого беседа перешла непосредственно к вопросу о будущей войне.

«Готовятся к войне христиане,—говорил Распутин,—проповедуют ее, мучаются сами и всех мучают. Нехорошее дело война, а христиане, вместо покорности, прямо к ней идут. Положим, ее не будет,—у нас, по крайней мере. Нельзя. Но вообще воевать не стоит, лишать жизни друг друга и отнимать блага жизни, нарушать завет Христа и преждевременно убивать собственную душу. Ну, что мне, если я тебя разобью, покорю; ведь я должен после этого стеречь тебя и бояться, а ты все равно будешь против меня. Это если от меча. Христовой же любовью я тебя всегда возьму и ничего не боюсь. Пусть забирают друг друга немцы, турки— это их несчастье и ослепление. Они ничего не найдут и только себя поскорее прикончат. А мы любовно и тихо, смотря в самого себя, опять выше всех станем».

Эти взгляды Распутина, которым, несмотря на всю их примитивность, нельзя отказать в известном благоразумии, подверглись тогда же осмеянию в «Новом Времени», в статье А. Столыпина («Новое Время». 1913 г., № 13266).

6.

К стр. 56. В издании «Константинополь и проливы», кроме уже сообщенных здесь, в приложениях, различных данных, приводятся весьма ценные для нас сведения по вопросу об опубликовании соглашения об «уступке» союзниками России Константинополя: на отношении к этому вопросу Николая II (так же как и на отмене издания акта о польской автономии), несомненно, вполне ясно выявляется стремление к обеспечению более легкой возможности сепаратного мира.

Самый вопрос об опубликовании соглашения о Константинополе, как видно из документов, печатаемых в выходящей под нашей редакцией книге «Монархия перед крушением», непосредственно был выдвинут на очередь другим, только-что упомянутым вопросом — об издании акта о польской автономии. Штюрмер, на докладе по этому вопросу Николаю II 21 августа 1916 г., высказывался против опубликования этого акта, находя более желательным сделать это после предполагавшегося вступления русских войск в пределы Польши; но Штюрмер, вместе с тем, допускал и другую постановку вопроса: если этот акт (о Польше) опубликовывать теперь, то,—по его мнению, — было бы желательно, чтобы этому «предшествовал другой государственный акт, относящийся ко всей державе российской». Таким актом Штюрмер считал опубликование соглашения об уступке России Константинополя и проливов, относительно чего Штюрмер, — по его словам,— уже «имел случай обменяться мнениями с послами великобританским и французским, которые не встречают к сему препятствий» («Монархия перед крушением»).

Несомненно, в связи с этим Николай II в своем письме к английскому королю Георгу, написанном через восемь дней после этого, 29 августа (в ответ на письмо Георга с подтверждением незыблемости этой «уступки»), возбуждал вопрос о желательности опубликовать сообщение о том, что

«Англия и Франция считают обладание России Константинополем непременным условием мира».

Дальнейший ход дела особенно интересен. Грэй согласился с возбужденным вопросом, но просил (3 сентября) небольшой отсрочки. Сообщая об этом Бенкендорфу (русскому послу в Лондоне), Штюрмер (5 сентября) говорил о «чрезвычайном желании дать русскому общественному мнению удовлетворение», но предлагал, тем не менее, Бенкендорфу говорить с Грэем по этому поводу только в том случае, если Грэй сам поднимет этот вопрос. Когда же Грэй, действительно, заговорил об этом с Бенкендорфом, сообщив, что у него готово уже предисловие к этим документам, и все дело только остается лишь за Францией, то Штюрмер, в ответ на сообщение об этом Бенкендорфа, *забил отбой*. Это видно из следующей телеграммы Штюрмера послу в Лондоне, от 30 сентября 1916 г.:

«При переговорах с лордом Грэем по поводу опубликования соглашения о Константинополе и проливах, благоволите иметь в виду, что, поднимая этот вопрос, я отнюдь не настаиваю на немедленном назначении срока опубликования. Понятно, что для устранения всех встречающихся на этом пути препятствий потребуется некоторое время...».

Грэй же, однако, не хотел медлить и вел переписку с французским правительством относительно предисловия к документам. На телеграмме Бенкендорфа, от 5 октября, где сообщалось об этих стараниях Грэя, Николай II сделал следующую весьма характерную отметку: «*Не нужно торопиться*» (Ц. Ставка. 12 октября 1916 г.). (См. «Константинополь и проливы», статья Е. А. Адамова, стр. 132—134, и документы, стр. 412—448.)

Мы не будем следить за дальнейшей историей этого дела, которое, в конце концов, кончилось тем, что, сменивший Штюрмера, Трепов объявил в Госуд. Думе 19 ноября 1916 г. о состоявшемся соглашении.

Во всем изложенном нас более всего интересует именно то, что Николай и Штюрмер старались *затормозить опубликование соглашения о Константинополе*. На стр. 60 настоящей книги мы высказывали предположение, что если Романовыми велись переговоры о сепаратном мире, то хронологически они «должны относиться к промежутку времени между 16 сентября (назначение Протопопова) и, вероятно, 22 октября (германский акт о Польше)». Задержка Николаем именно в этот промежуток времени опубликования такого важнейшего для русских империалистов акта, как соглашение о Константинополе, может подтверждать наши соображения и, во всяком случае, лишний раз свидетельствует, что Романовы, действительно, готовились в это время к сепаратному миру.

К стр. 55. Мы упустили необходимость упомянуть про то «русско-японское сближение», на которое ссылается здесь Тирпиц. Он, очевидно, имеет, прежде всего, в виду заключенное Россией и Японией 20 июня — 3 июля 1916 г. тайное соглашение относительно «охранения Китая» от политического господства «какой-либо третьей державы»; согласно этому договору, в случае чьего-либо посягательства на Китай, Россия и Япония обязались к совместному вооруженному выступлению. Договор этот был направлен, по существу, не только против Америки, но *и против союзной*

царской России Англии: двуличие царской политики, столь характерное для буржуазной дипломатии вообще, на этом факте выразилось весьма наглядно.

Поворотный этап царской политики.

К стр. 94—95. В связи с напечатанной здесь прокламацией, приводим текст приказа относительно ее в. к. Николая Николаевича.

«Приказ верховного главнокомандующего. 7 января 1915 г., № 13.

«Наши противники за последнее время стали прибегать к различного рода прокламациям и обращениям к войскам и населению района военных действий, призывающим к прекращению борьбы и к миру.

«Австрийцы перешли в этом отношении всякие пределы наглости, гнусности и высшей преступности. Из австрийской армии нарочно назначенные нижние чины разбрасывают среди наших войск прокламации, в которых обнаглелые враги дерзают обращаться якобы от имени священной особы государя императора и как бы за его подписью к вам, доблестные сыны святой Руси.

«Всякий верноподданный знает, что в России все беспрекословно повинуются, от верховного главнокомандующего до каждого солдата, единой священной и державной воле помазанника божия, нашего горячо обожаемого государя императора, который един властен вести и прекратить войну.

«Наш враг, не рассчитывая более на силу своего оружия и на успех на поле брани, задумал гнуснейший подлог, совершая тем самым преступное дело.

«Знайте, русские чудо-богатыри, что только полное нравственное разложение и окончательное сознание невозможности дольше бороться в честном бою оружием могли побудить врагов наших на такое неслыханное низкое преступление.

«Твердо верю, что, с божьей помощью, наша победоносная армия, своими подвигами в предстоящих боях, сумеет дать должный ответ недостойному противнику.

«Повелеваю всех лиц, захваченных с подобными прокламациями, передавать немедленно полевому суду, для суждения со всей строгостью законов военного времени, как государственных преступников».

Генерал-адъютант Николай».

Этот приказ (печатный), вместе с копией приведенной в тексте прокламации, был представлен штабом верховного главнокомандующего в военно-походную канцелярию Николая II, а оттуда — последнему.

О прокламации этой упоминает, между прочим, Палеолог, в качестве свидетельства того, что «мирная пропаганда, которую Германия так деятельно ведет в Петрограде, свирепствует также в армиях и на фронте». («Царская Россия во время мировой войны», стр. 192.)

Банки и Распутин.

К стр. 142—143. Для характеристики той промышленно-банковской среды, которая руководила политикой Распутина-Протопопова, представляет некоторый интерес история организации протопоповской газеты «Русская Воля».

Инициатива издания этой газеты принадлежит съезду представителей металлообрабатывающей промышленности, состоявшемуся в конце февраля 1916 г. — это прямо видно из показаний самого Протопопова в Следственной комиссии («Падение царского режима», том I, стр. 145); это же ясно было и из газетных сообщений того времени. Так, в газете «Речь», в номере от 26 апреля 1916 г., была помещена такая заметка:

«В кругах, близких к крупным капиталистическим организациям, много говорят о проектируемых крупных газетных предприятиях. Все эти разговоры связываются с недавно организовавшимся советом съездов металлургической промышленности. Организация эта, объединяющая все крупные металлургические и металлические заведения, располагает громадными средствами и, как передают, признала необходимым основать крупный политико-общественный орган». (Эта заметка приводится также М. П. Павловичем в его работе «Империализм» — «Собрание сочинений», т. I, стр. 174; здесь, однако, не указано, что приводимые сведения относятся к «Русской Воле».)

Однако, дело это некоторое время не двигалось в ход; только тогда, когда Протопопов, имевший самое близкое отношение к этому делу, вернулся, после «стокгольмской беседы», из-за границы, организация газеты быстро пошла вперед. В деле этом приняли участие банки, при чем для этой цели было организовано акционерное общество «Печать» с капиталом в пять миллионов рублей.

М. П. Павлович, приводя газетные сообщения об организованной «советом съездов металлургической промышленности» газете, делает, в связи с этим, такое замечание:

«За несколько месяцев до этого, а именно в сентябре 1915 г., газета «Форвертс» сообщала, что главное правление германского металлургического треста в Эссене, представляющее интересы всей металлургической индустрии Вестфалии и Рейна, создало анонимное общество для распределения хорошо оплачиваемых объявлений по разным газетам и для снабжения этих газет статьями и корреспонденциями, редактируемыми в «Литературном бюро» данного анонимного общества. Это анонимное общество поставило своей задачей защищать в прессе ту аннексионистскую программу, которую выдвинули в пресловутой петиции Бетман-Гольвегу шесть крупнейших аграрно-металлургических организаций Германской империи». (М. Павлович, «Собрание сочинений», т. I, стр. 174.)

Таким образом, этим указанием М. П. Павлович намекает на возможность зависимости «Русской Воли» от подобной германской литературно-металлургической организации. Надо, в связи с этим, заметить, что «Русская Воля» стояла на крайней империалистской позиции, — однако, такая позиция могла быть выгодна и для германских империалистов (ср. М. Павлович. «Собрание сочинений», т. V, стр. 30). Вообще же надо иметь в виду, что по направлению этой газеты нельзя судить о первоначальных намерениях ее организаторов, так как, вследствие поднятого вокруг этой газеты шума, часть ее организаторов (Протопопов, Колышко и др.) от нее позднее отклонилась.

Что касается участия в этой газете банков, то некоторые фактические данные об этом были приведены в Гос. Думе 19 ноября 1916 г. Пуришкевичем. Несмотря на то, что черносотенный депутат смотрел на этот вопрос со своей специфической точки зрения, сделанные им сооб-

щения представляются нам заслуживающими доверия, так как, в главном, могут быть подтверждены и другими данными.

По словам Пуришкевича, 15 июля 1916 г. Протопопов собрал совещание представителей банков относительно издания газеты. В совещании приняли участие представители следующих банков: Сибирского (представитель Грубе), Русского для Внешней торговли (Давыдов), Азовско-Донского (Каменка), Международного (Шайкевич, Вышнеградский), Волжско-Камского (Виндельбанд). В результате совещания, решено было субсидировать газету и выдать на нее 5 000 000 р., при чем в соглашение вошло уже десять банков. Эти десять банков: Азовско-Донской, Коммерческий, Петроградский, Международный, Петроградский Учетно-Ссудный, Петроградский Частный, Русский для Внешней торговли, Русско-Азиатский, Русский Торгово-Промышленный и Сибирский. Но когда, по словам Пуришкевича, банки «поняли в чем дело и разобрались», семь из десяти от соглашения отказались. «Все русские банки,—по словам Пуришкевича,—те банки, где было больше всего русских денег, все ушли, и остались Международный банк, АзовскоДонской банк и Русский для Внешней Торговли банк». «Это,—говорил Пуришкевич,—три главных банка, которые работают в России на немецкие капиталы». («Стеногр. Отчет Гос. Думы», заседание 19 ноября 1916 г., стр. 281—282.)

Когда, после назначения Протопопова министром, в Госуд. Думе были сделаны эти и другие разоблачения относительно участия в «Русской Воле» банков, Протопопов печатно протестовал против этого, указывая, что деньги отпустили не банки, а различные промышленные предприятия; при этом Протопопов даже представил их перечень. Приводим этот перечень (из «Речи», № 328, от 28 ноября 1916 г.), так как он ясно характеризует ту среду, которая выдвинула Протопопова.

1. Об-во Коломенского машиностроительного завода.
2. Об-во железокотельного, сталелитейного и механических заводов «Сормово».
3. Об-во русского судостроительного завода.
4. Об-во машиностроительного завода Гартмана.
5. Об-во Кулотинской джутовой мануфактуры.
6. Никополь-Мариупольское горное и металлургическое общество.
7. Об-во Тульских меднопрокатных и патронных заводов.
8. Об-во Кузнецких каменноугольных копей.
9. Южно-Русское об-во внутренней и экспортной торговли продуктами горной промышленности «Юровэта».
10. Об-во Белорецких заводов.
11. Петроградское об-во товарных складов.
12. Русское паровозо-строительное и механическое об-во.
13. Об-во «Океан».
14. Об-во Николаевских заводов и верфей.
15. Восточное об-во товарных складов страхования и транспортирования товаров.
16. Пароходное об-во «Кавказ и Меркурий».
17. Акционерное об-во франко-русских заводов.
18. Горско-Ивановское об-во.
19. Об-во «Бахмутская соль».
20. Российское транспортное и страховое об-во.

21. Товарищество Петроградского вагоностроительного завода.
22. Т-во нефтяного производства бр. «Нобель».
23. Об-во русских трубопрокатных заводов бывш. «Шодуар».
24. Об-во Петроградского медепрокатного завода.
25. Об-во Брянского рельсопрокатного железоделательного и механического завода.
26. Русское акционерное об-во соединенных механических заводов.
27. Т-во машиностроительного завода «Феникс».
28. Акционерное об-во машиностроительного завода «Я. М. Айваз».
29. Акционерное об-во северных заводов насл. Н. П. Пастухова.
30. Акционерное об-во Комаровских железорудниковых месторождений Южно-Уральских горных заводов.
31. Акционерное об-во Невьянских горных заводов.
32. Акционерное об-во Ясновских антрацитовых рудников.
33. Новосильцевское каменноугольное акционерное об-во.
34. Акционерное об-во Петроградских механических и литейных заводов.
35. Западно-русское об-во пароходства.
36. Петроградское отделение английского акционерного об-ва.
37. Союз сибирских кооперативных ассоциаций.
38. Электрическое акционерное об-во Донецкого бассейна.
39. Акционерное об-во Андреевских антрацитовых копей.
40. Акционерное об-во «Салолил».
41. Акционерное об-во маслобойных и химических заводов «Саломас».
42. Акционерное об-во И. З. Персиц,
43. Акционерное об-во Федоровских заводов.

Приведем, также по данным, собранным нами из разных номеров «Торгово-Промышленной Газеты», сведения о том, кому принадлежали акции некоторых из этих предприятий, отмечая, вместе с этим, по «Всему Петрограду» 1915 г., входивших в состав их правлений, банковских заправил.

Общество Коломенского машиностроительного завода. Представлено на годовое собрание акционеров 20 468 акций. Из них: «Бр. Джамгаровы»—3 950, Петр. Уч. и Сс. б.—3 000, Междунар. б.—3 000, Д. Б. Вургафт—1 700, Банк. Дом М. Нелькен — 1 000, Рус.-Аз. б.—1 000 и др. («Т.-П. Г.» 1916 г. 1 VI, V 118.) — Предс. правл. А. И. Вышеградский (директ. Межд. б.); среди директоров — А. П. Мещерский (чл. сов. Межд. б).

Общество железоделательных, сталелитейных и механических заводов «Сормово». В 1915 г. 32 553 акц.[1] Из них: Петр. Уч. и Сс. б. — 8 000, Междун. б. — 2 000, Русск. для Внешн. торг. б. — 2 574, Д. К. Золин — 2 000, Петр. Торг. б.—2 330, Н. Н. Клименко — 1 500, Бр. Джамгаровы — 1 100, Ю. И. Рансенер (директор «Сормова»)—1 100, Д. С. Хрулев—1 100, Азовско-Донской б.—1 100, В. А. Романов — 1 100. («Т.-П. Г.» 1915 г., 8 V, № 103.) — Предс. правл. А. И. Вышеградский, директор-распоряд. А. П. Мещерский.

Русское судостроительное акционерное общество. 95 293 акций. Из них: Петр. Междун. б. — 92 637 (т.-е. почти все

[1] Здесь и далее эта цифра показывает количество акций, представленных на годовое общее собрание.

акции. *В. С.*) и, кроме того, 52 245 временн. свидетельств. В правлении, между прочим, Г. А. Блох (чл. сов. Межд. б.) и Ф. Е. Шайкевич. («Т.-П.Г.» 1915 г., 12 XI, № 252.)

Русское общество машиностроительного завода Гартмана. 10 882 акц. Из них: Н. Н. Клименко — 3 000, Д. М. Вургафт — 2 500, Петр. Междун. б. — 2 500, Д. К. Золин — 1 200, Н. Е. Понафидин — 600. («Т.-П. Г.» 1915 г., 7 XI, № 248.) — В правлении, между прочим, Г. А. Блох (чл. сов. Межд. б.), В. Ф. Давыдов (чл. правл. Рус.-Аз. б.), П. Г. Шайкевич.

Никополь-мариупольское горное и металлургическое общество. 43 532 акц. Из них: Петр. Межд. б.—7 018, Н. Н. Клименко — 4 900, Н. Г. Хрулев — 4 000. Г. А. Блох (чл. сов. Межд. б.) — 3 600, Л. Ф. Грауман — 3 600, Д. Б. Вургафт — 3 550, Н. Е. Понафидин—3 500, Д. К. Золин — 3 000, Русско-Аз. банк — 3 000, Д. С. Хрулев — 2 001, Ф. Ф. Безобразов — 2 000, П. Г. Шайкевич — 2 000 и др. («Т.-П. Г.» 1915 г., 27 XI, № 264.) — Предс. правл. М. Л. Балабанов (чл. сов. Русс. для внешн. торг. б.), члены правл. Д. Б. Вургафт, А. И. Вышнеградский (директ. Межд. б.), Н. Н. Клименко.

Общество Тульских медноопрокатных и патронных заводов. 9 133 акц. Из них: Петр. Межд. б.—2 000, Д. К. Золин—1 000, Н. Н. Клименко — 1 000, Д. С. Хрулев — 800, Е. Г. Шайкевич — 500 и др. («Т.-П. Г.» 1916 г., 16 II, № 37.) — Предс. правл. Е. Г. Шайкевич (чл. правл. Межд. б.), директора: Д. Б. Вургафт, Н. Е. Понафидин, Г. А. Блох (чл. сов. Межд. б.), С. С. Хрулев (предс. пр. Межд. б.).

Общество Кузнецких каменноугольных копей. Петр. Межд. б. — 33 305 акций: Русско-Аз. б. — 8.831, Regu générale des chemins de fer — 8 000, Société générale—8 000 и др. («Т.-П. Г.» 1914 г., 1 VI, № 124.)— В правлении, между проч., директора П. Г. Шайкевич, С. Б. Габриель (директор Петр. Межд. б.).

Петроградское общество товарных складов. 20,461 акц. Из них: Петр. Межд. б. — 4 000, Н. Н. Клименко—3 500, Д. С. Хрулев—3 000, П. Г. Шайкевич—2 000, Н. И. Филатьев—1 818 и др. («Т.-П. Г.» 1916 г., 30 IV.)

Русское паровозостроительное и металлическое общество. 10 911 акций. Из них: Петр. Межд. б. — 4 000, Н. Н. Клименко — 2 000, М. В. Быханов — 1 325, Д. Б. Вургафт — 1 000, Д. С. Хрулев — 800, Петр. Торг. б. — 740. («Т.-П. Г.» 1915 г., 13 XII, № 278.)

Восточное общество товарных складов, страхования и транспортирования товаров. 61 500 акций. Из них: Петр. Междун. б. — 14 094, Русско-Азиатск. б. — 10 000, Рус. Торг.-Пром. б. — 7 307, П. П. фон-Дервиз — 6 118, В. Н. фон-Дервиз — 4 000, Русск. для Внешн. торг. б. — 3 516. («Т.-П. Г.» 1915 г., 31 V, № 121.)—В числе директоров — П. Г. Шайкевич.

Общество пароходства по Волге и Каспийскому морю «Кавказ и Меркурий». В 1914 г.—13 157 акций. Из них: Петр. Межд. б. — 8 194, Волжско-Камский б. — 2 204, СПБ. Отдел Московского б. — 1 926. («Т.-П. Г.» 1914 г., 30 V, № 122.)

Российское транспортное и страховое общество. 37 509 акций. Из них: Русско-Азиатск. б. — 9 911, И. П. Манус — 4 295, Петр. Междун. б. — 2 816, Русский Торгово-Пром. б. — 2 649. («Т.-П. Г.» 1916 г., 1 VI, № 118.) — В правлении, между проч.: председатель —

И. П. Манус; члены — А. И. Путилов, Н. Ф. Бурдуков, Я. И. Савич (чл. правл. Междун. б.).

Товарищество Петроградского вагоностроительного завода. В 1915 г.—9 905 паев.; из них: И. П. Манус—2 126, Азовско-Донск. б. — 1 500, Русско-Азиатск. б. — 1 000, Грубе, Небо и К⁰ — 1 000, А. Ф. Рафалович — 948, А. И. Путилов — 800. («Т.-П. Г.» 1915 г., 25 VI, № 139.) — В числе директоров: В. И Ковалевский (предс. сов. Русск. для Внешн. торг. б.), А. И. Путилов, И. П. Манус; среди кандидатов — П. И. Колышко.

Общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода. В 1915 г. — 76 067 акций. Из них: Петр. Межд. б. — 12 000, Петр. Уч. и Сс. — 5 335, Д. Б. Вургафт, — 6 000, Н. Н. Клименко — 4 000, Русско-Азиатск. б. — 4 130, Азовско-Донской б. — 3 000, Русск. для Внешн. торг. б.—3 284, А. И. Путилов — 3 825, Петр. Торг. б.—1 000, И. П. Манус — 2 262, М. Л. Бутри—1.089, Н. А. Гордон—1 750, Д. С. Хрулев—1 748. («Т.-П. Г.» 1915 г., 28 VI, № 145.) — В правлении, между проч., предс. — Н. Н. Кокшаров (предс. сов. Петр. Торг. б.); среди членов совета — И. И. Колышко.

К стр. 160. В связи с приведенными в тексте фактами, указывающими на политическую роль в России германских трестов (см. также стр. 109 — 112), мы отметим вкратце, как была организована германская электрическая промышленность, одним из руководителей которой был и упоминаемый здесь Стиннес, хозяйничавший в различных отраслях германской промышленности.

Впервые в России начала действовать германская фирма «Сименс и Гальске», открывшая в Петербурге свое отделение, которое в 1898 г. превратилось при помощи «Немецкого Банка» («Deutsche Bank») в акционерное общество под названием «Русские Электротехнические заводы Сименс-Гальске». Самым крупным его отделением являлось «С.-Петербургское Общество 1886 г.». В 1899 г. «Сименс и Гальске», совместно с другой крупнейшей германской фирмой «Всеобщая Компания Электричества» (во главе которой стоял известный Ратенау), учредила «Русский Электрический Синдикат», который, по определенному плану, и покрыл электрическими сооружениями всю страну.

Надо сказать, что в Германии, кроме отмеченных двух фирм, существовало еще крупное «Электрическое акционерное Общество б. Шуккерт и К⁰», отделением которого явилось возникшее в 1899 г. «Русское Об-во Шуккерт и К⁰». Но в 1903 г. в Германии «Об-во Шуккерт» влилось в сименсовский концерн, образовав фирму «Сименс-Шуккерт».

Таким образом, в России действовали, объединенные в синдикат, две мировых германских фирмы: «Всеобщая Компания Электричества» и «Сименс-Гальске» (вместе с Шуккертом). Этим синдикатом был организован в России ряд других предприятий: «Русские акционерные заводы Тюдор», «Акционерное общество соединенных кабельных заводов в Петербурге» и проч. Впоследствии, уже в 1920 г., в Германии вся фирма «Сименс-Шуккерт» влилась в концерн Стиннеса, тогда как «Всеобщая Компания Электричества» сохранила свою самостоятельность. (См. П. Уферман и К. Хюглин. «Стиннес и его концерны». Со вступит. статьей К. Радека. 1924 г., изд-ство «Экономическая Жизнь», стр. 74 и след.)

Связи германских электрических трестов с Россией были организованы не только через их русские филиалы, но также и через банки, в частности через Международный Коммерческий банк (см. здесь, стр. 149 — 150).

Помимо этого, как мы видели, Международный банк зависел от «Disconto Gesellschaft», а именно с этим последним была главнейшая связь у того же Стиннеса (Уферман, стр. 137).

Распутин и верховное командование.

К стр. 166. В вышедшем во время печатания настоящей книги IV томе «Переписки Н. и А. Романовых» в письмах Николая опять встречается много мест, где Николай сообщает жене наисекретнейшие военные сведения; при этом иногда Николай, как и ранее, напоминает ей о том, чтобы она никому этого не передавала.

Здесь, в связи с вопросом о советах Распутина относительно летнего наступления в Галиции 1916 г., интересно отметить следующее.

В письме от 5 июня 1916 г. Николай пишет: «Несколько дней тому назад мы с Алексеевым решили не наступать на севере, но напрячь все усилия немного южнее. Но прошу тебя никому об этом не говорить, даже нашему Другу. Никто не должен об этом знать. Даже войска, расположенные на севере, продолжают думать, что они скоро пойдут в наступление, — и это поддерживает их дух». («Переписка», т. IV, стр. 240—241.)

Как мы указывали в тексте, эта мысль — не наступать на севере — была высказана впервые самим Распутиным: об этом А. Ф. сообщала Николаю накануне, 4 июня.

К стр. 178. В связи с затронутым здесь вопросом о Распутине и германском шпионаже, отметим, что в декабре 1924 г. в одной из американских газет известный охранник, жандармский генерал Комиссаров, поместил сообщение относительно обстоятельств, при которых погиб английский фельдмаршал Китченер. Это сообщение, перепечатанное в различных европейских газетах, проникло и в советскую печать (см., наприм., «Красную Газету», от 17 декабря 1924 г., № 288).

Сообщение Комиссарова заключается вот в чем.

Как известно, Китченер погиб (24 мая 1916 г. ст. ст.) в то время, когда он на крейсере «Гемпшир» направлялся из Англии в Россию; этот крейсер, на высоте Оркнейских островов, был взорван германской подводной лодкой. Отъезд Китченера в Россию,—как передает Комиссаров (и как, конечно, это и было), — держался в такой тайне, что даже командир крейсера «Гемпшир» только по выходе в море узнал, куда должен быть направляем корабль (место назначения было указано в запечатанном конверте, который должен был быть вскрытым только по выходе в море). Однако, по словам Комиссарова, германцы знали о путешествии Китченера и выслали, куда нужно, подводные лодки, которыми крейсер и был потоплен. Согласно показанию Комиссарова, германцы были об этом осведомлены некиим «Шведовым» (псевдоним), который известие о путешествии Китченера получил в России, выехал затем в Стокгольм и сообщил об этом тамошнему германскому посланнику фон-Люциусу. Потом «Шведов» возвратился в Петроград, где его роль была уже

раскрыта. «Шведов», — по словам Комиссарова, — был арестован, предан военному суду и повешен. В предательстве Китченера Комиссаров обвиняет, прежде всего, Распутина, А. Ф. Романову и Вырубову.

Таково свидетельство Комиссарова. Отметим, прежде всего, что он, конечно, мог все это дело знать из первоисточника, так как стоял в самом центре среди тех лиц, которые ведали подобными делами (хотя, впрочем, непосредственно в это время он был градоначальником в Ростове-на-Дону); в частности, перед интересующим нас временем (1916 г.) на Комиссарове лежало наблюдение за Распутиным, при чем по этой должности Комиссаров вошел в большое доверие последнего.

Прибавим к этому, что фон-Люциус, которому, — как пишет Комиссаров, — было сообщено о поездке Китченера, был главным руководителем германского шпионажа в России, и, таким образом, указание этой фамилии Комиссаровым служит одним из признаков достоверности его рассказа.

Надо также отметить, что свои воспоминания Комиссаров предполагал писать еще сразу после революции (см. показания Комиссарова в Следств. комиссии), и появившиеся теперь сообщения являются, повидимому, частичным осуществлением этого плана (свои воспоминания Комиссаров, как видно из его показаний, собирался писать совместно с В. Л. Бурцевым).

Это все придает некоторые признаки достоверности сообщению Комиссарова, — и тем более, что Распутин, как мы отмечали, был обрадован смертью Китченера: он признал: «хорошо, что Китченер погиб» (см. здесь, стр. 59).

Но, вместе с тем, есть обстоятельство, которое подрывает точность приведенного сообщения. Это обстоятельство заключается в следующем.

В одном из писем А. Ф. Романовой к Николаю (от 13 апреля 1915 г.) есть такое место: «Представь себе, в лазарете Ольги Орловой был молодой человек, Шведов, с георгиевским крестом (немного подозрительно, как мог вольноопределяющийся получить офицерский крест), мне он сказал, что никогда вольноопределяющимся не был, — совсем мальчик на вид. Когда он уехал, в его столе нашли немецкий шифр, — а теперь я узнаю, что его повесили как шпиона. Это ужасно, а он просил наших фотографий с подписями — я помню. Как можно было запутать такого мальчика». («Переписка Н. и А. Романовых», т. III, стр. 167.)

Несомненно, в этих строках речь идет о том самом «Шведове», о котором говорит и Комиссаров, но письмо А. Ф. относится к 13 апреля 1915 г., тогда как гибель Китченера, которую связывает Комиссаров со шпионажем «Шведова», произошла 14 мая 1916 г. Таким образом, судя по письму А. Ф., в это время «Шведов» уже не мог сыграть своей шпионской роли. Это, конечно, очень заподозревает правильность показания Комиссарова. Но так как в данном случае это лицо «весьма авторитетное», и, по всем другим подробностям, показание носит признаки достоверности, то нам представляется, что могут быть и другие объяснения расхождения упоминаний о «Шведове» А. Ф. Романовой и Комиссарова: во-первых, Комиссаров мог перепутать фамилию и смешать «Шведова» с каким-либо другим лицом, донесшим о поездке Китченера, а, во-вторых, слова А. Ф. о «Шведове» сами по себе тоже очень подозрительны. Действительно: шпион, посылаемый германцами в резиденцию русского царя, забывает в столе лазарета шифр... Это мало

вероятно. А. Ф. сообщает по слухам: «Шведов» шпион и повешен. Первое подтверждается словами Комиссарова, — но был ли действительно «Шведов» повешен в 1915 г., или это только «слух» (быть может, и придуманный для успокоения Николая — шпиона повесили и делу конец)? Если же это только «слух», то «Шведов» мог отлично укрыться и в 1916 г. выполнить то, о чем сообщает Комиссаров.

От Антанты — к Германии.

К стр. 207. В связи с вопросом о том, в какой степени для интересующей нас банковско-промышленной группы была вообще выгодна война, мы, прежде всего, хотим обратить внимание на то, что в печати не раз нам приходилось встречать, как, для характеристики размеров военных прибылей, приводятся сравнительные цифры стоимости акций тех или иных промышленных предприятий в довоенные годы и в период войны; таким же путем иногда сравнивались довоенные и военные цифры прибыли отдельных предприятий, или же размеры выданного по акциям дивиденда. Однако, при таком способе сравнения, обычно оставлялся без внимания самый важный пункт, а именно факт постепенного о б е с ц е н е н и я р у б л я, что и было главной причиной повышения курсов всех тех дивидендных бумаг, на которые был спрос, и задержкой падения тех, на которые спроса не было. Эту причину иметь в виду необходимо, иначе все сравнительные цифры не дадут никаких данных для характеристики вопроса о выгодности войны, как для промышленности в целом, так и для отдельных ее групп. Правда, учет означенного обстоятельства, хотя и совершенно необходим, но чрезвычайно сложен, и едва ли даже возможно (по крайней мере в данное время) притти здесь к вполне правильному решению. Но, во всяком случае, даже сравнение биржевых котировок может дать некоторую почву для соображений по этому вопросу.

Для этого приводим прежде всего некоторые цифры, характеризующие довоенную котировку акций главнейших русских коммерческих банков и последовательные изменения ее за время войны.

Цифры эти таковы:

Банки.	Средняя биржевая цена 1913 г.	Июль 1914 г.	Август 1915 г.	Февраль 1916 г.	Июль 1916 г.	Декабрь 1916 г.	Февраль 1917 г.
Азовско-Донской	601	547	750	483	600	697	950
Волжско-Камский . . .	885	845	740	865	970	1 237	1 550
Международный	507	436	302	334	458	548	900
Торгово-Промышл . . .	343	309	218	267	300	403	680
Русск. для Внешн. торг.	386	366	290	332	430	462	970
Русско-Азиатский	289	249	164	235	268	380	775
Русско-Французский . .	—	—	—	—	250	250	575
Сибирский	578	555	480	535	634	800	900
Соединенный	284	250	150	173	225	347	540
Учетно-Ссудный	477	—	354	350	480	628	950

Цифры для 1913 г. приведены нами по «Статистическому Ежегоднику на 1914 год», под ред. В. И. Шарого, стр. 491—493. Цифры для 1914—1917 гг. основаны на просмотре биржевых котировок в «Финансовой Газете» (за 1915 г. здесь имеются только котировки, относящиеся к 8 августа). Указываем здесь точные даты, к которым относятся приведенные котировки: 1914 г. — 2 июля, 1915 г. — 8 августа, 1916 г. — 3 февраля, 2 июля 3 декабря; 1917 г. — 24 февраля.

Располагая за 1914, 1916 и 1917 гг. данными о котировке акций за каждый месяц (а не только теми цифрами, которые здесь приведены), мы можем, между прочим, установить, когда именно достигали довоенной цифры котировки тех или иных акций. Так, первый из банков, акции которого достигли довоенной котировки, был Волжско-Камский, но и его акции достигли до этого только к февралю 1916 г.; затем к июлю достигли довоенной цифры акции Сибирского, Русского для Внешней торговли, Азовско-Донского и Учетно-Ссудного банков, к августу — Торгово-Промышленного и Русско-Азиатского банков, только к сентябрю — Международного Коммерческого банка и, наконец, к декабрю — Соединенного банка.

Таким образом, только во второй половине 1916 г. большинство банковских акций вернулись к размеру довоенных котировок; но в это время рубль был уже в очень значительной степени обесценен, и, вследствие этого, эти биржевые цены 1916 г. были только номинальными; действительная стоимость акций была значительно ниже.

Точно так же, наблюдая процесс изменения биржевых цен на металлургические акции, мы видим, что все эти акции, испытав чрезвычайное понижение в начале войны, в течение очень долгого срока не могли вернуть себе даже той стоимости, какую они имели в мирное время. Хотя акции, в большинстве случаев, постепенно и повышались, но это повышение было относительное, так как довоенная котировка этих акций была значительно выше; так это было не только в августе-декабре 1914 года, но и в течение всего 1915 г. Из числа акций более чем 20 главнейших металлургических предприятий, котировки которых мы имеем, только акциям трех заводов—«Коломенского», «Сормово» и «Бромлей»—удалось к началу 1916 г. достигнуть той цифры, в которой они котировались до войны.

В первые пять месяцев 1916 г. достигли довоенной цифры котировки акции только трех заводов: «Кольчугин» (в феврале), «Богословский» (апрель), «Парвиайнен» (май). Акции большей части других металлургических предприятий достигли довоенной цифры только в июне, июле и августе 1916 г.

Пока мы говорим о возвращении акций к их довоенной котировке, для нас не имеет особого значения вопрос о том, в какой именно степени понизилась к этому времени стоимость самого рубля: ясно, что рубль обесценился, и что, вследствие этого, все эти акции, хотя и вернулись к довоенным цифрам, но только относительно, — абсолютно же они также все это время оставались обесцененными по сравнению с довоенным периодом. И так, как мы показывали, было для большинства акций до середины 1916 г., то-есть в течение двух лет войны.

Что касается размеров обесценения русского рубля, то об этом можно бы судить по его последовательной оценке по сравнению с устойчивой международной денежной единицей, т.-е. с американским долларом. До

войны курс рубля на американской бирже стоял весьма близко к паритету (паритет рубля составлял 51,45 долл. за 100 р.) и колебался в пределах $51^3/_4 — 51^1/_4$. К январю 1915 г. стоимость 100 русских рублей пала на американской бирже уже до 43 долл., а в январе 1916 г. составляла всего 30 долларов. С февраля 1916 г. рубль на американской бирже сначала стал несколько повышаться, затем падать по сравнению с этим повышением (с мая), затем снова повысился (в августе) и, в конце концов к декабрю 1916 г. 100 русских рублей стоили на американской бирже 30,75. (Сведения о стоимости русского рубля на американской бирже берем из «Русско-Американского Торгового журнала» 1917 г., № 7.) Таким образом, мы видим, что, испытав в течение года некоторое повышение и понижение (не ниже 30 долл. за 100 р.), рубль к концу года оценивался почти в ту же цифру (даже немного более), чем в начале года (именно 30,75 долл. за 100 руб.).

Но сравнительная оценка русской валюты в долларах является только теоретической, так как эти цифры показали бы лишь оценку международного рынка, а не действительную стоимость рубля. С. А. Фалькнер, специально обследовавший вопрос об обесценении русской бумажно-денежной валюты, говорит, что способ определения ценности бумажных денег путем международного курса национальной валюты «явно непригоден, потому что в условиях отсутствия нормального и свободного международного обмена интервалютный курс превращается в отражение лишь того узкого потока товарного и кредитного обращения, контрабандного по преимуществу, который на деле еще течет, несмотря на все преграды. Интервалютный курс становится в этих случаях весьма податливым влияниям различных спекулятивных операций, с одной стороны, и грядущего развития — с другой». («Денежное обращение и кредит в России и за границей». Том I. 1914—1921 гг. Труды секции по вопросам денежного обращения и кредита Института Экономических Исследований Н. К. Ф. 1922 г., статья С. А. Фалькнера «Обращение русской бумажно-денежной валюты», стр. 30.)

Поэтому, для периода империалистической войны, наиболее существенным показателем объективной стоимости бумажных денег в народно-хозяйственном обращении является движение товарных цен (там же стр. 29—30).

По данным Фалькнера, стоимость суточной прожиточной нормы равнялась до войны (в 1913 г.) 0 р. 23 к. В 1916 г. эта стоимость определялась так: в январе—0,323, апреле — 0,346, июле—0,421, октябре—0,516; в 1917 г.: в январе — 0,625, в апреле — 0,762. Коэффициент возрастания стоимости по сравнению с 1913 г. — 1,00, был в 1916 г.: в янв. — 1,42, апр. — 1,52, июль—1,85, окт. — 2,27; 1917 г., янв. — 2,75, апрель — 3,36 (там же, стр. 42).

Однако, было бы, конечно, неправильно, приняв такой коэффициент, просто применить его к цифрам стоимости акций для определения размеров их обесценения; колебание котировок акций зависело, понятно, от многих сложных причин. Тем не менее и этот коэффициент может служить одной из вех на пути к более правильному решению этого вопроса.

Во всяком случае, приведя все эти данные, мы не имеем никаких оснований думать, чтобы во второй половине 1916 г. и в январе—феврале 1917 г. создались какие-либо такие причины, которые давали бы право заключить, что, при наблюдавшемся за это время относительном повышении котировок акций, они достигли хотя бы той абсолютной стоимости, каковую

они имели до войны. На этой почве, как мы думаем, и можно найти мотивы для объяснения «пацифизма» данной промышленно-банковской группы.

К стр. 207. Мы отметили в тексте, что близ государственного аппарата стояла очень небольшая банковская группа, влиявшая на правительственную политику: эту группу может, между прочим, характеризовать и тот состав акционеров предприятий, финансировавших «Русскую Волю», который приведен выше в приложениях; как можно видеть из этих перечней, в них повторяются всё одни и те же имена.

К этому нужно прибавить, что для того, чтобы руководящей группе распоряжаться множеством акционерных обществ и обеспечить себе, при помощи этого, и крупное политическое влияние, не было даже надобности располагать большинством акций того или другого предприятия. По словам Гильфердинга, та сумма капитала, которая «достаточна для господства над акционерным обществом», на практике составляет «всего от $^1/_3$ до $^1/_4$ капитала, и даже ниже» (Гильфердинг. «Финансовый капитал», 1924 г., стр. 123). Прибавим к этому также то, на что обращает внимание В. И. Ленин: он указывает, что, если «обладания 50% капитала всегда бывает достаточно для контроля над акционерным обществом, то руководителю надо обладать лишь одним миллионом, чтобы иметь возможность контролировать восемь миллионов у «обществ — внуков», а если этот «переплет» идет дальше, то с одним миллионом можно «контролировать» 16 милл., 32 милл. и т. д.» (В. И. Ленин говорит об этом со слов немецкого экономиста Геймана — см. «Империализм, как новейший этап капитализма», изд. 3, стр. 35 — 36).

Применяя эти указания к русской практике, мы можем видеть, что всем Международным банком, который, как мы видели, стоял в центре многих отраслей русской промышленности, мог распоряжаться чуть ли не один Манус с кучкой своих «сотрудников»: это видно уже из того, что, например, в 1917 г. один Манус представил более трети всего того числа акций, которое было предъявлено на общем собрании акционеров (см. здесь, стр. 148), но, кроме того, он, конечно, располагал и акциями всех акционеров, принадлежавших к его группе.

Приведенные нами здесь, в приложениях, данные наглядно, таким образом, показывают, что́ представляла собой та руководящая банковская группа, которая влияла на правительственную политику вообще, и, в частности, на вопросы о мире и войне.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН.[1]

Алексеев, М. В., ген., начальник штаба верх. главноком.—20, 30—32, 73, 86, 118—120, 165, 167—169, 172—176, 181, 190, 191, 209, 210, 236.
Альберти, герм. офиц. — 223.
Андроников, М. М., кн. — 89, 137, 177, 181.
Ашберг, стокгольмский банкир — 38, 39, 41, 43, 134.

Бадмаев, П. А., «тибетский врач»— 43, 151, 152, 154, 172.
Базилевский, московск. губ. предвод. двор. — 38.
Барк, П. Л., м—р финансов — 38, 88, 89, 93, 112—116, 127, 132, 161.
Батюшин, ген., предс. комиссии по расследованию деятельности банков — 120, 129.
Белецкий, С. П., директ. департамента полиции, тов. мин. внутр. д. — 34, 42, 90, 101, 105—107, 109—111, 114—116, 120, 122, 124—126, 128, 135, 151, 175, 177, 199.
Беляев, М.А., ген., военн. м-р — 38.
Бенедикт XV, папа римский—29.
Бенкендорф, А. К., гр., русский посол в Лондоне — 221, 229.
Бенкендорф, Д. А., чл. сов. Русск. для Внешн. торг. б. — 35.
Бентгейм, кн. — 36.
Бермондт-Авалов — 200.
Бетман-Гольвег, герм. канцлер — 53, 54, 231.
Бисмарк — 17.
Блох, Г. А., чл. правл. Междун. б. 156, 233, 234, 241.
Бобринский, А. А., гр., мин. земледелия — 195, 197, 199.
Бонч-Бруевич, ген. — 30.
Брусилов, А. А., ген., главноком. юго-зап. фронтом — 165, 168, 170, 171, 173.
Бубликов, чл. Гос. Д. — 41.
Бурдуков, Н. Ф., шталмейстер (доверенное лицо Мануса) — 135—140, 235.
Бьюкенен, англ. посол в России 70, 218, 224—226.
Бюбиль, герм. офицер — 17, 223.

Варбург, герм. банкир — 39—44, 46, 52, 59, 134, 138, 158, 212, 226.
Васильчиков, Б. А., кн., чл. Гос. С. — 24.
Васильчиков, С. И., кн., ген.-адъют. — 23.
Васильчикова, М. А., фрейлина — 5, 11, 14, 17, 23, 25, 27, 28, 30—38, 42, 50, 59, 65, 95, 164, 189, 221—225.
Васильчикова, М. Н., кн. — 23.
Васильчикова, С. Н., кн. — 24.
Вебер, А. И., директ. Междун. б. — 148.
Вейнштейн, промышленник, чл. Гос. С. — 202.
Венизелос, греческий политич. деятель — 221.
Вильгельм II, герм. император — 15, 19, 20, 24, 25, 32, 37, 44, 204.

[1] В этот указатель вошли имена деятелей старого режима и тех лиц, с которыми они соприкасались. Из числа имен акционеров банков и разных других предприятий, упоминаемых (петитом) на стр. 147—148, а также в перечнях на стр. 232—235 (в приложениях), в указатель включены только те, которые встречаются в основном тексте книги.

ильгельм, кронпринц германский — 53, 96.
индельбанд, чл. правл. Волжско-Камского б. — 232.
итте, С. Ю., гр. — 48, 77, 93, 137, 139.
оейков, В. П., ген., дворц. комендант — 45, 83, 114, 164, 175, 176.
оронцов-Дашков, И. И., гр., наместник кавказский — 80, 86, 87.
ырубова, А. А., фрейлина — 35, 47, 74, 91, 106, 107, 109, 113, 114, 120, 135, 136, 166, 169, 178, 236.
ышнеградский, А. И., директ. Междун. б. — 141, 144, 147, 148, 149, 150, 232 — 234.

абриель, С. Д., директ. Междун. б. — 234.
алиени, франц. ген. — 29.
ельферих, герм. полит. деятель — 204.
ерг V, англ. король — 160, 161, 228.
етцендорф-Конрад, фон, начальник штаба австр. армии — 28.
оворухо-Отрок — 68.
олицына, кн. — 36.
олицын, Н. Д., кн., предс. сов. м-ров — 214.
ольц, фон-дер — герм. ген. — 200.
оремыкин, И. Л., предс. сов. м-ров — 26, 80, 81, 87 — 89, 105, 110, 123, 127, 137, 221.
раббе, гр., ген., казачий атаман — 69.
ранси, А., гессенский придворный — 45.
ригорович, И. К., морской м-р — 88.
рубе, чл. правл. Сибирск. б. — 232.
рэй, Э., англ. м-р иностр. д. — 225, 226, 229.
ужон, промышленник-металлургист — 206.
уревич — 39.
урко, В. И., чл. Гос. С. — 101, 173, 174.
урлянд, И. Я., чл. сов. м-ра внутр. д. — 124, 125.
утман, А. Э., директ. Междун. б. — 148.
учков, А. И., чл. Гос. Д., лидер «октябристов» — 106, 113, 114, 118, 127, 154, 172, 173, 201 — 203.

Давыдов, Л. Ф., председ. правл. Русск. для Вн. торг. б. — 204, 232.
Данилов, Г. Н., ген.-квартирм. штаба верх. главнок. — 163 — 165.
Дейтрих, В. Ф., сенатор — 199.
Делькассэ, франц. м — р иностр. д. — 29.
Джунковский, В. Ф., ген., тов. м-ра внутр. д. — 83.
Добровольский, Н. А., м-р юстиции — 121 — 123, 162.
Драгумис, греч. посланн. — 221.
Дурново, П. Н., чл. Гос. С., «правый» — 48 — 50, 66, 199.

Жевахов, Н. Д., кн., пом. обер-прокур. синода — 177.
Жилинский, ген., представитель рус. штаба при франц. команд. — 20.
Жоффр, главноком. франц. армией — 77.
Жуковский, В. В., тов. предс. сов. съездов торг. и пром., чл. Г. С. — 202.

Заруба, А. И., директ. Междун. б. — 148.
Зита, императрица австрийская — 63.

Иванов, Н. И., ген., главноком. юго-зап. фронтом — 174.
Игнатьев, П. Н., гр., м-р нар. просв. — 88, 94.
Извольский, А. П., русск. посол во Франции — 21, 47, 70, 126, 221.

Кайо, б. франц. премьер-министр — 29, 186.
Камбон, б. франц. посол в Германии — 63.
Каменка, Б. А., предс. правл. Аз.-Донск. б. — 156, 232.
Карл, император австрийский — 63, 64.
Карлотти, итальянск. посол в России — 226.
Келлер, гр., ген. — 179.
Китченер, лорд, англ. военн. м — р, фельдмаршал — 59, 78, 236, 237.
Клейнмихель, графиня — 200.
Климович, директ. департ. полиции — 125.
Кнобельсдорф, герм. офицер — 17, 223.
Коковцов, В. Н., гр., б. предс. сов. м-ров и м-р финансов — 102, 204.
Колышко, И. И., журналист, участник промышл. предприятий — 137 — 139, 231, 235.
Комиссаров, жандармск. ген. — 236 — 238.
Коновалов, А. И., чл. Гос. Д., промышленник — 201, 203.
Коншин, А. В., предс. правл. Русск. Торг.-Пром. б. — 156.

Крамон, герм. генерал — 28.
Красильников, агент департ. полиции — 42.
Кривошеин, А. В., м-р земледелия — 88, 93.
Крупенский, П. Н., камергер, чл. Г. Д. («националист»), секретн. сотрудн. департ. полиции — 90, 181.
Крупп, герм. фирма — 134.
Курлов, ген., тов. м-ра внутр. д.— 49, 154.
Куропаткин, А. Н., ген., главнок. северн. фронтом — 168.
Крымов, ген. — 215, 216.

Ландсгоф, Э. Л., крупнейший акционер Междун. б. — 148.
Лаптев, И. П., чл. Гос. С. (от торговли) — 202.
Лерхенфельд, барон, герм. консул — 17, 223.
Лихтенштейн, Ф., кн., б. австр. посол в России — 11, 65, 192.
Ллойд-Джордж, англ. полит. деятель — 217, 218.
Лобанов-Ростовский, А. Б., кн., б. м — р иностр. д. — 12.
Люциус, фон, герм. посланн. в Швеции (б. советник посольства в России) — 39, 41, 159, 225, 236, 237.

Макаров, А. А., м-р юстиции — 119, 123.
Маклаков, Н. А., б. м-р внутр. д., чл. Гос. С. — 51, 66 — 68, 78, 137 — 140.
Максимович, ген.-адъют. — 35.
Манасевич-Мануйлов, И. Ф. 115 — 117, 119, 120, 122 — 130, 137, 139, 170, 181.
Маниковский, А. А., ген., начальн. гл. артиллер. управл. — 210.
Мансырев, С. П., кн., чл. Гос. Д. — 30.
Манус, И. П., крупнейший акционер Междун. б. и других предприятий — 112, 115, 116, 130 — 140, 147, 148, 151, 158, 162, 177, 181, 201, 202, 208, 209, 215, 234, 235, 241.
Маргарита, принцесса шведская — 24.
Мартэн, франц. дипломат — 63.
Меньшиков, М. О., сотрудник «Нов. Вр.» — 129.
Мещерский, А. П., чл. сов. съездов металлург. промышл. — 141, 233.
Мещерский, В. П., кн., издатель «Гражданина» — 89, 135 — 137, 139.
Милорадович, гр., офицер — 18, 224.
Милюков, П. Н., чл. Гос Д., лидер «кадетов» — 42, 44, 65 69, 126 186, 201, 216.

Нарышкина («Лили») — 35, 65
Наумов, А. Н., м-р земледелия — 197.
Неклюдов, А. В., русск. послан. в Швеции — 38, 42, 225, 226.
Нератов, А. А., тов. мин. иностр. д. — 225, 226.
Нилов, К. Д., адмирал — 135.

Оболенский, Н. Л., кн., б. харьковск. губернатор — 46.
Олсуфьев, Д. А., гр., чл. Гос. С. — 38, 39, 41, 42.
Ольденбургский, А. П., принц, главн. начальн. военно-санитарн. части — 179.
Орлов, В. Н., кн., начальн. военно-походн. канцелярии Николая II — 83, 164, 165.
Орлова, О. Э., кн. — 237.

Пален, граф, сенатор, гофмейстер — 173.
Палеолог, М., французский посол в России — 26, 27, 32 — 34, 57, 130, 135, 136, 139, 210, 224, 231.
Пиленко, А. А., сотрудник «Нов. Вр.», профессор — 126, 129.
Питирим, митрополит петроградский — 114, 120, 123.
Поливанов, А. А., ген., воен. м-р — 79, 88.
Поляк, Л. С., нефтепромышленник — 39, 43, 44.
Поляк, С. Г., нефтепромышленник, чл. сов. Аз.-Донск. б. — 43, 147.
Понафидин, Н. Е., чл. сов. съездов металлург. пром. — 141, 233, 234.
Притвиц, герм. офицер — 223.
Протопопов, А. Д., тов. предс. Гос. Д., председ. совета съездов металлург. пром., м — р внутр. дел (с сентября 1916 г.) — 37 — 47, 50 — 52, 54, 59, 60, 66, 67, 69, 116, 118, 119, 134, 137 — 142, 150 — 160, 171, 172, 185, 186, 201 — 203, 212, 226, 230 — 232.
Пуанкарэ, президент французской республики — 63, 64, 70.
Пуришкевич, В. М., чл. Гос. Д., лидер «правых» — 126, 231, 232.
Пурталес, б. герм. посол в России — 126, 130.
Путилов, А. И., предс. правл. Рус.-Азиат. б., чл. сов. съездов металлург. пром. — 131, 133, 134, 138, 141, 142,

156, 158, 162, 201, 202, 208 — 211, 234, 235.
Пфейфер, Ф. А., директ. Междун. б. — 148.

Распутин — 4, 5, 24, 33, 35, 42, 43, 46 — 48, 51, 58, 59, 67, 69, 70, 72, 74 — 82, 87 — 89, 91 — 96, 101 — 103, 106, 107, 111 — 115, 117 — 123, 125, 130, 134, 135, 137, 139, 140, 151 — 156, 158, 161 — 174, 176 — 181, 184 — 6, 196, 201 — 203, 208, 211 — 213, 215, 226 — 228, 230, 236, 237.
Ратенау, глава герм. треста «Всеобщая Комп. Электричества» — 235.
Резанов, полковник, чл. комисс. по расслед. деятельн. банков — 125.
Рибо, предс. франц. кабинета м-ров — 69, 70.
Римский-Корсаков, А. А., сенатор, предс. «союза русск. народа» — 68, 139, 140, 199, 200, 215.
Родзянко, М. В., предс. Госуд. Д. — 27, 34, 35, 41, 45, 80, 83 — 85, 196, 215.
Романовы:
Александра Федоровна, императрица — 4 — 6, 22 — 8, 32 — 37, 45 — 47, 51, 57 — 59, 65, 70, 74 — 9, 80 — 2, 87 — 9, 90 — 6, 99, 101—107, 109, 111 — 116, 118 — 124, 127, 131, 132, 134 — 7, 139, 140, 155, 156, 158, 161 — 6, 168, 169, 170 — 4, 176 — 9, 180, 181, 185, 202, 208, 215, 225, 226, 236, 237.
Алексей Николаевич, вел. кн., наследник — 31, 169, 175, 176, 216.
Анастасия Николаевна, вел. кн. — 74, 92.
Андрей Владимирович, вел. кн. — 48, 82, 83, 86.
Кирилл Владимирович, вел. кн. — 176.
Мария Павловна, вел. кн. — 33.
Мария Федоровна, императрица — 82, 83.
Милица Николаевна, вел. кн. — 74, 92.
Михаил Александрович, вел. кн. — 216.
Николай II Александрович, император — 3 — 6, 10, 19, 20 — 26, 28, 31 — 37, 44 — 48, 50—52, 56—59, 60 — 62, 65, 66, 68 — 74, 76 — 84, 86 — 97, 101 — 103, 105 — 107, 111 — 114, 116, 118 — 125, 127, 130 — 134, 136, 137, 139, 140, 151, 153, 155, 156, 160 — 181, 184 — 186, 188, 191, 194, 196, 201 — 204, 208, 209, 213 — 217, 221, 222, 225, 229; 231, 236 — 238.
Николай Николаевич, вел. кн., верховный главнокомандующий — 10, 18, 46, 72, 74 — 82, 85 — 87, 91 — 96, 102, 112, 163 — 5, 171, 172. 174, 186, 213, 230, 231.
Павел Александрович, вел. кн. — 26, 35, 36, 164.
Рубинштейн, Д. Л., банкир, директ. Русско-Франц. б. — 116 — 123, 125 — 130, 137, 162, 170, 177, 180, 181, 201.
Рузский, Н. В., ген., главноком. сев.-зап. фронтом — 119.
Рябушинский, П. П., чл. Гос. С., промышленник — 154, 201 — 203.

Саблер, В. К., обер-прокурор синода — 79.
Саблин, Н. П., контр-адм., командир импер. яхты «Штандарт» — 51, 115, 116, 131, 134, 139, 140.
Савенко, А. И., чл. Гос. Д. — 52, 66.
Савич, Я. И., чл. правл. Междун. б. — 148, 149, 156, 234.
Сазонов, С. Д., м-р иностр. д. — 21, 30, 32 — 34, 57 — 59, 88, 90, 93, 169, 190, 214, 221, 224.
Самарин, А., обер-прокурор синода — 79, 81, 88, 90, 91, 93.
Сикст Бурбон — Пармский, принц — 63 — 65.
Симанович, «сотрудник» Распутина — 120, 122.
Сименс-Гальске, герм. электротехнич. трест — 108, 109, 235.
Сименс-Шуккерт, герм. электротехнич. трест — 108, 149, 235.
Скоропадский, П., ген. (позднее гетман Украины) — 12.
Соннино, итальянск. м-р иностр. д. — 226.
Стиннес, глава германских концернов — 159, 160, 212, 235, 236.
Стишинский, А. С., чл. Гос. С. — 199.
Столыпин, А. А., сотрудн. «Нов. Вр.» — 228.
Струков, А. И., председ. совета «объед. дворянства» — 99.
Суворина, А. А. — 128.
Сухомлинов, В. А., воен. м-р — 23, 79, 105, 119, 120, 123, 170.

Татищев, В. С., гр., директ. Соединенн. банка — 104, 112 — 116.
Таубе, М. А., бар., сенатор — 66.
Тирпиц, герм. морской м-р — 54, 56, 229.

Трепов, А. Ф., м-р путей сообщ., затем предс. сов. м-ров — 121, 132, 133, 208, 214, 229.
Тютчева, С. И., фрейлина — 35, 114.

Утин, Я. И., предс. правл. Петр. Уч. и Ссудн. б. — 124, 143.

Федоров, С. П., лейб-хирург — 175.
Филиппьев, Н. И., чл. правл. Междун. б. — 149.
Франц-Иосиф, император австрийский — 62.
Фредерикс, В. Б., бар., м-р имп. двора — 32, 75.
Френч, ген., главноком. англ. армией — 77.
Фриш, В. Э., сенатор — 199.

Харитонов, П. А., госуд. контролер — 88, 93.
Хвостов, А. А., м-р юстиции — 87, 88.
Хвостов, А. Н., м-р внутр. д. — 32, 33, 46, 90, 104 — 114, 120, 127, 136, 137, 176, 177, 180, 212.
Хвостов, И. С., помощн. дир. Соед. б. — 115, 116.
Хрулев, С. С., предс. правл. Междун. б. — 147, 148, 149, 157, 158, 234.

Чарыков, Н. В., б. тов. мин. иностр. д. — 126.
Челищев, М. В., московск. городск. голова, «кадет» — 98, 99, 108, 112, 152.
Червинская — 107.
Чернин, О., австр. м-р иностр. д. (бывш. советник посольства в России) — 60 — 65, 67, 69, 70, 140, 185, 192.

Шайкевич, Е. Г., чл. правл. Междун. б. — 147, 148, 149, 156, 232, 234.
Шайкевич, П. Г., промышленник — 150, 233, 234.
Шаховской, В. Н., кн., м-р торг. и промышл. — 88, 89, 94, 162.
«Шведов», шпион — 236 — 238.
Шереметев, Д. С., гр., флигель-адъют. — 80, 86.
Шингарев, А. И., чл. Гос. Д., «кадет» — 38, 99.
Ширинский — Шихматов, А. А., кн., чл. Гос. С. — 199.
Штюрмер, Б. В., предс. сов. м-ров (с января по ноябрь 1916 г.), м-р внутр. д. (с марта по сентябрь), м-р иностр. д. (с июля по ноябрь) — 45, 46, 50, 52, 53, 56 — 58, 60, 68, 101, 114, 117, 119, 123 — 126, 128, 131 — 33, 153, 162, 169, 185, 186, 197, 199, 200, 208, 213, 214, 228, 229.
Шуваев, Д. С., главн. интенд. (потом военн. м-р) — 151.

Щегловитов, И. Г., чл. Гос. С. (позднее его председатель), лидер «правых» — 51, 66, 100, 101.
Щербатов, Н. Б., кн., м-р внутр. д. — 79, 81, 88, 89, 91, 93, 197.

Эйленбург, гр., обер-гофмаршал берлинск. двора — 32.
Эрдели, гр. — 63.
Эрнст-Людвиг, вел. герцог гессенский — 18, 22, 24, 25, 31, 33, 35, 37, 42, 44, 59, 225.
Эрцбергер, герм. полит. деятель — 10, 21, 22, 28, 29, 42, 58, 159, 160.

Юсупов, Ф. Ф., кн. — 196.

Ягов, фон, герм. м-р иностр. д. — 11, 15, 18 — 21, 53, 95, 222.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие	3
Романовы и сепаратный мир	9
Поворотный этап царской политики	72
Банки и Распутин	103
Распутин и верховное командование	163
От Антанты — к Германии	183
Приложения	221
Указатель имен	242